

008

ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА.

ЧУДЕСА ГИПНОТИЗМА.
В. Витнера.
(Съ 6 рисунками).

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ
«ПРИРОДА и ЛЮДИ»

А. Уро.

Книжный складъ П. П. Сойкина въ С.-Петербургъ.

Стремянная ул., собств. д., № 12.

Принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднимъ всѣ книги по цѣнамъ, объявленнымъ издателями и магазинами. Пересылка за счетъ покупателя по дѣйствительной стоимости. Требованія исполняются за наличныя или съ наложеннымъ платежемъ.

Изданія П. П. Сойкина:

По бѣлу-свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта. Доктора *А. В. Елисева*. Съ иллюстраціями художниковъ *В. Г. Казанцева*, *Н. Н. Каразина*, академика *А. Д. Кившенко*, *С. К. Шотровича*, *Е. П. Самокишъ-Судновской*, академика *Н. С. Самокишъ*. Въ 4 д. 380 стр. текста и 400 рисунковъ, цѣна 3 руб., въ переплетѣ 4 руб. съ перес.

Въ тайгѣ. (Изъ воспоминаній о далекомъ Востокѣ). *А. В. Елисева*. 112 стр.; цѣна 50 к. съ перес.

Путешествіе на луну (астрономическій романъ русскаго ученаго). 432 стр. текста, съ 145 рис.; цѣна 2 руб., въ папкѣ 2 р. 50 к. съ перес.

Вокругъ солнца (астрономическій романъ русскаго ученаго). 338 стр., съ 150 рис.; цѣна 2 руб., въ папкѣ 2 руб. 50 к. съ перес.

Христофоръ Колумбъ. Историч. ром. *Е. Шрекника*. 305 стр.; цѣна 2 руб. съ перес.

Ринконетъ и Кортадилло. Новелла *И. Сервантеса* (автора „Донъ-Кихотъ“), съ рисунками художника *Агалайя*. Съ предисл. *В. В. Чуйко*; цѣна 1 р. съ перес.

Подъ волнами океана. Романъ *д-ра Ж. Ранада*. 244 стр. текста, съ 24 рис.; цѣна 1 р. съ перес.

Стекланный городъ. Романъ *А. Броу*. цѣна 75 коп. съ перес.

Отъ міра сего. Наброски изъ современной жизни. *Ф. Ф. Платонова*; цѣна 1 р. 25 к. съ перес.

Тотализаторъ. Разсказъ *А. Зарина*. 136 стр.; цѣна 50 к. съ перес.

Десять тысячъ лѣтъ среди льдовъ. Ром. *А. Буссенара*; ц. 30 к. съ перес.

Свободное море. Романъ *Ж. Кларетти*; 52 стр.; цѣна 30 к., съ перес.

Среди динарей. Разсказъ *А. Трегана*; 76 страницъ; цѣна 30 коп. съ перес.

Въ защиту нашихъ пернатыхъ друзей. *Н. Мелехискаго*, съ рис. *Джіако-мелли*. 16 стр. цѣна 20 коп. съ перес.

Діагностика внутреннихъ согласно новѣйшимъ методамъ дованія. *О. Фирордта*, проф. Университета. 576 стр. съ 15 въ текстъ; ц. 2 р. съ перес.

«Природа и люди» за 1893 г. Полный томъ—832 страницы, ложеніями, цѣна 4 руб. брош. и 5 руб. въ переплетѣ. Пересылка за 8 фунт.

«Природа и люди» за 1894 г. Полный томъ—832 страницы, ложеніями; цѣна 4 руб. брошюрован. и 5 руб. въ переплетѣ. Пересылка за 8 фунт.

«Природа и люди» за 1893 г. Полный томъ—840 стр., съ приложеніями; цѣна 4 р. брошюр. и 5 руб. въ переплетѣ. Пересылка за 8 фунт.

«Звѣзда» за 1893 г. Полный томъ—1040 стран. текста и 300 рисунковъ, съ 80 приложеніями; цѣна 2 р. брошюр. и 4 р. въ переплетѣ. Пересылка за 10 фунт.

Собраніе сочин. М. Ю. Лермонтова:

съ портр. и биографіей. 440 стр. Съ рис. худ. Михайлова и Брожа; цѣна 1 р. съ перес.

Отдѣльно изданы.

Ангель смерти. Восточная повѣсть; цѣна 10 к. съ перес.

Ашикъ Керибъ. Турецкая сказка; ц. 10 коп. съ перес.

Демонъ. Восточная повѣсть; цѣна 10 коп. съ перес.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова; ц. 10 к. съ перес.

Герой нашего времени; ц. 20 к. съ пер. Мцыри; цѣна 10 коп. съ перес.

Измаиль-бей. Восточная повѣсть; ц. 10 коп. съ перес.

Казначейша; цѣна 10 коп. съ перес.

Бояринъ Орша; цѣна 10 коп. съ перес.

Маскарадъ. Драма въ 4 д. ц. 20 к. съ перес.

226
A 608

Р 1-79
11247

ЧУДЕСА ГИПНОТИЗМА.

В. Битнера.

(Съ 6 рисунками).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

1894.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Октября 1894 г.

130905-0

2014079831

ЧАСТЬ I.

Исторія вопроса о гипнотизмѣ и внушеніи.

I. Окультизмъ въ древности и его отношеніе къ современному гипнотизму и внушенію.

Стремленіе проникнуть въ будущее и узнать свою судьбу всегда, начиная со временъ глубокой древности съ самой, такъ сказать, колыбели человѣчества, и кончая настоящимъ временемъ, было и понынѣ продолжаетъ быть однимъ изъ пламеннѣйшихъ нашихъ желаній. Несмотря на полную логическую несостоятельность или по меньшей мѣрѣ бесплодность какихъ-бы то ни было гаданій, при которыхъ обыкновенно упускается изъ виду, что мантика имѣетъ смыслъ, а предсказаніе можетъ только тогда сбыться, если въ насъ живетъ вѣра въ неизбѣжность рока, стало быть, другими словами, когда не въ нашей власти отклонить грозящее намъ зло, — человечество продолжаетъ все-таки тѣмъ или инымъ способомъ стараться приподнять завѣсу, скрывающую отъ насъ это неизвѣстное будущее. Къ сожалѣнію или, пожалуй, даже къ счастью, совокупныя многовѣковыя усилія человѣческаго генія, направленные къ рѣшенію

этой проблемы, до сихъ поръ остаются безплодными, таинственное покрывало неизвѣстности нисколько, по-видимому, не рѣдѣетъ,—и мы продолжаемъ оставаться въ блаженномъ невѣдѣніи относительно завтрашняго дня, который всецѣло зависитъ отъ каприза своенравной судьбы. Но если, въ дѣйствительности, тысячелѣтія не подвинули насъ въ этомъ отношеніи ни на волосъ впередъ, тѣмъ не менѣе, умъ человѣческій, который, по мѣткому выраженію Лютера, «подобенъ пьяницѣ: поддержите его съ одной стороны, онъ свалится съ другой»,—продолжаетъ шататься изъ стороны въ сторону, вѣчно обманываемый и никогда не теряющій вѣры въ возможность достиженія цѣли. Достаточно появиться какому нибудь современному прорицателю, извѣщающему о своемъ прибытіи широковѣщательною афишею, пересынанною разными, почти всегда безграмотными, но мудреными, съ ногъ сшибательными словечками, достаточно пріѣхать не менѣе «знаменитой дѣвицѣ-альбиносѣ, гадающей по системѣ Ленорманъ» и т. д., чтобы къ нимъ толпами повалилъ не только простой народъ, но даже такъ называемое «образованное общество», въ особенности женщины...

Такимъ образомъ, если и въ настоящее время легко-вѣріе народа служить источникомъ эксплуатаціи для ловкихъ шарлатановъ, то въ древности, когда даже сама религія и философія служили основаніемъ для вѣры въ возможность вѣдовства и своимъ авторитетомъ санкціонировали народныя заблужденія, такая эксплуатація людскаго невѣжества имѣла несравненно болѣе широкіе размѣры. Индія, Египетъ, Ассиро-Вавилонія, Іудея, а въ послѣдствіи Греція и Римъ представляютъ намъ при-

мѣры цѣлаго вполне организованнаго сословія, или касты жрецовъ, которые занимались гаданіемъ будущаго, раскрывали таинственный смыслъ многихъ явленій прошлаго и настоящаго.

Въ основѣ какъ греческой мантики и римской дивинаціи, такъ и гаданій восточныхъ народовъ лежала вѣра въ расположеніе боговъ или духовъ къ самопроизвольному или черезъ посредство болѣе или менѣе сложныхъ пріемовъ сообщенію намъ свѣдѣній или силъ, превышающихъ естественныя способности человѣка. Сообразно съ такого рода различіемъ въ способахъ проявленія божественнаго присутствія, древнее вѣдовство распадается на двѣ вѣтви: собственно мантику или гаданіе и магію. Первая представляла собою совокупность средствъ, при помощи которыхъ божественная мысль добровольно открывалась благочестивой любознательности человѣческаго разума, вторая заключалась въ пріемахъ, при помощи которыхъ можно было подчинить своей волѣ сверхъестественныя силы, т. е. производить явленія, противныя законамъ природы, и исторгать у нея скрытыя тайны. Такимъ образомъ, магія представляла собою, по выраженію Буше-Леклерка, насильственное вѣдовство, которое беретъ свое начало въ глубокой древности, когда еще существовало недовѣріе къ богамъ, выразившееся въ гезіодовскомъ мнѣніи о Прометѣѣ и послѣдующихъ орфическихъ ученіяхъ. Неоплатоники, напримѣръ, вѣрили, что боги-духи, служившіе посредниками между человекомъ и Провидѣніемъ, могли умышленно закрывать источники божественнаго откровенія, а потому ихъ слѣдовало такъ или иначе заставлять относиться къ своей миссіи болѣе добросовѣстно.

Ниже мы постараемся дать нѣсколько болѣе полное понятіе о теологической и философской основѣ вѣдовства древнихъ народовъ; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ приѣмахъ, какіе представители оккультическихъ знаній примѣняли въ мантикѣ.

Само собою понятно, что жрецы, въ интересахъ которыхъ было оберегать употреблявшіеся ими способы сношенія съ божествомъ отъ любопытства непосвященныхъ, хранили свои знанія въ глубокой тайнѣ и раскрытіе ея наказывали смертью. Въ особенности это касалось нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ тайнъ древней магіи, которыя такъ и понынѣ остаются намъ неизвѣстными. Въ Индіи, напримѣръ, согласно Врихаспати, каждому посвящаемому въ брамины, — чему, конечно, предшествовали многіе годы испытаній, — дѣлалось напоминаніе: «помни также, что это тайна, которую никогда не нужно объявлять глупой черни; если-бы ты это сдѣлалъ, тебя-бы встрѣтили большія несчастія». «Это тайна, влекущая за собою смерть, — говорится въ Агрушада-Парикшані, Книгѣ Духовъ, — закрой твой ротъ, чтобы она не была открыта народу; сожми твой мозгъ, чтобы ничто не вышло наружу»... Въ томъ же родѣ встрѣчаются изрѣченія въ Мишнѣ и Зефирѣ - Уеширахъ, еврейскихъ кабалистическихъ книгахъ. Позднѣйшіе маги Греціи и Рима, какъ извѣстно, наследовали свое искусство отъ индусовъ, египтянъ и іудеевъ, такъ что взгляды ихъ на отношеніе къ непосвященнымъ мало чѣмъ отличаются отъ своего первообраза. Для иллюстраціи тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ достигалось сохраненіе профессиональных тайнъ жреческаго сословія, приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ Агрушада-Парикшані.

Каждый посвященный, къ какому-бы классу онъ не принадлежалъ, если откроетъ «великую святую формулу», наказывается смертию.

«Каждый посвященный третьей степени, который раньше назначеннаго времени расскажетъ посвященному второй степени о высшихъ правдахъ, долженъ быть осужденъ на смертную казнь».

То же преступленіе совершенное посвященнымъ второй степени относительно посвященныхъ первой степени, наказывалось смилѣтнимъ признаніемъ преступника за нечистаго, послѣ чего онъ понижался въ первую степень посвященія.

«Каждый посвященный первой степени, который-бы открылъ тайны своего посвященія членамъ другихъ кастъ, для которыхъ наука должна быть закрытою книгою, лишался зрѣнія, и, послѣ отсѣченія ему языка и обѣихъ рукъ, чтобы онъ не злоупотреблялъ тѣмъ, чему научился, его выгоняли изъ храма и исключали изъ касты».

«Каждый, принадлежащій къ тремъ низшимъ кастамъ, если-бы какъ-нибудь добрался до тайныхъ хранилищъ и похитилъ формулы вызыванія, долженъ быть брошенъ въ огонь».

«Если-бы это оказалась дѣвушка, то она должна быть заперта въ храмъ и посвящена служенію огню».

Таковы были наказанія, слѣдовавшія за попытку къ раскрытію тайнъ древней магіи. И нужно замѣтить, что они были довольно дѣйствительны, потому что тѣ многія свѣдѣнія, которыя у насъ имѣются объ этомъ предметѣ, происходятъ не съ Востока, а изъ древней Греціи и Рима, гдѣ магическое искусство стояло на значительно низшей степени развитія. Какъ-бы то ни

было, но у насъ имѣются нѣкоторыя данныя для сужденія о способахъ, примѣнявшихся жрецами древности для прорицанія будущаго. Буше-Леклеркъ, голосъ котораго относительно вопросовъ античнаго вѣдовства является едва-ли не наиболѣе авторитетнымъ, дѣлитъ послѣднее на индуктивное и интуитивное. Къ первому онъ относитъ разнаго рода гаданіе по неодушевленнымъ предметамъ, внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, полету птицъ, «инстинктивнымъ» движеніямъ одушевленныхъ предметовъ, по жребію, по метеорологическимъ явленіямъ, по свѣтиламъ небеснымъ (астрологія), и, наконецъ, математическое гаданіе; ко второму, т. е. интуитивному вѣдовству, онъ причисляетъ онейромантію, некромантію и хресмологію, или гаданіе въ состояніи восторженности.

Что касается индуктивнаго вѣдовства, то оно имѣетъ для насъ одно лишь историческое значеніе, какъ памятникъ извѣстнаго рода міросозерцанія, но къ предмету настоящей работы оно не относится. За то интуитивное вѣдовство представляетъ для насъ большой интересъ. Нужно, однако, замѣтить, что дѣленіе упомянутаго ученаго, на первый взглядъ, вполне раціональное, въ сущности, оказывается слишкомъ искусственнымъ или, вѣрнѣе, невыдержаннымъ и недостаточно продуманнымъ. Дѣло въ томъ, что къ индуктивному вѣдовству онъ безразлично относитъ всякаго рода гаданія по неодушевленнымъ предметамъ. Такимъ образомъ, сюда совершенно неправильно причислены гидромантія, или гаданіе посредствомъ воды, леканомантія, — гаданіе посредствомъ бассейна, въ который иногда кидали золотыя и серебряныя пластинки и т. п., катоптромантія, — гаданіе посред-

ствомъ зеркаль, лихномантія, гаданіе посредствомъ лампъ, кристалломантія, — гаданіе посредствомъ блестящихъ кристалловъ и т. д. Между тѣмъ нетрудно видѣть, что во всѣхъ этихъ способахъ, цѣлью которыхъ являлось искусственное вызваніе особаго психическаго состоянія, называемаго теперь гипнозомъ, было слишкомъ мало общаго съ другими родами мантики, какъ, на примѣръ, съ гаданіемъ по внутренностямъ животныхъ, по расположенію брошенныхъ камешковъ и другимъ явленіямъ, толкованіе которыхъ было вполне искусственно и имѣло одинъ развѣ только символическій смыслъ.

Въ настоящее время можно считать прочно установленнымъ фактъ возможности вызванія гипноза, т. е. особаго измѣненія психическаго состоянія, хотя имѣющаго много общаго съ обыкновеннымъ сномъ, но и существенно отъ него отличающагося. Средствъ, вызывающихъ это состояніе, очень много, но всѣ они могутъ быть сведены къ тремъ категоріямъ: 1) психическому воздѣйствію одного человѣка на другаго, или такъ называемому внушенію соотвѣтственныхъ представленій; этотъ способъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, слѣдуетъ считать единственнымъ, такъ какъ остальные будто-бы сводятся въ концѣ концовъ къ тому же внушенію, безъ котораго ни одинъ изъ нихъ не обходится; 2) непосредственному воздѣйствію на нервную систему разныхъ предметовъ, одушевленныхъ или неодушевленныхъ, происходящему отъ утомленія, благодаря продолжительному сосредоточенію какого-нибудь органа чувствъ на одномъ пунктѣ, отъ специфическаго дѣйствія магнитовъ, прикосновенія нѣкоторыхъ особо одаренныхъ субъектовъ и т. п.; и, наконецъ, 3) дѣйствію души на

самое себя, или самоусыпленію. Последнее, очевидно, представляет собою частный случай внушенія.

Разсматривая способы стариннаго гаданія и сравнивая ихъ съ современными приѣмами гипнотизированія, становится очевиднымъ, что гипнотическое состояніе играло въ древнемъ вѣдовствѣ весьма существенную роль. Апулей въ «Апологій» рассказываетъ, по Варрону, что во время войны съ Митридатомъ траллійцы обратились къ прорицателямъ, и дитя, которое пристально смотрѣло на опущенное въ воду изображеніе Гермеса, предсказало имъ результатъ войны въ ста шестидесяти стихахъ. Пселль *) слѣдующимъ образомъ описываетъ способъ гаданія по водѣ, причемъ онъ, однако, высказываетъ свои, не имѣющія для насъ значенія, догадки: «Берется сосудъ, — говоритъ онъ, — съ пророческой водой, самая форма котораго показываетъ расположе- ніе духовъ къ впадинамъ. Вода, которую наливаютъ въ вазу, ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной воды. Но обряды и колдовство, совершаемые надъ сосудомъ, сообщаютъ водѣ силу прорицанія. Эта божественная сила исходитъ изъ земли и имѣетъ особенное дѣйствіе: проникая въ воду, она производитъ шумъ, смыслъ котораго непонятенъ присутствующимъ; затѣмъ, соединившись съ жидкостью, она издаетъ неясные звуки, изъ которыхъ извлекаютъ указанія относительно будущаго. Эта сила прорицанія, присущая матеріальному предмету, всегда неопредѣленнаго, смут-

*) Буше-Леклеркъ. Изъ исторіи культуры. Истолкованіе чудеснаго (вѣдовства) въ античномъ мірѣ. Пер. Мищенко, 152 стр.

наго характера, и гадатели умышленно пользуются этими слабыми, неопредѣленными звуками, такъ какъ при этомъ не могутъ быть уличены во лжи».

Съ гидромантией и леканомантией имѣло много общаго гаданіе при помощи зеркалъ или катоптромантика. Дидій Юліанъ всегда прибѣгалъ къ этому способу прорицанія передъ началомъ всякаго сраженія и получалъ отвѣтъ отъ ребенка, который смотрѣлъ въ зеркало послѣ того, какъ надъ его головою были произнесены заклинанія. Впрочемъ употреблявшееся для опытовъ дитя не всегда имѣло глаза открытыми, очень часто они ему завязывались, а «заколдованная верхушка головы» исполняла зрительную функцію. Такимъ путемъ Дидій Юліанъ узналъ свое близкое паденіе и прибытіе Севера. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ гиперестезією общаго чувства и внушенными галлюцинаціями, чѣмъ нерѣдко сопровождается сомнамбулическій сонъ. Въ этомъ состояніи нѣкоторые субъекты обладаютъ способностью такъ называемаго ясновидѣнія.

Ибнъ-Халдунъ *) весьма вѣрно передаетъ ощущенія, испытываемыя гадающимъ въ зеркало. «Прорицатель, — пишетъ онъ, — пристально глядитъ на поверхность зеркала, пока оно не исчезнетъ, и пока между нимъ и зеркаломъ не явится словно завѣса изъ тумана. На этой завѣсѣ выступаютъ образы, которые онъ желаетъ видѣть, что позволяетъ ему давать положительные или отрицательные отвѣты на предложенные ему вопросы. Тогда онъ рассказываетъ, что видитъ. Прорицатели въ

*) Ibn Khaldoun, Prolegomènes, trad. de Plane, приведено у Симона въ «Le monde des rêves».

этомъ состояніи не видятъ того, что можно дѣйстви-
тельно видѣть въ зеркалѣ; у нихъ является совершенно
особый родъ воспріятія». Для большей успѣшности гада-
нія посредствомъ зеркалъ, употреблялись особые обряды,
цѣлью которыхъ было способствовать приведенію про-
рицателя въ состояніе, благопріятное возникновенію
галлюцинацій. Въ числѣ такихъ подготовительныхъ дѣй-
ствій слѣдуетъ отмѣтить постъ, молитву, уединеніе, благо-
вонныя куренія и заклинанія, игравшія роль настоящихъ
внушеній. Постъ продолжался обыкновенно семь дней,
въ теченіи которыхъ жрецъ оставался въ полномъ уеди-
неніи, а иногда даже и въ темнотѣ, и совершалъ раз-
ныя соотвѣтствовавшія случаю молитвы. Передъ самымъ
началомъ гаданія зеркало обливалось сильными арома-
тическими веществами, вокругъ прорицателя устанавли-
вались курильницы, наполнявшія воздухъ благовоніемъ.
Все это на истощеннаго постомъ и бдѣніемъ прорица-
теля производило одуряющее дѣйствіе, а раздававшіеся
надъ нимъ заклинанія, въ связи съ устремленнымъ въ
зеркало взглядомъ, способствовали погруженію прори-
цателя въ гипнозъ.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что подобнаго рода под-
готовка гадателя примѣнялась далеко не всегда. Во мно-
гихъ случаяхъ прорицателями являлись дѣти и жен-
щины, жрецы же занимались только истолкованіемъ гал-
люцинацій, возникавшихъ подъ вліяніемъ внушенія у
погруженныхъ въ гипнозъ субъектовъ. Вообще дѣти и
женщины считались древними-наиболѣе пригодными для
выраженія черезъ нихъ божественной мысли. Пользова-
ніе дѣтьми для этой цѣли сохранилось и въ позднѣй-
шія времена. Между прочимъ можно упомянуть объ из-

вѣстномъ чародѣѣ прошлаго вѣка Жозефъ Бальзамо или маркизъ Каліостро, который, познакомившись во время своихъ странствій по Востоку съ тамошними оккультическими науками, примѣнялъ для своихъ опытовъ ясно-видѣнія «голубковъ» и «голубокъ», какъ онъ называлъ «невинныхъ дѣтей». «Великій Коптъ» накладывалъ на голову ребенка руку и заставлялъ его смотрѣть на наполненный водою хрустальный графинъ, чѣмъ достигалось погруженіе дитяти въ гипнотическое состояніе, во время котораго оно видѣло въ графинѣ самыя поразительныя вещи. Многіе восточные народы, какъ, напри- мѣръ, талебы, и до сихъ поръ употребляютъ для своихъ чаръ дѣтей.

Но само собою понятно, что, кромѣ обыкновенныхъ способовъ погруженія въ гипнозъ, для цѣлей гаданія и произведенія на народъ впечатлѣнія древніе жрецы, особенно греческіе и римскіе, оккультическія знанія которыхъ были значительно ниже, чѣмъ у ихъ восточныхъ учителей,—должны были зачастую прибѣгать къ гру- бому обману. Но и самый этотъ обманъ нелишенъ нѣко- торой поучительности. Желая, положимъ, вызвать тѣни или духовъ, жрецы вводили вопрошавшаго въ особую темную комнату, потолокъ которой былъ окрашенъ въ голубой цвѣтъ, а на полу, посрединѣ, былъ поставленъ ка- менный сосудъ, наполненный водою, въ которой отражался потолокъ, напоминая своимъ цвѣтомъ небо. Въ камен- номъ сосудѣ дно было стеклянное, а подъ нимъ въ полу находилось скрытое отверстіе. Внизу была скрыта еще одна комната, въ которой помѣщались шарлатаны, пере- одѣтые въ боговъ или духовъ, въ зависимости отъ жела- нія мага. Вопросавшіе при видѣ этого необыкновеннаго явленія до того изумлялись, что готовы были вѣрить

всему, что здѣсь было говорено. «Желая показать объятаго пламенемъ генія, шарлатанъ рисуетъ на стѣнѣ фигуру и натираетъ ее воспламеняющимся составомъ; затѣмъ, какъ-бы объятый пророческимъ восторгомъ, онъ приближаетъ къ фигурѣ факель, и та быстро вспыхиваетъ». Для того, чтобы показать объятую пламенемъ Гекату, ѣдущую по воздуху, употреблялся коршунъ или ястребъ, покрытый паклей. Предупредивъ наивныхъ зрителей, что едва только они замѣтятъ въ воздухѣ огонь, какъ тотчасъ же должны попадать ницъ и ждать позволенія встать, магъ начинаетъ произносить слѣдующія нелѣпыя заклинанія: «Прійди, адскій, земной и небесный Бомбо, проводникъ по улицамъ и переулкамъ, блуждающій свѣтъ ночей, любящій лай собакъ и пурпуръ крови, ходящій по тризнамъ и гробницамъ покойниковъ, опьяненный кровью, поселяющій ужасъ среди смертныхъ; ты, Горгона, Муона, Луна, многообразное существо, приди, благодѣтельная, вкусить нашихъ изліяній». При послѣднихъ словахъ другой, спрятанный поблизости, шарлатанъ поджигаетъ паклю на птицѣ и выпускаетъ ее. «Перепуганная пламенемъ птица поднимается на воздухъ, быстро летаетъ, а простаки, принимающіе это за чудо, прячутся. Птица повсюду разноситъ огонь, послѣдствіемъ чего бываетъ нерѣдко пожаръ цѣлаго дома или хлѣва *)». Вообще, какъ замѣчаетъ Страбонъ, «надувательство и фиглярство граничили съ восторженностью, богослуженіемъ и прорицательствомъ».

Выше мы говорили о способѣ гаданія при помощи погруженія въ воду блестящихъ металлических пластинокъ, на которыя желающій получить отвѣтъ непосред-

*) Приведено у Буше-Леклерка, 281.

ственно отъ духа, бога, генія и т. п., долженъ былъ пристально смотрѣть въ теченіи неопредѣленнаго промежутка времени; того же достигали, сосредоточивая взглядъ на блестящихъ кристаллахъ, металлическихъ отполированныхъ кольцахъ, пламени свѣчи или лампы и т. д. Вообще всякое продолжительное фиксированіе опредѣленной точки у людей нервныхъ или особеннымъ образомъ подготовленныхъ, — о чемъ будетъ рѣчь ниже, — могло вызывать то, такъ часто упоминаемое въ древнихъ книгахъ, — Ману, Багаватты, Агрусхада - Парикшаи, а также Зендъ-Авестѣ и Ведахъ, «волшебное состояніе», которое ничѣмъ въ сущности не отличается отъ извѣстныхъ намъ формъ гипнотическаго сна. Это состояніе, характеризующееся особою впечатлительностью ко всякаго рода внушеніямъ, въ числѣ которыхъ на вызваніе зрительныхъ галлюцинацій, способныхъ производить наиболѣе сильное впечатлѣніе на толпу, древніе прорицатели обращали особенное вниманіе, хотя изъ описанія нѣкоторыхъ гаданій видно, что и слуховыя имѣли иногда здѣсь мѣсто. Что же касается употребленія нѣкоторыхъ ароматическихъ веществъ, въ видѣ ли куреній, обливанія, или покрыванія ими служившихъ для цѣлей гаданія предметовъ, то по всей вѣроятности это дѣлалось съ цѣлью произведенія нѣкотораго анестезирующаго дѣйствія, способствующаго возникновенію галлюцинаторныхъ образовъ. Примѣненіе же такихъ общеизвѣстныхъ средствъ, какъ опиумъ, гашишъ, кока, бѣлена, дурманъ и другихъ, а также многихъ неизслѣдованныхъ или даже вовсе неизвѣстныхъ веществъ, по видимому, изъ ряда алкалоидовъ, не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно характера возможнаго ихъ вліянія на нервную систему гадающаго. Въ числѣ средствъ,

якобы способствовавшихъ ясновидѣнію, греки указывали на листья священнаго лавра. Вдыханіе ихъ запаха и въ особенности жеваніе усиливало проявленіе ясновидѣнія у возсѣдавшей на треножникѣ піиіи. И дѣйствительно, новѣйшія изслѣдованія надъ примѣненіемъ лавровыхъ ягодъ доказали ихъ сильное дѣйствіе на нервную систему. Впрочемъ, древніе оракулы располагали большимъ запасомъ средствъ возбужденія способности прорицанія, а такія, какъ шумъ священныхъ дубовъ и лавровъ, божественный говоръ источниковъ и опьяняющій запахъ листьевъ лавра играли, конечно, второстепенную роль. Все это могло оказывать на піиію, которая не разъ уже выпадала въ желаемое состояніе, дѣйствіе, основанное преимущественно на самовнушеніи. По вѣрованію дорійцевъ, въ Коссатиду, источникъ находившійся въ Дельфійскомъ прорицалищѣ, и росшій тамъ лавръ входилъ духъ Аполлона, который затѣмъ переходилъ въ тѣло піиіи, пившей священную воду и жевавшей листокъ лавра. Тогда наступала борьба, окончивавшаяся полнымъ подчиненіемъ личной воли женщины, черезъ которую божество совершало свое откровеніе. «Въ глубинѣ темной расщелины, сдѣланной божественной рукой въ нѣдрахъ земли, кипитъ вода, разлитая нимфами, изобилующая опьяняющими испареніями. Надъ расщелиною поднимается треножникъ Аполлона, эмблема огня, который утончаетъ эти испаренія и проводитъ ихъ въ разумъ. На треножникѣ хрипитъ вакханка, безсознательный органъ дѣйствующаго на нее духа» *). Вопр. шавшіе съ благоговѣйнымъ ужасомъ созерцали какъ-бы висѣвшую надъ свя-

*) Буше-Леклеркъ, 294.

щенной пещерой пнию, голосъ которой сливался съ шелестомъ лавра и звуками бубна, потрясаемаго пророчицей. Это было, по мнѣнію нѣкоторыхъ, то состояніе священнаго оупьяненія, восторженности, близкой къ бреду безумной, которое характеризуетъ особый истерическій припадокъ, въ послѣдствіи названный греками экстазомъ. Во всякомъ случаѣ, относительно характера вліянія испареній Кассатиды сомнѣній быть не можетъ, хотя-бы даже въ виду существованія древней легенды, въ которой упоминается о козахъ, внезапно обмиравшихъ при приближеніи къ источнику, сдѣлавшемуся въ послѣдствіи священнымъ.

Нашъ очеркъ слишкомъ-бы растянулся, если-бы мы вздумали описывать разные способы прорицанія, примѣнявшіеся въ древности. Полагаемъ, и сказаннаго достаточно для того, чтобы судить о степени участія въ нихъ гипнотизма и внушенія, въ связи съ разстройствами нервной системы. Такой выводъ становится еще болѣе очевиднымъ, если мы обратимъ вниманіе на методы, рекомендуемые разными народами, между прочими индусами, для приведенія себя въ «волшебное состояніе». Среди этихъ способовъ заслуживаютъ вниманія три, указываемые въ индусской книгѣ Уннекъ-Хатъ. Первый изъ нихъ требуетъ наибольшаго терпѣнія и силы воли, чтобы выдержать конца. Вотъ въ общихъ чертахъ предписываемыя имъ правила. Нужно вдохнуть къ себя воздухъ насколько возможно болѣе и, удерживая его въ себѣ, произнести 40 разъ подрядъ имя «Омъ». Послѣ этого слѣдуетъ какъ можно долѣе выдыхать воздухъ и мысленно посылать его черезъ небесныя пространства, связывая съ міровымъ эфиромъ. При этомъ должно явиться такое состояніе, когда че-

ловѣкъ дѣлается слѣпымъ, глухимъ и безчувственнымъ, подобно неподвижному куску дерева. Затѣмъ, приведя себя въ положеніе, когда голова лицомъ обращена къ сѣверу, а все тѣло лежитъ на локтяхъ и колѣняхъ, нужно закрыть пальцемъ одну ноздрю и втягивать другую воздухъ, а потомъ закрыть и ее, сосредоточивъ мысль на томъ, что творческая сила находится во всѣхъ животныхъ, какъ въ муравьѣ, такъ и въ слонѣ. Пробывъ въ такихъ мысляхъ очень долго, — чѣмъ долѣе, тѣмъ лучше, — нужно потомъ сказать 12 разъ «Омъ» и по 80 разъ во время каждаго вдыханія, увеличивая это число до тѣхъ поръ, пока возможно.

Все это слѣдуетъ продѣлывать въ теченіи 3 мѣсяцевъ, безъ всякаго страха и лѣности, стараясь возможно меньше ѣсть и спать. На четвертый мѣсяцъ начнутъ являться духи; на пятый столь продолжительное умерщвленіе плоти сообщаетъ человѣку всѣ качества духовъ; на шестой онъ дѣлается чародѣемъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что даже среди индусовъ немного найдется способныхъ выдержать эту полугодовую подготовку, послѣ которой возвращеніе къ прежнему здоровому состоянію уже невозможно. Только глубокой религіозный фанатизмъ и непомѣрное честолюбіе могутъ дать силы выдержать искусь.

Если читатель интересуется болѣе простымъ способомъ, рекомендуемымъ тою же книгою, то ему придется призвать на помощь всю силу своего воображенія, чтобы ясно представить себѣ вступительные приемы, послѣ которыхъ дѣло становится, если и не совсѣмъ яснымъ, за то уже не столь затруднительнымъ.

Предлагается втянуть снизу вверхъ воздухъ съ правой стороны, перевести его къ пуку, къ серединѣ (?)

сердца, къ горлу и переносью. Удержавъ его здѣсь возможно долѣе, можно достигнуть слитія его съ міровою силою. Если вамъ удастся продѣлать подобный фокусъ, тогда подумайте о великомъ Омѣ, всемірномъ, все напняющемъ, чистомъ и нераздѣльномъ голосѣ, міровой силѣ. Она даетъ знать о себѣ десятью способами или звуками. Первый голосъ—это крикъ воробья; при этомъ звукѣ волосы на головѣ созерцателя становятся дыбомъ. Второй—тотъ же голосъ, но вдвойнѣ; при немъ все тѣло коченѣетъ. При третьемъ,—звукѣ цимбаловъ,—ощущается истома. Четвертый, стукъ большихъ скорлупъ, сопровождается головокруженіемъ. Пятый, подобный пѣнію индѣйской лиры, сопутствуетъ ощущенію притокъ жизненной воды къ мозгу. При шестомъ, звукѣ инструмента таль, эта вода стекаетъ внизъ и питается тѣломъ. Седьмой, подобный звуку бамбуковой флейты у самого уха, надѣляетъ того, кто его услышитъ, даромъ чтенія чужихъ сердецъ, распоряженія видѣніями и ощущенія самыхъ отдаленныхъ голосовъ. Восьмой,—звукъ инструмента накаужда, девятый—маленькой трубы, десятый—трескъ грома, ддда, ддда, ддда! Слышащій эти звуки дѣлается на столько легкимъ, что можетъ переноситься куда угодно по воздуху, дѣлается, подобно духамъ, всевидящимъ и невидимымъ для другихъ, наконецъ, при конечномъ развитіи своей духовной мощи, онъ становится самымъ всемірнымъ недѣлимымъ голосомъ, свободнымъ отъ всего волшебникомъ, воплощеннымъ спокойствіемъ, распредѣляющимъ покой въ мірѣ... Мы нарочно сдѣлали эту выписку, чтобы читатель могъ, по аналогіи съ нѣкоторыми симптомами особой формы гипноза, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, составить себѣ понятіе о пресловутомъ волшебномъ состояніи древнихъ писателей.

Наконецъ, третій способъ погруженія себя въ это состояніе заключается въ продолжительномъ, крайне болѣзненномъ созерцаніи кончика своего носа.

Въ числѣ общихъ гигиеническихъ или, вѣрнѣе, антигигиеническихъ средствъ къ приобрѣтенію чудодѣйственной силы и состоянія вибуті, аналогичнаго сомнамбулическому ясновидѣнію, въ Ману рекомендуются слѣдующія: «Надо валяться по землѣ, или весь день стоять на пальцахъ, или вставать и садиться до изнеможенія. Въ знойное время года онъ (кающійся) долженъ сидѣть въ жару четырехъ огней; подъ жгучими солнечными лучами, въ дождь — мокнуть подъ облачными потоками, въ холодное время года — носить мокрое платье. Отъ постоянно усиливаемой жестокости истязаній да истощится его брѣнное тѣло, и когда слабость овладѣетъ имъ, онъ долженъ отправится въ путь по направленію на сѣверо-востокъ, питаясь водою и воздухомъ, пока его смертное тѣло не разрушится, а душа не сольется съ Брамою». «Подвижникъ, — говорится въ Сакунталѣ, — да покрываетъ свое тѣло кучами муравьевъ, колючія растенія да обвиваютъ и терзаютъ его шею, а птицы свиваютъ гнѣзда свои вокругъ плечей его». Наряду съ такимъ истязаніемъ тѣла должно не забывать и духа, цѣлью стремленій котораго является «слитіе капли съ океаномъ» или, исчезновеніе личнаго «я» въ Брамѣ. Здѣсь, такимъ образомъ, мы подходимъ къ теологическимъ воззрѣніямъ древняго Востока по отношенію къ явленіямъ духовнаго міра. Разсмотрѣніемъ этого вопроса мы займемся въ слѣдующей главѣ.

II. Теологическое толкованіе явленій гипнотизма и внушенія у древнихъ народовъ.—Магія и медицина по отношенію къ философіи.

Выше мы упоминали о мантикѣ и магіи, какъ о двухъ наукахъ, имѣвшихъ цѣлью овладѣть божественнымъ разумомъ. Подъ магіею обыкновенно понималась совокупность знаній, при помощи которыхъ можно подчинить себѣ силы природы, вызывать тѣни предковъ, даже требовать къ себѣ самихъ боговъ; что же касается искусства вводить боговъ въ душу человѣка, который пріобрѣталъ, такимъ образомъ, даръ ясновидѣнія, то это было принадлежностью частнаго вида магіи, такъ называемой теургіи. Последняя въ сущности приближается и даже во многихъ случаяхъ неотдѣлима отъ интуитивной мантики, которая, какъ мы уже отчасти видѣли, нерѣдко пользовалась явленіями гипнотизма и внушенія. Для того, чтобы составить себѣ по возможности цѣльное понятіе о теологическомъ толкованіи явленій, представляющихъ собою значительную часть оккультизма древнихъ, намъ нужно прежде всего обратиться къ письменнымъ памятникамъ индусовъ, ассири-вавилонянъ и персовъ, египтянъ и евреевъ, отъ которыхъ греко-римская цивилизація заимствовала свои оккультическія науки. Но, конечно, не въ Ведахъ, Зендъ-Авестѣ или другихъ древнихъ религіозныхъ книгахъ, назначенныхъ для большаго круга читателей, слѣдуетъ искать объясненія теологической стороны тайныхъ наукъ.

«Помни, сынъ мой,—учили брамины неопита, посвящая его въ духовныя сокровища индѣйскаго оккультизма,—что существуетъ только одинъ Богъ, высочайшій

Господинъ и Источникъ всего, и что каждый браминъ долженъ поклоняться Ему втайнѣ...» «Гоноверъ», т. е. божественное начало,—говорится въ Зендъ-Авестѣ,—«существовалъ, говорю тебѣ ясно, о, мудрый Зороастръ! раньше стадъ скота, раньше деревьевъ, раньше огня, сына Ормузда, раньше чистаго человѣка, раньше Деуса, раньше всего свѣта, существовалъ раньше всѣхъ вещей». Сущность этого-то Гоновера объяснялась только немногимъ посвященнымъ, обыкновенный же смертный не долженъ былъ подѣ страхомъ смерти или сумасшествія знать даже, въ чемъ проявлялось его существованіе. Мишна высказывается въ томъ же родѣ относительно Меркабы, одной изъ тайныхъ каббалистическихъ книгъ, изложеніе которой допускалось въ очень рѣдкихъ случаяхъ только одному, и то очень умному и уже старому, человѣку. Что касается Зогара тѣхъ же каббалистовъ, то знакомство съ нимъ было доступно еще меньшему числу посвященныхъ, которые у всѣхъ народовъ древности дѣлились на степени. Употребляемое каббалистами и индѣйскими послѣдователями культа Питри выраженіе: «вошелъ въ садъ блаженства», означаетъ не рай, какъ могли бы нѣкоторые думать, а посвященіе въ тайную науку, страшную для слабыхъ умовъ и способную довести ихъ до сумасшествія, вслѣдствіе сопряженныхъ съ высшимъ посвященіемъ ужасныхъ испытаній. Къ сожалѣнію, отъ египтянъ и халдеевъ до насъ не дошло никакихъ письменныхъ памятниковъ, касающихся этого вопроса. Но, судя по чѣмъ-то уцѣлѣвшимъ надписямъ, не подлежитъ сомнѣнію, что и у нихъ существовало особое посвященіе въ тайны оккультизма. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что жреческое сословіе было и у этихъ обоихъ народовъ совершенно замкнутымъ. Тайнственное

имя наивысшей сущности Эа не должно было когда-либо произноситься вслухъ.

Словомъ, какъ говоритъ Жаколіо, глубокій знатокъ восточной литературы оккультизма, тайная наука «имѣла свой генезисъ, свою теологію, свою философію, свои особые обряды и дѣйствія, открытіе которыхъ народу было строго воспрещено».

Все это мы говоримъ къ тому, что необходимо отличать теологическое толкованіе интересующихъ насъ явленій среди высшаго сословія жрецовъ отъ понятій и вѣрованій простаго народа. Благодаря сохраненію въ Индіи рукописныхъ сокровищъ ея древней цивилизаціи, у насъ имѣются многія данныя для составленія себѣ нѣкотораго понятія о теологической сторонѣ вопроса, какъ у самихъ посвященныхъ въ тайны древняго оккультизма, такъ и народныхъ о немъ вѣрованій. Для послѣдней цѣли, наряду съ такими памятниками религіознаго творчества восточныхъ народовъ, каковы Талмудъ, Зендъ-Авеста и Веды, служившіе къ объединенію и развитію вѣрованій для общей массы народа, должна имѣть большое значеніе также и греко-римская литература. Послѣдняя, какъ болѣе къ намъ близкая, менѣе отвлеченная и символическая, имѣетъ для насъ особую цѣнность. Къ тому же, въ виду совершенно отличнаго отношенія жреческаго сословія Эллады и Рима къ оккультическимъ наукамъ, вообще никогда у нихъ не достигавшимъ до той высокой степени совершенства, какую мы можемъ видѣть даже и теперь среди исповѣдующихъ культъ Питри, — теологическое толкованіе всѣхъ формъ вѣдовства вовсе не составляло профессиональной тайны жрецовъ; напротивъ, оно служило постояннымъ источникомъ споровъ и обсужденій. Философы

же древняго греко-римскаго міра, которые по своему характеру совершенно отличались отъ мудрецовъ Востока, съ ихъ идеалами аскетизма, удаленія отъ общества и самоуглубленія, передавая въ народъ свои миѣнія о религіозныхъ вопросахъ, дѣлали ихъ общимъ достояніемъ и тѣмъ самымъ, такъ сказать, демократизировали ихъ. Наконецъ, — и это едва-ли не самое важное, — господствовавшія въ греко-римской литературѣ идеи еще долгое время послѣ введенія христіанства продолжали оказывать вліяніе на религіозныя научныя воззрѣнія Европы. Но такъ какъ въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что не только философскія воззрѣнія на душу у грековъ и римлянъ, но даже у халдеевъ, а также и самихъ даже египтянъ, были заимствованы отъ индусовъ, то прежде, чѣмъ говорить о теологическомъ толкованіи явленій гипнотизма и внушенія въ античномъ мірѣ, мы должны дать хотя самое слабое понятіе о воззрѣніяхъ на этотъ предметъ у индусовъ.

Въ книгѣ Питри, т. е. — Духовъ *), человѣкъ представляется ничѣмъ инымъ, какъ душою, тѣло же его служить лишь средствомъ сообщенія съ земною матеріею. Изслѣдованіе души служитъ основаніемъ къ познанію видимыхъ и невидимыхъ силъ природы, къ познанію великаго Всеобщаго Бытія. Душа или «я» — это субстанція, представляющая собою причину явленій, о существованіи которыхъ человѣкъ судитъ по внутреннему свѣту, называемому аханкарою, совѣстью. Послѣдняя

*) Эта часть главы, касающаяся Индіи, составлена главнымъ образомъ по Жаколіо.

является всеобщимъ свойствомъ живущихъ существъ, но высшая степень ея заключается въ человѣкѣ. «Я» объясняется этимъ высшимъ свѣтомъ, согласно которому оно и дѣйствуетъ. Аханкара переходитъ, по выраженію божественнаго Ману, отъ растенія, въ которомъ произрастаетъ и словно дремлетъ, къ животнымъ и человѣку, постепенно отдѣляется отъ матеріи, владѣетъ ею и распоряжается вплоть до высшаго преображенія, возвращающаго душѣ свободу и позволяющаго ей вести свое совершенствованіе до безконечности. Однако, освобожденная отъ тѣлесныхъ узъ душа не перестаетъ интересоваться землею, оставаясь дѣятельнымъ агентомъ великаго Всего.

По мѣрѣ приближенія къ своему послѣднему преображенію, душа пріобрѣтаетъ безконечныя свойства. При помощи чистой жидкости, «агазы», она входитъ въ сношеніе съ опередившими ее въ дѣлѣ преображенія духами, т. е. питри, отъ которыхъ получаетъ указанія и, въ зависимости отъ заслугъ, пріобрѣтаетъ свойство приведенія въ движеніе силъ природы. Такъ какъ конечною цѣлью нашего существованія является освобожденіе души отъ тѣлесной оболочки, то наука должна стремиться къ облегченію возможно скорого освобожденія души отъ матеріальныхъ узъ, страстей и разныхъ дурныхъ вліаній, мѣшающихъ достиженію небесныхъ сферъ, обитаемыхъ воздушными существами, которыя уже достигли конца своихъ трансформаций.

Если же душа не дошла до той степени совершенства, при которомъ она пріобрѣтаетъ чистую жидкость «агазу», то ея трансмиграція не прекращается, пока оно не будетъ достигнуто, и душа не получитъ возможности покинуть человѣческій образъ. Въ человѣкѣ заключаются абсо-

лутныя понятія, существующія внѣ предѣловъ матеріи и чувствъ и получаемыя имъ отъ Шваймбувы, существа предвѣчнаго. Никакое воспитаніе не въ состояніи дать этихъ понятій, которыя представляютъ собою причину, тождество, противоположность и гармонію.

Нашъ умъ не допускаетъ возможности безпричиннаго явленія, хотя во многихъ случаяхъ мы никакъ не можемъ уловить эти причины. Интересно сопоставить съ этимъ индѣйскимъ міровоззрѣніемъ скептицизмъ Юма, который утверждалъ, держась совершенно другихъ воззрѣній, что скорѣе можно доказать, что ночь есть причина дня, чѣмъ тысячи случаевъ, къ которыхъ мы убѣждены, что знаемъ настоящую причину вещей. Благодаря понятіямъ тождества и противоположности, — учить индѣйская религіозная философія, — мы увѣрены, что два противоположныхъ факта не могутъ управляться однимъ и тѣмъ же закономъ, что добро — не зло и т. д. Наконецъ, принципъ гармоніи говоритъ намъ, что во вселенной все подчиняется неизблѣмымъ законамъ. Такимъ образомъ, благодаря существованію у насъ этихъ четырехъ основныхъ понятій, мы должны признать существованіе Творца и Хранителя этихъ законовъ, высшей и всеобщей причины.

Въ мірѣ «ничто не начинается, — сказано въ Атарва-Ведѣ, — ничто не кончается, все измѣняется и преобразуется; жизнь и смерть — это только виды преображенія, которые переводятъ жизненную молекулу отъ растенія къ самому Брамѣ!» Взглядъ этотъ, составляющій основаніе и исходный пунктъ всей теософіи и космогоніи индусовъ, въ примѣненіи къ человѣку, выражается въ ведовской троицѣ, символическое изображеніе которой составляютъ три буквы UAM.

«Есть одинъ, но ихъ два; два это три. Одинъ заключаетъ въ себѣ два принципа, а соединеніе двухъ основаній образуетъ третье». «Есть одинъ, стало быть, есть все! Этотъ «одинъ» обнимаетъ собою мужа и жену, а ихъ любовь даетъ третье, т. е. сына». Всѣ они одинаково древни. Въ мірѣ все идетъ потрое, отъ безконечности до безконечности. Атомы плывутъ въ состояніи оплодотворенныхъ зародышей, соединяются и образуютъ постоянно измѣняющуюся и совершенствующуюся матерію черезъ посредство воды, тепла и агазы. «Агаза, чистая жидкость, это душа, это человѣкъ, такъ какъ тѣло только оболочка, послушный рабъ». Агаза въ безконечныхъ пространствахъ принимаетъ воздушный образъ питри.

Прежде чѣмъ достигнуть высшей души, отъ которой происходитъ человѣческая душа, она должна пройти четырнадцать степеней совершенствованія; изъ нихъ первую степень составляютъ питри—«Великое Все.... подобно дереву, увѣковѣчивающемуся черезъ сѣмена, дающія постоянно тотъ же типъ».

По понятіямъ посвященныхъ въ доктрину Питри, Богъ—это все, душа же—его атомъ, который излучается великимъ Всѣмъ, для его возрожденія путемъ постепенныхъ преобразеній очищеній, послѣ которыхъ душа снова возвращается къ вѣчному источнику; вселенная же это—совокупность преобразующихся атомовъ.

Изъ числа четырнадцати степеней совершенствованія души люди могутъ сообщаться только съ первой, т. е. питри или духами предковъ, которые въ свою очередь сообщаются со слѣдующею вышею ступеню и т. д., послѣдняя же степень сообщается съ Богомъ. Питри, получающіе вдохновеніе отъ самого Бога, черезъ посред-

ство высшихъ ступеней духовнаго совершенствованія, служить источникомъ божественнаго откровенія и вмѣстѣ съ тѣмъ направляютъ духовную дѣятельность человѣка.

Однако не всѣ люди способны сообщаться съ питри. Одни не думаютъ о самосовершенствованіи и ведутъ образъ жизни, несогласный съ нравственностью, другіе еще чувствуютъ въ себѣ прежнюю жизнь, проведенную въ образѣ животныхъ, и матерія господствуетъ у нихъ надъ духомъ...

«Только черезъ постъ, — гласить Агрушада-Парикшан, — умерщвленіе плоти, молитву и постоянныя размышленія можетъ человѣкъ дойти до освобожденія отъ всего окружающаго; тогда пріобрѣтаетъ онъ необыкновенную силу; время, пространство, тяжесть, непроницаемость для него не существуютъ. Имѣя къ своимъ услугамъ всѣхъ питри, а черезъ ихъ посредство и другихъ духовъ высшихъ степеней, онъ доходитъ до такого могущества мысли и дѣйствія, о какомъ даже не догадывался; приподнимая же завѣсу, скрывающую будущность, онъ начинаетъ предусматривать величіе предопредѣленій человѣческихъ».

Наряду съ духами добрыми, готовыми указать человѣку путь истинный, существуютъ духи злые, которые занимаются его совращеніемъ. Какъ для вызова однихъ, такъ для избавленія отъ другихъ, а, само собою, въ случаѣ надобности и ихъ призванія, — существуютъ особыя формулы заклинаній.

Вотъ въ общихъ чертахъ вся теософія индузовъ, посвященныхъ въ таинства культа Питри. Для народа существовала особая религія, въ основаніи которой лежалъ грубый символизмъ, способный популяризировать религіозные догматы безъ раскрытія основныхъ тайнъ. Тотъ же религіозный символизмъ въ вѣрованіяхъ народа,

кромѣ Индіи, мы видимъ въ Египтѣ, Халдеѣ и Полинезіи. Мало того, если мы начнемъ сравнивать философскую часть доктрины Питри съ теософіей не только болѣе древнихъ народовъ, каковы египтяне, халдеи, находившихся въ постоянномъ духовномъ общеніи другъ съ другомъ, но даже и философіей грековъ и римлянъ, то должны будемъ признать, что главные основанія вездѣ одни и тѣ же; во многихъ же случаяхъ сходство доходитъ до мелочей. Къ сожалѣнію узкія рамки настоящаго очерка не даютъ намъ возможности заняться сопоставленіемъ религіозныхъ міровоззрѣній упомянутыхъ народовъ, и мы должны ограничиться указаніемъ на громадное сходство ихъ съ понятіями индусовъ. Что же касается чисто народныхъ вѣрованій, то не только въ древности, но и въ средніе вѣка и даже въ новѣйшее время они въ извѣстномъ отношеніи представляли собою полную аналогію съ индѣйскими воззрѣніями. Объ этомъ, впрочемъ, еще будетъ рѣчь впереди; теперь же, когда мы уже нѣсколько ознакомились съ теософіей индусовъ, служившей основаніемъ для позднѣйшихъ религій, перейдемъ къ теологическому толкованію явленій внѣшняго и гипноза въ древности.

Выше мы говорили, что значительная часть греко-римскаго вѣдовства была основана на явленіяхъ гипнотизма и внушенія, но такъ какъ мантика должна была отвѣчать міровоззрѣнію народа, которое представляло собою странную смѣсь искаженной временемъ и пространствомъ древне-индѣйской теософіи съ символизмомъ, скрытая сущность котораго уже была потеряна, и отголосками разныхъ философскихъ школъ, то неудивительно, что, наряду съ довольно цѣльными и нелишенными логичности взглядами, существовала масса другъ другу про-

тиворѣчившихъ, нерѣдко совершенно вздорныхъ толкованій разнаго рода мантики. Не считая возможнымъ, а тѣмъ менѣе нужнымъ утруждать вниманіе читателя перечисленіемъ этихъ понятій, общая основа которыхъ была высказана еще въ началѣ главы, мы ограничимся разсмотрѣніемъ воззрѣній древнихъ только на ту часть мантики, въ которой присутствіе явленій гипнотизма не подлежитъ сомнѣнію.

Мы уже видѣли, что, по понятіямъ индѣйскихъ послѣдователей ученія Питри, для того, чтобы душа пріобрѣла способность сношенія съ духами предковъ, а черезъ ихъ посредство съ самимъ божествомъ, необходима особая къ тому подготовка, главнымъ образомъ сводящаяся къ умерщвленію плоти. Согласно этому ученію, явленія гипноза представляютъ собою ничто иное, какъ «блаженное или волшебное состояніе», въ которомъ душа находится въ общеніи съ Питри, производимыя же передъ тѣмъ формулы заклинаній духовъ,—кстати сказать, имѣющія много общаго у разныхъ народовъ, но цѣликомъ находящіяся только у индусовъ,—дѣйствуя на воображеніе, сильно помогаютъ внушенію. Почти такое же отношеніе къ упомянутымъ явленіямъ встрѣчаемъ мы и у другихъ народовъ древности, не исключая грековъ и римлянъ. Но въ то время, какъ Востокъ, гдѣ народъ былъ раздѣленъ на рѣзко разграниченныя касты, и гдѣ главная его масса была слишкомъ удалена отъ умственной жизни, относился къ предлагаемымъ ему религіознымъ догматамъ съ благоговѣйнымъ уваженіемъ и безъ тѣни сомнѣній, грекоримскій міръ, въ которомъ демократическое направленіе общественнаго строя способствовало до извѣстной степени подъему общаго уровня умственной жизни

и болѣе правильному распредѣленію образованія, — напротивъ, не могъ располагать столь цѣльнымъ и однообразнымъ міровоззрѣніемъ. Здѣсь существовало, можно сказать, три класса: жрецы, до извѣстной степени посвященные въ тайныя науки Востока, народъ, религіозныя воззрѣнія котораго страдали самымъ грубымъ антропоморфизмомъ, и среднее, образованное сословіе, находившееся подъ вліяніемъ разныхъ философскихъ школъ.

Нужно сознаться, что намъ до сихъ поръ очень мало извѣстно, какъ о степени магическаго искусства древне-греческихъ и римскихъ жрецовъ, такъ и объ исповѣдованныхъ ими тайныхъ догматахъ. Это происходитъ отъ того, что посвященіе неофита сопровождалось церемоніями, которыя хранились въ глубокой тайнѣ. У насъ имѣются только нѣкоторыя данныя, главнымъ образомъ касающіяся внѣшней стороны этихъ мистерій; такъ, посвящаемымъ въ елевзинскія таинства для того, чтобы достигнуть званія миста, первой степени посвященія, приходилось проходить по темнымъ подземнымъ ходамъ и пещерамъ, по глубокимъ и быстрымъ водянымъ потокамъ, пробираться среди громадныхъ пылающихъ костровъ, переходить, держа въ рукахъ зажженную лампу, по тонкимъ дрожащимъ мостикамъ, переброшеннымъ черезъ глубокія пропасти, съ клокотавшею внизу водою... Горе тому, чья рука отъ страха дрогнетъ, чья нога сдѣлаетъ невѣрный шагъ, и лампа потухнетъ, — несчастный долженъ былъ проститься съ жизнью. Для достиженія же званія эпонта, т. е. посвященнаго въ самыя глубокія тайны, нужно было пребыть мистомъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіи кото-

рыхъ его подвергали испытаніямъ въ умѣніи хранить вѣренныя ему тайны. При соблюденіи такихъ предосторожностей неудивительно, что у насъ не имѣется достаточныхъ данныхъ для составленія правильнаго понятія объ античномъ оккультизмѣ и его теологическихъ принципахъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду упомянутого выше отличія въ характерѣ и отношеніяхъ жрецовъ къ народу, мы имѣемъ кое-какія основанія для заключеній о происхожденіи античной теософіи. Изъ разсмотрѣнія отношеній къ мантикѣ греко-римской философіи съ одной стороны, и народа—съ другой, мы можемъ безошибочно заключить, что античная теософія представляла смѣсь индѣйской доктрины Питри, народнаго брамаизма и религіи Судра съ понятіями чисто національнаго свойства. Изученіе древнихъ философскихъ миѣній по отношенію къ вѣдовству и медицинѣ даетъ богатый матеріалъ для сужденій о происхожденіи современныхъ воззрѣній на психическую жизнь человѣка, а сравненіе ихъ съ народными воззрѣніями индусовъ и другихъ древнихъ націй еще болѣе убѣждаетъ насъ въ вѣрности поговорки, что «ничто не ново подъ луною».

Рискуя навлечь на себя неудовольствіе читателя за злоупотребленіе его терпѣніемъ, но, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки надежду, что, взявшись за книжку, читатель вѣроятно разсчитывалъ найти въ себѣ настолько силы, чтобы дочитать по крайней мѣрѣ хотя эту главу до конца, мы просимъ себѣ еще немножко вниманія. Наше намѣреніе дать хотя слабое и поверхностное понятіе объ отношеніи древней философіи къ магіи, въ частности—теургіи и мантикѣ вмѣстѣ съ

едициной, съ одной стороны, и къ теологiи—съ другой. При этомъ мы не будемъ избѣгать сопоставленій въ ученіяхъ индусовъ и народными вѣрованіями.

«Нелегко,—говоритъ Буше-Леклеркъ, — прослѣдить пифагорейскія ученія о мантикѣ, тѣмъ болѣе что эта школа не выработала никакой научной системы вѣдовства. Но и на сѣ она важна въ виду ея склонности «принимать се, во что вѣрилъ народъ» *). Послѣдователи этой школы утверждали что въ звукахъ бронзы слышатся обитающія тамъ души, что весь міръ населенъ безплотными существами, геніями или душами предковъ, черезъ которыхъ люди получаютъ во снѣ или инымъ какимъ-либо путемъ божественныя откровенія. Сто лѣтъ спустя, Эмпедоклъ утверждалъ возможность общенія души съ Богомъ, но этою привилегіею пользовались, по его вѣнiю, только избранныя души, которыя для полного совершенствованія проходили черезъ рядъ степеней: адателя, поэта, врача и, наконецъ, царя. Въ ученіяхъ обоихъ этихъ представителей мистической философіи нетрудно видѣть нѣкоторое сходство съ воззрѣніями послѣдователей доктрины Питри. Фалесъ и Ксенофанъ съ ихъ учениками не признавали мантики и даже относились къ ней презрительно, не упуская случая тѣмъ или инымъ способомъ посмѣяться надъ глупостью людей, вѣрящихъ обманщикамъ-гадателямъ. Иначе смотрѣлъ на мантику Гераклитъ. Правда, отрицательно-критическое отношеніе къ разнаго рода вѣдовству, кромѣ пророческаго вдохновенія силъ и пифіи Аполлона, должно было отдѣлить его отъ мнѣній массы, но зато вѣра въ хресполо-

*) Буше-Леклеркъ, 25 стр.

гическую мантику дѣлала невозможнымъ сближеніе его теоріи съ натуралистическою школою. Объ отношеніи къ этому вопросу Анаксагора лучше всего судить по приводимому Плутархемъ спору философа съ гадателемъ Ламповомъ въ присутствіи Перикла. Поводомъ къ спору послужило рожденіе на фермѣ послѣдняго однорогаго барана. Лампонъ видѣлъ въ этомъ рѣдкомъ явленіи указаніе на сосредоточеніе власти въ рукахъ Перикла. философъ же доказывалъ, что аномалія была слѣдствіемъ неправильнаго сложенія черепа. Несомнѣнно, что Анаксагоръ былъ правъ, но, какъ справедливо замѣчаетъ Плутархъ, онъ не могъ уничтожить противника, который видѣлъ въ этомъ явленіи руку Провидѣнія, намеренно создавашаго неправильность черепа.

Взгляды Еврипида, ученика Анаксагора, и софистовъ сводились къ тому мнѣнію, что «лучшій гадатель тотъ, кто хорошо соображаетъ». Демокритъ, о которомъ народное преданіе говоритъ, что онъ былъ ученикомъ халдеевъ, признавалъ существованіе геніевъ, сообщающихъ недоступныя намъ свѣдѣнія. Сократъ вѣрилъ въ мантику и возможность сношеній съ божествомъ посредствомъ геніевъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ самомъ себѣ чувствовалъ демона, или генія, указанія котораго сообщали ему даръ пророчества. Циники, во главѣ съ Діогеномъ, киренаики и мегарская школа относились къ мантикѣ отрицательно. Зато въ отношеніи Платона вліяніе восточной теософіи не подлежитъ сомнѣнію. Вселенная произошла, по его мнѣнію, черезъ эмананцію изъ Наивысшаго Существа. Но что болѣе всего замѣтательно, это вѣра философа въ постоянное перерожденіе душъ и ихъ метампсихозъ. На мантику онъ смотрѣлъ, какъ на полезное для народа искусство, равное медицинѣ, но

отдавалъ предпочтеніе хресмологическому вѣдовству, а, можетъ быть, даже въ него только и вѣрилъ. Божественное откровеніе сообщалось человѣческой душѣ во время четырехъ различныхъ видовъ изступленія: пророческаго бреда, или маніи Аполлона, мистическаго опьяненія, или маніи Бахуса, поэтическаго вдохновенія, или маніи музъ, и, наконецъ, философскаго созерцанія, или маніи Эрота. «Достаточное доказательство того, — говоритъ Платонъ въ «Тимеѣ», — что Богъ даруетъ мантику только человѣку, лишенному разума, состоитъ въ томъ, что никто не обладаетъ настоящей и сверхъестественной мантикой, оставаясь въ здоровомъ разсудкѣ» *). Достоверность вѣдовства зависѣла отъ степени безсознательности человѣка, и такое подавленіе его индивидуальности достигалось приведеніемъ послѣдняго въ состояніе гипноза, восторженности, болѣзни, сна. Близость смерти также давала право вѣрить въ пророческое значеніе словъ умирающаго, душа котораго уже находилась въ общеніи съ геніями. Наконецъ, для пополненія общей, такъ сказать, картины ученія Платона напомнимъ еще объ его демонологіи.

Относительно Аристотеля, который говорилъ: «нелегко презирать вѣдовство, нелегко и вѣрить въ него», можно сказать, что онъ сводилъ мантику къ естественнымъ способностямъ человѣка, усиливающимся, благодаря особымъ физіологическимъ условіямъ, въ какихъ находились, напримѣръ, сивиллы и бакиды. Эта теорія находила подтвержденіе въ извѣстномъ въ то время фактѣ, записанномъ Нимфіемъ Гераклеискимъ. Діонисій, сынъ Клеарха, перваго гераклейскаго тирана, расска-

*) Plat. Tim. p. 71.

зываетъ историкъ, до того ожирѣлъ, «что иногда задыхался и впадалъ въ каталептическій сонъ. Повтореніе этихъ летаргій до такой степени развило въ немъ гадательную способность, что онъ могъ проричать, для чего очень охотно помѣщался за перегородкой къ услугамъ вопрошающихъ» *).

Такимъ образомъ, въ IV вѣкѣ явились двѣ противоположныхъ теоріи, изъ которыхъ каждая приобрѣла своихъ послѣдователей. Мы не станемъ слѣдить здѣсь за споромъ стойковъ съ эпикурейцами. Замѣтимъ только, что результатомъ столкновенія отголосковъ восточнаго мистицизма съ натурализмомъ раціонализмомъ Европы явился открытый религіозный скептицизмъ, который достигъ апогея своего развитія среди современныхъ Цицерону римлянъ.

Но прирожденная человѣку склонность къ чудесному не такъ легко уступаетъ скептицизму. И дѣйствительно, рядомъ съ раціоналистическимъ направленіемъ культивировалась вѣра въ божественное откровеніе. Эта вѣра постоянно поддерживалась лицами, получавшими или дополнявшими образованіе на Востокѣ, вліяніе котораго было настолько сильно, что одна мантика уже была неспособна удовлетворять всеобщей потребности къ чудесному. Появляется масса пророковъ, гадателей и разнаго рода маговъ, которые за деньги показывали чудеса, открывали будущее, исцѣляли болѣзни, продавали всевозможные амулеты. Подъ наплывомъ всѣхъ этихъ представителей народныхъ вѣрованій Востока греко-римская философія была сбита съ толку. Появляются разные трактаты вродѣ Плутархова «О мантикѣ», въ ко-

*) Приведено у Вуше-Леклерка, 46.

торыхъ царствуетъ невообразимый хаосъ, способный да-
 вать основаніе для самыхъ противоположныхъ взгля-
 довъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ чисто-народными индійскими
 воззрѣніями, заполонившими греко-римскій міръ во время
 усилившихся сношеній съ Востокомъ, оттуда проникли и
 болѣе чистыя основы доктрины Питри, результатомъ
 чего явился неоплатонизмъ, который, въ лицѣ главнѣй-
 шихъ своихъ представителей, Плотина, Порфирія, Ям-
 влиха и Прокла, проповѣдывалъ даже мистическую
 троицу брамановъ и каббалистовъ, преображенія и со-
 вершенствованія души и т. д. Аполлоній Тіанскій, жизнь
 котораго была описана Филостратомъ, представляетъ
 собою идеаль того духовнаго совершенства, при кото-
 ромъ, согласно доктринѣ Питри, для человѣка все воз-
 можно, когда ни время, ни пространство для него не
 существуютъ. Но подобныхъ этой свѣтлой личности лю-
 дей исторія не знаетъ. Тѣ же маги и волшебники, ко-
 торые пользовались легковѣріемъ народа и противъ
 которыхъ тщетно возставали Эномай Гадарскій, Секстъ
 Эмпирикъ, Фаворинъ и другіе, представляли собою толпу,
 почти цѣликомъ состоявшую изъ разнаго рода обман-
 щиковъ и шарлатановъ. Получивъ кое-какія знанія въ
 области магій, они съ гордымъ самодовольствомъ увѣ-
 ряли народъ въ своемъ всемогуществѣ. Не было, по
 ихъ словамъ, ничего, способнаго противостоятъ ихъ ис-
 кусству. Больныхъ они исцѣляли однимъ прикосновеніемъ;
 въ влюбленныхъ возбуждали ненависть, а ненавидящихъ
 или равнодушныхъ дѣлали безумно любящими; превра-
 щали непослушныхъ и строптивыхъ въ кроткихъ, а
 смиренныхъ и трусливыхъ дѣлали задорными и храбрыми;
 лишали людей чувствительности къ страданіямъ, по-
 вергали ихъ въ скотское оцѣпененіе или дикую ярость,

словомъ, — управляли людьми, какъ имъ вздумается. Сами стихіи были имъ подвластны. Они продавали амулеты, талисманы и средства противъ разныхъ чаръ, дурнаго глаза и т. п. Тутъ были стеклянные заколдованные бусы, высушенные корни ароматическихъ травъ, мѣдныя пластинки, съ вырѣзанными на нихъ каббалистическими знаками, таинственными словами и рисунками. Неменьшій доходъ приносили имъ разные порошки, элексиры и т. п. средства для возбужденія и погашенія любви. Молодые развратники и легкомысленныя женщины старались при помощи подобныхъ микстуръ овладѣть предметомъ ихъ желаній, жены пытались возвратить любовь невѣрныхъ мужей или предупредить ихъ невѣрность... И народъ вѣрилъ всему, что говорили маги, а вѣра — это все. «Начиная съ камней, — говоритъ Шарпиньонъ, — привѣшивавшихся къ нагруднику еврейскаго первосвященника и къ поясу жрецовъ Цибелы; начиная съ камней съ изображеніями жука, руки, круга, носившихся на шеѣ всѣми жителями Востока, греками и римлянами, до камней нашихъ современныхъ дамъ, — всѣ эти предметы изображаютъ собою магическій талисманъ и таинственную силу» *). «Легко понять чудесное дѣйствіе, какое могутъ оказать вѣра и воображеніе, въ особенности, когда они бываютъ какъ у больныхъ, такъ и у того, который дѣйствуетъ на нихъ.

Но мало того, что народъ вѣрилъ въ цѣлебную силу прикосновенія маговъ, профидактическое дѣйствіе амулетовъ и т. п., — доходило даже до того, что не было, по его мнѣнію, того несчастія, той болѣзни, которыя

*) Charpignon. Etudes sur la médecine animique évitaliste, приведено у Бернгейма.

не имѣли-бы причиною дурной глазъ или волшебство. Парализовать вредное ихъ дѣйствіе можно было только противоположными чарами, сопровождавшимися соотвѣтственными заклинаніями. Для успѣшности колдовства не нужно было даже видѣть человѣка, на котораго было желательно наслать болѣзнь, смерть или иную какую напасть,—достаточно было достать кусокъ его платья, клокъ волосъ и т. п. Тогда всѣ манипуляціи колдовства, среди которыхъ непоследнюю роль играло заклинаніе, производились надъ куклою, сдѣланною изъ воска, шерсти и пр.

О такого рода колдовствѣ говорятъ Овидій, Гораций, Виргилій и др. Все это было прямымъ наслѣдіемъ вѣрованій низшихъ кастъ Индіи. Эти вѣрованія были распространены въ Европѣ не только въ древности, но даже продолжали свое существованіе и въ новѣйшія времена, а народъ не отказался отъ нихъ и теперь. До чего вѣра въ колдовство была распространена еще въ относительно недавнее время во Франціи, можетъ служить общеизвѣстный, засвидѣтельствованный исторіею фактъ, что фанатики пресловутой лиги, желая погубить ненавистнаго имъ Генриха Наваррскаго, въ теченіи четырнадцати дней занимались прокалываніемъ въ разныхъ мѣстахъ восковой куклы, а на послѣдній пронзили ее въ сердце, горячо вѣря въ дѣйствительность этого способа виспосланія на своего врага смерти. Въ 1571 г., по сознанію извѣстнаго чародѣя Труа-з-Емелле, въ одной только Франціи волшебствомъ занималось болѣе трехсотъ тысячъ людей. Не было, говорятъ, свѣтской дамы, мѣщанина или крестьянина, которыя бы не обращались къ чародѣю по случаю любовныхъ и иныхъ дѣлъ.

Мы-бы слишкомъ далеко зашли, если-бы продолжали говорить о разныхъ способахъ наведенія и леченія болѣзней, практиковавшихся въ древности, — скажемъ только еще разъ, что внушеніе здѣсь играло громадную роль, но не единственную, какъ рѣшаются нѣкоторыя утверждать. Въ храмахъ Индіи, Египта, Персіи, Греціи и Рима жрецы, при посредствѣ разныхъ приѣмовъ, достигали погруженія пациентовъ въ гипнозъ, въ которомъ больнымъ легко удавалось внушать, что угодно, или послѣдніе сами получали непосредственно отъ божества указанія на лекарства. Въ нѣкоторыхъ храмахъ существовали специально назначенные для усыпленія жрецы, которые во время своего общенія съ божествомъ указывали на средства къ излеченію пациента, и вѣра послѣдняго въ божественное происхожденіе указанія во многихъ случаяхъ давала хорошіе результаты. Впрочемъ, какъ намъ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ, сонъ къ которому прибѣгали жрецы, далеко не всегда былъ гипнотическій, — для лечебныхъ цѣлей нерѣдко прибѣгали и къ обыкновенному сну, который потомъ подвергался толкованію. Что же касается причины исцѣленій посредствомъ амулетовъ, то тутъ, надо полагать, все зависѣло отъ вѣры, т. е. самовнушенія или внушенія мага. Въ обоихъ случаяхъ дѣло обходилось, конечно, безъ погруженія пациента въ гипнотическій сонъ.

Резюмируя сказанное въ настоящей главѣ, видимъ, что у всѣхъ народовъ древности теологическія воззрѣнія на природу явленій, сродныхъ гипнозу и внушенію, были приблизительно одинаковы, сводясь къ вѣрѣ въ духовъ, демоновъ, геніевъ.

Эти существа служили посредниками между людьми

и божествомъ, но въ однихъ случаяхъ они входили въ тѣло погруженнаго въ гипнозъ, открывая ему неизвѣстное, въ другихъ—сама душа покидала тѣло спящаго и сносилась съ безплотными духами. Правда, существовали и другія воззрѣнія на мантическую способность, которая, какъ предполагалъ, напримѣръ, Плутархъ, сообщалась душѣ при посредствѣ воздуха или какой-нибудь влажной среды, соединенной съ другими тѣлами; вслѣдствіе теплоты и расширенія поръ образы будущаго также могли входить въ тѣло; сухость и теплота могли повліять,—продолжаетъ онъ далѣе,—на превращеніе разума въ нѣчто воздушное, которое улетучивается; «нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что охлажденіе и сгущеніе духовъ порождаетъ и упрочиваетъ въ душѣ проницательную способность, подобно тому, какъ закалка сообщаетъ остроту желѣзу»; быть можетъ, наконецъ, что вдохновляющія испаренія, которыя по свойствамъ приближаются къ душѣ, «наполняютъ въ ней пустые промежутки, сближаютъ и соединяютъ ихъ»... *) Но всѣ эти гипотезы, отличающіяся общимъ свойствомъ—нераздѣльной связью между физическими условіями, въ которыя попадаетъ человѣкъ, и дѣйствіемъ его разума, строго говоря, не могутъ быть причислены къ теологическимъ воззрѣніямъ, а представляютъ собою попытки, правда, очень слабыя, естественнаго объясненія явленій средныхъ гипнозу.

*) Plut. Defect. Oroe. 40-41; цитирую по Буше-Леклерку, 65.

III. Внушеніе въ Средніе Вѣка. Демонизмъ и изгнание бѣсовъ. Чудесныя исцѣленія.

«Если пораженный падучей, — говоритъ Ле-Луайе, — блеялъ какъ коза и, распростершись на землѣ, часто поворачивался на правую сторону, то болѣзнь эту приписывали матери боговъ. Если онъ кричалъ болѣе громкимъ и рѣзкимъ голосомъ, напоминающимъ лошадиное ржаніе, виновникомъ считался Нептунъ. Если онъ издавалъ тонкіе, прерывистые звуки щебечущей птицы, виновникомъ былъ Аполлонъ. Если онъ валялся въ грязи и пачкалъ ею свое лицо и все тѣло, причиною тому была Діана, управлявшая перепутьями. Если у него шла пѣна изо рта, онъ бился, лягалъ ногами, — это благодаря Марсу. Если онъ съ испугомъ внезапно вскакивалъ со сна, то это оттого, что Геката или Прозерпина вселяли въ его умъ приступы сумасшествія... Теперь уже каждый знаетъ, что вѣрованія язычниковъ смѣшны, что они не въ мѣру предавались всякимъ суевѣріямъ, словомъ, что сатана совершенно ослѣпилъ ихъ умственные очи. Дьяволъ имѣлъ дѣло, въ лицѣ ихъ, съ людьми, несвѣдующими, неопытными по части его хитростей и притворствъ, — съ людьми, принимавшими ночь за день».

Въ этихъ словахъ почтеннаго автора заключается вся сущность различія точекъ зрѣнія по отношенію къ непонятнымъ психическимъ явленіямъ — греко-римскаго міра и католичества. Нужно, однако, отдать справедливость древности, что вышеприведенное грубое толкованіе явленій составляло принадлежность воззрѣній простаго

народа и было осмѣиваемо представителями античной интеллигенціи, между тѣмъ какъ въ Средніе Вѣка вѣра въ дьявола со всѣми его атрибутами не только составляла принадлежность простаго народа, но была распространена среди самихъ просвѣщенныхъ представителей католицизма. Здравый умъ грековъ до того былъ силенъ, что даже подъ давленіемъ восточныхъ мистическихъ теченій продолжалъ бороться за существованіе. Чувствуя постоянную потребность въ умственной критикѣ, греки пытались примѣнять ее даже къ вѣдовству, которое, по самому существу, могло имѣть мѣсто только при вѣрѣ въ сверхъестественное, другими словами, ускользающее изъ-подъ власти разума.

Напротивъ, католичество съ первыхъ же шаговъ своего существованія очутилось въ ложномъ положеніи. Оно не могло перейти на сторону языческихъ противниковъ вѣдовства; но, съ другой стороны, нельзя было и признать авторитета оракуловъ и другихъ подобныхъ имъ учреждений греко-римскаго міра, основанныхъ на вѣрѣ въ отвергнутыхъ христіанствомъ языческихъ божествъ. Выходомъ изъ этого непріятнаго положенія была демонологія Платона и введенное неоплатонизмомъ различіе между добрыми и злыми геніями. Этимъ путемъ было достигнуто довольно выгодное положеніе: приобрѣталась возможность борьбы съ язычествомъ при помощи заимствованнаго у него же оружія и удовлетворялась естественная склонность къ платонизму, основатель котораго познакомился, какъ увѣряли, съ Библией въ Египтѣ. Такимъ образомъ, не отрицая возможности вѣщаго предсказанія оракуловъ, католичество приписывало, однако, все это указаніямъ демоновъ. Но справедливость требуетъ сказать, что, если во времена

грековъ, въ особенности въ послѣдній періодъ существованія греко-римскаго міра, и проявлялись суевѣрія, то имъ далеко до того грубаго и нелѣпаго суевѣрія, какимъ характеризуется средневѣковое господство католицизма. Всѣ эти вѣдьмы, колдуны и колдуньи, порча, шабашъ, бѣсовское навожденіе и т. п. термины представляютъ собою произведенія позднѣйшихъ временъ. Во времена Гиппократъ всѣ болѣзни объяснялись естественнымъ путемъ, за исключеніемъ одной лишь эпилепсіи, называвшейся священной, или Геркулесовою. Только подъ вліяніемъ восточныхъ религіозныхъ ученій мистическое отношеніе къ явленіямъ внутренняго и внѣшняго міра начинаетъ проникать въ умы грековъ и римлянъ, прежнія языческія вѣрованія которыхъ уже значительно пошатнулись; народъ сталъ вѣрить въ разныхъ маговъ, волшебниковъ и т. п. Естественно, что полученное отъ язычества незавидное духовное наслѣдіе католицизмъ постарался примножить и развить... Дьяволъ, черная и бѣлая магія на каждомъ шагу фигурируютъ въ католическихъ сочиненіяхъ, авторы которыхъ изоощряли весь свой умъ на изобрѣтенія молитвъ и заклинаній противъ злого духа, занимались его наружностью, происхожденіемъ и т. д.

«Весьма вѣроятно, — говоритъ Ш. Рише *), — что въ настоящее время католическая религія не признаетъ преступленія, именуемаго колдовствомъ; договоры съ сатаной не признаются болѣе; но церковь и по сіе время допускаетъ фактъ дьявольскаго навожденія. Еще весьма недавно описывались приемы заклинанія и заклинатели».

*) Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта, рус. пер., 184.

Прежде, чѣмъ говорить объ этихъ заклинаніяхъ съ цѣлью изгнанія бѣсовъ, яко-бы вселявшихся въ тѣло человѣка или неотступно его преслѣдовавшихъ разными душу смущающими искушеніями,—нужно, желая быть послѣдовательнымъ, сказать нѣсколько словъ о происхожденіи, наружности и проявленіяхъ дѣятельности дьявола.

Что касается происхожденія врага рода человѣческаго, то въ ученіяхъ католическихъ теологовъ нельзя найти единомыслія. Споръ между христіанскими и еврейскими писателями относительно происхожденія демоновъ такъ и остался нерѣшеннымъ... Дель-Ріо возражалъ даже противъ авторовъ, считавшихъ Адама первымъ алхимикомъ (!). Какъ истинный ученый, этотъ писатель не могъ не замѣтить, что для такого утвержденія у насъ не имѣется достаточныхъ основаній. Мнѣніе, будто Адамъ писалъ сочиненія по алхиміи, ничто иное какъ порожденіе празднофантазіи людей, лишенныхъ критической оцѣнки данныхъ; на самомъ дѣлѣ первымъ авторомъ черной магіи былъ Хамъ... Противъ этого мнѣнія, однако, возсталъ Бернаръ Базенъ, который первымъ чародѣемъ считаетъ Зороастра. Послѣдній съ перваго же мгновенія своего появленія на свѣтъ обнаружилъ свою демоническую натуру, расхохотавшись вмѣсто того, чтобы заплакать, какъ это дѣлаютъ всѣ дѣти, которыя словно понимаютъ всю тягость предстоящаго имъ жизненнаго пути. Впрочемъ, и это вопросъ темный... *).

Относительно наружности дьявола господствуетъ неменьшее разногласіе, но мы склонны отдать предпочтеніе мнѣнію де-Ланкра, который имѣлъ объ этомъ вопросѣ,

*) См. III. Рише. Сомнамбулизмъ...

вѣроятно, наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія, такъ какъ только въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ сжегъ болѣе восьмидесяти колдуній, снявъ съ нихъ, конечно, предварительно показаніе относительно интересовавшихъ его вопросовъ. Намъ кажется, читатель не будетъ на насъ въ претензіи, если въ столь важномъ дѣлѣ мы приведемъ подлинныя слова самого автора.

«На шабашѣ, — говорятъ де-Ланкръ, — дьяволъ сидитъ за черной каедрой, имѣя на головѣ корону изъ черныхъ роговъ. Кромѣ того, у него два рога на шеѣ и одинъ на лбу, которымъ онъ освѣщаетъ все сборище; волосы его всклокочены, лицо блѣдное и хмурое, глаза круглые, очень открытые, огненные и отвратительные; борода какъ у козла; шея и туловище безобразнаго сложенія, тѣло частью человѣческое, частью козлиное; руки и ноги какъ у человѣка, только всѣ пальцы одинаковой длины; костлявые, съ когтями, руки согнуты въ видѣ гусиныхъ лапъ, а хвостъ длинный какъ у осла; голосъ ужасный, но безъ тоновъ; видъ въ высокой степени надменный, съ выраженіемъ скуки и пресмыщенія» (!)...

Посмотримъ теперь, въ чемъ выражается вселеніе дьявола въ тѣло человѣка. У одержимаго злымъ духомъ языкъ опухшій, покрытый темной корой, высовывается изо рта; горло сухое, опухлое, дыханіе затруднено. Приступы безпричинной печали, сопровождаемые рыданіями, смѣняются бессмысленнымъ хохотомъ. Больной (мы позволимъ себѣ такъ называть одержимыхъ злымъ духомъ), съ гнѣвомъ отвѣчаетъ на вопросы или вовсе молчитъ, стиснувъ зубы; отказывается отъ пищи, ругается, произноситъ бессмысленныя слова, обнаруживаетъ непонятную ненависть по отношенію къ нѣкото-

рымъ лицамъ. Онъ удрученъ какою-то мыслью, повидимому, совершенно безчувственъ къ окружающему; порою имъ овладѣваютъ припадки безпричиннаго бѣшенства, во время которыхъ онъ рветъ на себѣ волосы и одежду, дико вращаетъ глазами, скрежещетъ зубами, бьетъ себя кулаками, внезапно чего-то пугается и бѣжить, потомъ успокаивается. Подражаетъ голосамъ разныхъ животныхъ: лаеетъ, хрюкаетъ, мычитъ и т. д. Изорта у него идетъ пѣна, онъ щелкаетъ зубами и «вообще ведетъ себя какъ бѣшеная собака». Его пронизываетъ по временамъ страшный холодъ, внезапно смѣняющійся невыносимымъ жаромъ; по его тѣлу бѣгаютъ словно мурашки, ползаютъ лягушки, змѣи и т. п. Онъ видитъ несуществующія, т. е. никѣмъ инымъ не видимыя вещи. Когда священникъ кладетъ ему на голову руку или ставитъ св. дары, одержимый кричитъ, трясетъ головой, старается опрокинуть дары, ругаетъ священника и окружающихъ, мечется въ стороны... Всѣ предметы, имѣющіе связь съ богослуженіемъ, ненавидитъ и боится ихъ, молить не читаетъ, а если его заставляютъ къ тому силою, то бормочетъ что-то непонятное. Безграмотный, говоритъ на неизвѣстныхъ ему языкахъ, задаетъ самые трудные вопросы изъ Св. Писанія, предсказываетъ будущее... Подъ вліяніемъ заклинаній рычитъ, отбивается, раздражается, теряется, иногда плачетъ...» (Захарія Вицекомите).

Одинъ изъ заклинателей, патерь-капуцинъ Эспри-де-Бороже, рассказываетъ *), какъ демонъ по имени Дагонъ, вселившись въ монахиню Марію и желая помѣшать ей причаститься Св. Таинъ, причинялъ бѣдной дѣвушкѣ

*) Ibid. 182.

въ теченіи четырехъ часовъ невыразимыя страданія. «Все время онъ подвергалъ ее страшнымъ конвульсіямъ, нѣсколько разъ бросалъ на полъ, заставлялъ дѣлать сотни прыжковъ, сотни разъ бѣгать вокругъ церкви, толкать и сшибать съ ногъ народъ... Милосердый Боже, какія удивительныя движенія! Какія страшныя кривлянія! Какое бѣшенное верченіе! Какія частыя и истовыя судороги, и въ такихъ нѣжныхъ созданіяхъ, и при такихъ многократныхъ, ужасныхъ усиліяхъ! Я готовъ-бы былъ согласиться, увѣряю васъ, съ мнѣніемъ разумныхъ и разсудительныхъ людей, желающихъ объяснить всѣ эти конвульсіи болѣзью, а всѣ эти страшныя движенія и кувырканья ломаньемъ скомороховъ. Но что наглядно убѣждаетъ въ противномъ, противъ чего нѣтъ возраженій, и что громогласно признается лучшими врачами,—это полнѣйшая невозможность, чтобы конвульсіи, въ особенности столь интенсивныя, были естественнымъ слѣдствіемъ болѣзни, чтобы онѣ могли продолжаться такъ долго, возобновляться такъ часто, не вызывая ни малѣйшаго утомленія послѣ ихъ прекращенія и не дѣйствуя разрушительно на субъекта».

Болѣе мы не станемъ утомлять читателя описаніями этихъ ужасныхъ припадковъ, отличающихся всѣми признаками истеріи. Больные, страдающіе этою тяжелою болѣзью, наполняютъ въ настоящее время заведенія для душевно-больныхъ, ихъ теперь лечатъ, а болѣзнь ихъ служитъ основаніемъ невмѣняемости совершаемыхъ ими преступленій. Но не такъ, однако, думали раньше. Несчастныхъ живьемъ сжигали на кострахъ, предварительно истерзавъ пыткой, если не удавалось изгнать изъ нихъ дьявола, а иногда даже и послѣ этой удачно сошедшей операціи, если только имѣлись доказатель-

ства,—а для этого достаточно было одного или двух показаній,—что одержимый колдунъ или колдунья. Но кромѣ такихъ, такъ сказать, юридическихъ доказательствъ, къ числу которыхъ относилось между прочимъ и запирательство (!), существовала масса данныхъ для опредѣленія виновности. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить такъ называемую «печать дьявола», т. е. лишенное чувствительности мѣсто. Извѣстно, что у истеричныхъ субъектовъ мѣстная анестезія представляетъ собою явленіе весьма обыкновенное. Чаще всего она обнимаетъ собою всѣ роды чувствительности: тактильную, термическую, болевую и мышечную. Для отысканія такого нечувствительнаго мѣста больныхъ жгли раскаленнымъ желѣзомъ, кололи стилетомъ или просто большимъ заостреннымъ желѣзнымъ прутомъ, по которому ударяли молоткомъ... Горе несчастной, если хоть разъ она не вскрикнетъ!.. Но крики тоже не могли служить основаніемъ для заключеній объ отсутствіи «печати дьявола», который нарочно могъ заставлять своего избранника кричать. Однажды случилось, что, несмотря на долгое истязаніе, искомой печати не находилось; тогда весьма опытный въ этихъ дѣлахъ судья обратилъ вниманіе на глаза больной и на одномъ изъ нихъ замѣтилъ пятно въ видѣ лягушачьей лапы...

Съ цѣлью вызвать у несчастныхъ, подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ, признаніе, ихъ кромѣ взвѣшиванія и испытанія водою подвергали формальной пыткѣ. О степени жестокости послѣдней трудно даже составить себѣ понятіе. Чего, чего только тутъ не было! Желѣзный ошейникъ, дыба, испанскіе сапоги, колеса, раскаленные желѣзные прутья и т. п. ужасныя орудія принад-

лежали къ числу средствъ, при помощи которыхъ исторгалось «добровольное» признаніе. Вынужденное же показаніе достигалось еще болѣе ужасными истязаніями, состоявшими въ раздробленіи конечностей тяжелыми молотами, вырываніи грудей, и другими измышленіями человѣческаго генія, о которыхъ перо отказывается писать. При такихъ пыткахъ сплошь и рядомъ наступала смерть. Одинъ изъ наиболѣе человѣколюбивыхъ судей, Дель-Ріо, возставаая противъ такой жестокости, тѣмъ не менѣе, говоритъ, что «едва-ли возможно избѣгнуть раздробленія костей и сочлененій!»

Но очень часто, какъ это вообще бываетъ съ истеричными, несчастные безъ всякихъ пытокъ, подъ вліяніемъ одной лишь болѣзни, взводили на себя и на другихъ разныя небылицы, служившія основаніемъ къ преданію пытокъ и казни этихъ полусумасшедшихъ страдалцевъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, при всемъ желаніи, не могли вспомнить, что съ ними бывало, такъ какъ дьяволъ намазывалъ имъ чѣмъ-то лобъ, отчего они теряли память *).

Въ настоящемъ очеркѣ намъ не приходится говорить о всѣхъ этихъ явленіяхъ болѣе подробно, такъ какъ они только косвеннымъ образомъ касаются вопроса о гипнотизмѣ и внушеніи. Поэтому желающихъ ознакомиться съ ними подробнѣе отсылаемъ къ уже цитированному сочиненію Ш. Рише, гдѣ указывается также и литература предмета.

Просматривая разные случаи исцѣленія бѣсноватыхъ, т. е. истеричныхъ, путемъ заклинаній, становится вполне очевиднымъ, что послѣднія, вѣра въ дѣйствительность

*) Калметъ. О явленіяхъ духовъ. Часть вторая, 324.

которыхъ была очень сильна, играли роль настоящаго внушенія. Иногда это внушеніе должно было имѣть несомнѣнный успѣхъ, такъ какъ больные находились въ состояніи глубокаго гипноза или сомнамбулизма *). Вообще, какъ замѣчаетъ Ш. Рише, «истерія, истеро-эпилепсія, каталепсія и сомнамбулизмъ—явленія родственныя», легко переходящія одно въ другое **). Это самая, думаетъ онъ, благодарная почва для внушенія. Многія изъ одержимыхъ впадали послѣ конвульсій въ экстазъ, сомнамбулизмъ, каталепсію. «Во время своего сна онѣ пріобрѣтали гибкость олова. Можно было сгибать ихъ тѣло въ разныя стороны,—впередъ, назадъ, набокъ, и притомъ до того, что голова прикасалась къ землѣ, и онѣ оставались въ положеніи, которое имъ сообщали, пока кто-нибудь не измѣнялъ его». Въ числѣ средствъ, дѣйствовавшихъ на воображеніе больныхъ и тѣмъ самымъ, стало быть, способствовавшихъ «изгнанію бѣсовъ», довольно важное мѣсто занимали освещенная вода и восковыя свѣчи, особенно, пасхальныя, на пламени которыхъ во время заклинаній сжигалось имя Вельзевула или его изображеніе. Нѣкоторые авторы рекомендовали примѣненіе музыки, которую дьяволъ не любитъ, такъ какъ «она мѣшаетъ ему отдохнуть». Но самымъ дѣйствительнымъ способомъ было все-таки заклинаніе. Въ качествѣ образчика приведемъ здѣсь одно довольно короткое. «О, ты, душегубецъ, окаянный дьяволъ, нечистый духъ, искушитель, лжецъ, еретикъ, пьяница, безумецъ! Заклинаю тебя, именемъ Господа на-

*) Оба эти термина мы употребляемъ безъ различія.

**) Ниже читатель увидитъ, что такой взглядъ не всѣми принимается безъ оговорокъ.

шего, выйди немедленно изъ этого человѣческаго тѣла; скройся въ пучинахъ морей, или исчезни въ безплодныхъ деревьяхъ, или въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни одной христіанской души, куда ни одинъ человѣкъ не можетъ вступить, и тамъ пусть уничтожить тебя небесный огонь. Изыди, проклятый змій, ступай, спѣши и, оставляя это Божіе созданіе, не дѣлай ему вреда, ни ему, никому другому, провались въ преисподнюю ада и оставайся тамъ до дня вѣчнаго суда» *).

Въ другомъ заклинаніи, полного текста котораго мы приводить не будемъ, при произнесеніи cadaго существительнаго рекомендовалось осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. Это очень длинное заклинаніе, въ которомъ на голову бѣднаго нечистаго сыпались самые изысканные эпитеты, начиналось слѣдующими словами: «Изыди, злой духъ, полный кривды и беззаконія; изыди, исчадіе лжи, изгнанникъ изъ общества ангеловъ; изыди, змѣя, суностратъ хитрости и бунта; изыди»... и т. д. Однако, заклинатель долженъ быть весьма остороженъ въ выраженіяхъ, такъ какъ дьяволъ могъ отомстить за себя. Недурно, напримѣръ, ругать черта подлецомъ, мошенникомъ, ахеронскимъ поваромъ и т. д., но отнюдь не пересаливать, а то, пожалуй, можетъ случиться такой казусъ, какъ это было съ однимъ кельнскимъ монахомъ, вздумавшимъ подшутить надъ нечистымъ. Рише рассказываетъ, со словъ Нидера, что, изгоняя демона, на вопросъ послѣдняго, куда ему дѣться, шутникъ-монахъ послалъ его въ одно довольно извѣстное уединенное мѣсто. Но ночью злополучный заклинатель вдругъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость въ желудкѣ, слѣд-

*) Рише, 241.

ствіемъ чего явилась потребность посѣтить то же самое мѣсто, которое было рекомендовано дьяволу для его резиденціи. И тутъ послѣдній жестоко отомстилъ за себя, начавъ со злости душить бѣднаго монаха, который едва не умеръ при этомъ.

Но, конечно, какъ и слѣдовало ожидать, заклинанія бывали не всегда дѣйствительны. Въ извѣстномъ сочиненіи «*Malleus maleficarum*» (Молоть колдуній) разсказывается случай, когда дьяволъ продолжалъ оставаться въ одержимомъ имъ священникѣ не только подъ градомъ самыхъ страшныхъ заклинаній, но даже и во время принятія больнымъ причастія. На вопросъ, какъ могъ онъ (дьяволъ) оставаться при такой для себя неудобной обстановкѣ, нечистый духъ отвѣчалъ, что онъ спрятался подъ языкъ, и прибавилъ съ сатанинской ироніей: «Развѣ въ то время, когда святой чело-вѣкъ проходитъ по мосту, грѣшникъ не можетъ спря-таться подъ его сводами?»

Иногда, впрочемъ, дѣло обходилось и безъ заклинаній. Такъ, однажды, — съ особеннымъ удовольствіемъ разска-зываетъ извѣстный защитникъ несчастныхъ колдуній и одержимыхъ, Жакъ де-Виръ, — одна горожанка была у обѣдни вмѣстѣ со служанкою. Съ послѣднею сдѣлался демоническій припадокъ. Но почтенная дама, чуждая всякихъ теологическихъ воззрѣній и имѣвшая на этотъ счетъ свои взгляды, нисколько не смутилась этимъ и рѣшила воспользоваться представлявшимся ей случаемъ примѣненія на практикѣ своихъ воззрѣній на природу демонизма. По возвращеніи домой, она основательно вы-сѣкла свою служанку, послѣ чего дьяволъ рѣшилъ, что пребываніе его въ тѣлѣ, подвергаемомъ подобнымъ оскор-бительнымъ внушеніямъ, не представляло собою ничего

особенно завиднаго, и по добру по здорову убрался. Съ тѣхъ поръ служанка пользовалась полнымъ здравіемъ, и припадки не повторялись болѣе. Святой Григорій тоже, какъ извѣстно, исцѣлилъ одного бѣсноватаго, отвѣсивъ ему здоровенную оплеуху. Наконецъ, и въ новѣйшее время подобныя же энергическія дѣйствія иногда прекращали душевныя эпидеміи.

Вѣра въ дьявола, оборотней, колдовства и разныя чары была до того сильна, что не было той нелѣпости, которая-бы не нашла себѣ убѣжденныхъ защитниковъ. Одна колдунья, — говорится въ «*Malleus maleficarum*», — превратила молодаго человѣка въ осла. Три года бѣдняга таскалъ тяжести. Наконецъ, проходя мимо церкви, гдѣ шла обѣдня, онъ опустился на землю у панерти на заднія ноги, а переднія воздѣлъ къ небу. Присутствующіе были изумлены чудомъ. Но подбѣжала колдунья и начала бить осла палкой. Тогда «все догадались въ чемъ дѣло». Подъ пыткою колдунья созналась во всемъ и должна была вернуть несчастному прежній человѣческій образъ.

Словомъ, какъ видитъ читатель, вѣра въ колдовство и дьявольское навожденіе была очень распространена какъ среди народа, такъ и среди средневѣковой интеллигенціи. Исключенія были очень рѣдки, и, во всякомъ случаѣ, высказывать противоположныя убѣжденія было очень небезопасно, такъ какъ это было связано съ рискомъ попасть на костеръ. Тѣмъ не менѣе, какъ въ тѣ времена, такъ и теперь, леченіе демономаніи, если только оно признавалось нужнымъ, — имѣло много общаго. Но то, что въ прежнія времена дѣлалось, такъ сказать, ощушью и сопровождалось массою вздора и жестокостей, то теперь дѣлается сознательно, и на больного смо-

трать, какъ на несчастнаго, съ которымъ слѣдуетъ обращаться сколько возможно гуманнѣе. Такимъ образомъ, суды, пытки, заклинанія смѣнились клиниками, осторожными діагностическими изслѣдованіями, примѣненіемъ разнаго рода леченія, гипнотизированіемъ и внушеніями.

Мы уже видѣли, что для успѣха заклинанія необходима была вѣра въ его дѣйствительность, не допускающая никакихъ лазеекъ, никакихъ обходовъ. Тутъ происходило внушеніе, основанное на вѣрѣ въ силу святыхъ, ангеловъ и разныхъ религіозныхъ церемоній. Шарпиньонъ *) приводитъ выписку изъ «Чудесныхъ тайнъ натуральной и каббалистической магіи» (Lyon, 1629 г.), гдѣ говорится, что вѣра въ обладаніе тайною дѣлаться нечувствительнымъ къ боли была настолько велика въ преступникахъ, что они добровольно шли на пытку, съ цѣлью очиститься отъ подозрѣній. Напримѣръ, одинъ субъектъ послѣ перваго приступа пытки погрузился въ глубокій сонъ, во время котораго, несмотря на мученія, оставался неподвижнымъ, подобно мраморной статуѣ. Подозрѣвая въ немъ какое-нибудь волшебство, палачи раздѣли его до нага и тщательно обыскали. Въ лѣвомъ ухѣ была, дѣйствительно, найдена бумажка съ изображеніемъ созвѣздія трехъ волхвовъ и надписью на обратной сторонѣ: «Прекрасная звѣзда, ты, которая спасла маговъ отъ преслѣдованій Ирода, избавь меня отъ всякаго мученія». Но, хотя чудодѣйственная бумажка и была отнята отъ него, онъ все-таки оставался нечувствительнымъ къ боли, потому что, зная заговоръ наизусть, продолжалъ повторять его сквозь зубы.

*) Charpignon. Etudes sur la médecine animique et vitaliste, Paris 1864, прив. у Бернгейма.

Въ параллель къ этому самовнушенію идеи нечувствительности къ боли можно привести разные чудесные случаи исцѣленій помощью «королевскаго прикосновенія» во Франціи и Англіи (съ XI по XVI вѣка), у гробницы дьякона Париса, отъ Лурдъ во Франціи, Кнукъ въ Ирландіи и другихъ менѣе извѣстныхъ, но обладающихъ небольшою цѣлебною силою мощей, источниковъ и живыхъ людей. О нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ намъ еще придется говорить ниже. *✕*

IV. Метафизическая философія въ эпоху гуманизма и ея вліяніе на появленіе идей животнаго магнетизма.

Можетъ-ли быть что-нибудь хуже и тяжелѣе насилія надъ человѣческою личностью, въ какой-бы формѣ оно ни проявлялось? Но во сто кратъ страшнѣе и отвратительнѣе тотъ деспотизмъ, въ которомъ насиліе, прикрывающееся лицемѣрною маскою доброжелательства, направлено противъ свободы совѣсти, мысли и убѣжденій, тотъ гнусный и подлый деспотизмъ, который оправдывалъ себя заботою о спасеніи подвластныхъ ему душъ, словомъ—деспотизмъ средневѣковаго католичества. Это была самая темная, самая ужасная страница исторіи, залитая кровью невинныхъ жертвъ слѣпаго фанатизма. Сколькихъ слезъ, проклятій и ни съ чѣмъ не сравнимыхъ страданій она стоила человѣчеству! Сколько горя, несправедливостей и подлости было совершено во имя Бога! Сколько добродѣтелей, великихъ талантовъ и всеобъемлющихъ умовъ пало жертвою гнуснаго сластолюбія, жалкой зависти и злобы лицемѣрныхъ монаховъ! Въ предыдущей главѣ мы только слегка коснулись этого во-

проса, не желая понапрасну терзать сердце читателя напоминаніями о старыхъ, но вѣчно поучительныхъ ранахъ, оставленныхъ тяжелыми цѣпями, сковывавшими свободу мысли и убѣжденій...

Но всему бываетъ конецъ. Старинная поговорка: «чѣмъ хуже, — тѣмъ лучше» оправдалась и здѣсь, какъ нельзя болѣе. Послѣдовалъ взрывъ народнаго негодованія, результатомъ котораго было освобожденіе человѣческой личности изъ-подъ тяжелаго гнета католическаго духовенства, считавшаго своею задачею стѣснять свободу мысли, задерживать лучи знанія и не давать простору искреннему убѣжденію. Началомъ и подготовкою къ этому движенію противъ папскаго деспотизма является ученіе гуманистовъ, родиною котораго была Италія, средоточіе тогдашней умственной жизни и центръ церковнаго могущества. Но еще задолго до XIV вѣка, въ которомъ началось гуманистическое движеніе, раздавались единичные протесты противъ насилуванія человѣческой мысли. Уже къ 1200 году, подъ вліяніемъ доктринъ Симеона Турнэ, Амори Бэна, Давида Динана, среди духовенства и мірянъ образовывается сильная, хотя и тайная оппозиція высшему авторитету папской власти. Анаемы, раздававшіяся противъ ученій неугодныхъ церкви философовъ, и сожженія «еретиковъ» съ ихъ сочиненіями способствовали только глухому броженію умовъ, ожидавшихъ лишь удобнаго момента для выраженія горячаго протеста противъ нелѣпаго положенія католической церкви, будто внѣ ея нѣтъ истины. «Философія, — говорили представители ортодоксальной партіи, — приноситъ одинъ лишь вредъ, такъ какъ догматы, формируемые церковью, — истина, а стало быть, нечего ее и отыскивать». Въ 1347 году Іоаннъ Меркурійскій былъ, напрімѣръ, осужденъ только за то, что

считалъ все, совершающееся въ мірѣ, выраженіемъ воли Божьей и поддающагося непреодолимому искушенію не находилъ возможнымъ осуждать. Между тѣмъ уже въ слѣдующемъ году д'Отрикуръ осмѣливается преподнести Сорбоннѣ слѣдующіе три тезиса: 1) дойти до достовѣрной науки можно, только отбросивъ Стагирита и его комментаторовъ и перейдя къ изученію природы; 2) вселенная вѣчна и безконечна, потому что переходъ отъ небытія къ бытію непостижимъ. Несомнѣнно, что столь смѣлая для того времени мысли должны были производить большое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что идеаль физическаго и духовнаго аскетизма, составлявшій нравственную основу господства католической церкви, къ концу XIV и началу XV вѣковъ не встрѣчалъ уже сочувствія въ обществѣ, которое поняло его противорѣчіе съ жизнью.

Въ Средніе Вѣка, когда не существовало иныхъ взглядовъ, кромѣ санкціонированныхъ папствомъ, не только дьяволъ, но весь внѣшній міръ и даже сама природа служили источниками соблазна, приводившими къ неминуемой гибели. Казалось-бы, при такого рода воззрѣніяхъ, несчастному человѣку нечего было и думать о вѣчномъ спасеніи, разъ ему со всѣхъ сторонъ грозили муки ада. Въ отчаяніи, потерявъ надежду на будущее блаженство, многіе могли-бы постараться вознаградить себя хотя-бы въ этой жизни, окунувшись съ головою въ ея наслажденія. Но умъ человѣческій изобрѣтателенъ, — вмѣстѣ съ теологическими воззрѣніями на несовершенство человеческой природы съ его тяжелыми послѣдствіями было найдено и средство для избѣжанія гибели. Прежде всего рекомендовалось удаляться отъ міра въ монастыри, толстыя стѣны которыхъ должны были до извѣстной степени обезпе-

чить вѣрующаго отъ покушеній дьявола; съ человѣческими стремленіями и потребностями нужно было вести упорную борьбу. Что же касается присущаго намъ стремленія къ умственному совершенствованію, то объ этомъ опасномъ излишествѣ нечего было и мечтать. Можно было интересоваться однимъ лишь божественнымъ, и то не мудствуя лукаво.

Но по мѣрѣ того, какъ средневѣковыя формы одна за другою рушились, подъ вліяніемъ собственнаго-ли внутренняго разложенія — или вслѣдствіе внѣшнихъ сложныхъ причинъ, развивалось гуманистическое движеніе, которое въ концѣ концовъ привело къ освобожденію человѣческой личности, науки, философіи, литературы и искусства отъ гнета католическаго духовенства, съ его устарѣвшими, мертвящими идеалами.

Новое движеніе, основными принципами котораго были уваженіе къ человѣческой личности, признаніе ея правъ на свободу духовнаго развитія и удовлетвореніе природныхъ потребностей и интересъ къ окружающему міру въ его отношеніяхъ къ человѣку, — было діаметрально противоположно средневѣковымъ воззрѣніямъ. Неудивительно, что гуманисты, которые ничего не ожидали найти въ схоластикѣ, должны были искать опоры въ памятникахъ классической древности. Но они стали изучать ихъ не по тѣмъ церковнымъ передѣлкамъ, какія до сихъ поръ наполняли бібліотеки монастырей, государей, республиканскихъ правительствъ и частныхъ лицъ, а по первоисточникамъ. Многіе для ознакомленія съ античною литературою, искусствомъ и языкомъ, въ особенности мало-распространеннымъ тогда греческимъ, посѣщали Византію. Словомъ, умственная жизнь закипѣла, пробудилась долго сдерживаемая любовь къ наукѣ,

которая постепенно стала завоевывать себѣ независимое положеніе. Спекулятивная философія, съ ея антисхоластическими стремленіями, нашла поддержку въ пробудившейся любви къ экспериментальнымъ наукамъ, которыя получили свое начало еще въ тринадцатомъ вѣкѣ, во времена Рожера Бэкона. Но только подъ вліяніемъ изученія сочиненій Аристотеля по физикѣ и арабскихъ школъ Испаніи, откуда были получены первыя свѣдѣнія по химіи, алгебрѣ и астрономическія преданія востока, — любовь эта приобрѣла нѣкоторую почву для поддержанія философскаго камня, и фабрикація золота, перенесенная въ Европу Раймундомъ Лулліемъ изъ Пальмы, принесла, однако, ту пользу, что многіе стали, подобно Себонду, предпочитать чтеніе «понятной для всѣхъ книги природы».

Изученіе античной литературы, особенно Пифагора, Платона, неоплатониковъ и даже еврейской Каббалы, послужило основаніемъ для развитія мистицизма и теософіи, цѣлью которой было изученіе природы ради открытія въ ней слѣдовъ таинственнаго Существа. Наряду съ изученіемъ послѣдней начались изслѣдованія въ области древнихъ оккультическихъ наукъ, съ ихъ таинственными формулами и загадочными дѣйствіями. Кромѣ Мирандолы и его учениковъ: его племянника и Рейхлина, относившихся съ большимъ уваженіемъ къ Каббалѣ, въ числѣ двигателей этого возрожденія древней магіи и теургіи слѣдуетъ отмѣтить Агриппу фонъ-Неттесгейма, Іеремію Кордана и въ особенности знаменитаго врача Гогенгейма (Philippus Aureolus Hohenheim) *), болѣе извѣстнаго подъ име-

*) Родился въ 1493 г.

немъ Теофраста Парацельса. Съ него-то мы и начнемъ нашъ обзоръ мистическихъ теорій, предшествовавшихъ возникновенію идеи животнаго магнетизма *).

Родиною этого великаго мечтателя, основателя медицинской школы, была Швабія, гдѣ впоследствии родился и Антонъ Месмеръ, значительная часть ученія котораго, очевидно, заимствована отъ его земляка Парацельса. Послѣдній училъ, что звѣзды оказываютъ большое вліяніе на весь подлунный міръ, не исключая и человѣка. Тѣло послѣдняго представляетъ собою двуполусный магнитъ: одна сторона его притягивается звѣздами и питается ими, что обусловливаетъ нашу мудрость, чувства и мышленіе; другая же притягивается простыми элементами и возстановляетъ ими мясо и кровь; притягательная сила человѣческаго организма подобна заключающейся въ янтартъ и магнитѣ. По мнѣнію этого ученаго, посредствомъ притягательной силы здоровыхъ людей можно отвлекать испорченный магнетизмъ больныхъ и тѣмъ самымъ ихъ излечивать. Онъ предлагалъ, кромѣ того, талисманы въ видѣ коробочекъ, съ заключающимся въ нихъ небеснымъ вліяніемъ, давалъ рецепты для приготовленія талисмановъ таинственныхъ порошковъ и мазей, сила которыхъ проявлялась даже безъ прикосновенія къ ранамъ на какомъ угодно разстояніи. Это были такъ-называемыя цѣлительныя мази. Для пользованія ими нужно было достать крови больного, наплатъ ею кусокъ дерева и прикоснуться имъ къ мази, сохраняемой въ коробочкѣ, — рана должна была

*) Эта часть главы составлена главнымъ образомъ по Louis Figuier «Les mystères de la science» и Karl'y Kiesewetter'y — «Geschichte des Neueren Occultismus».

затянуться. Другое, предлагаемое Парацельсомъ, средство было еще проще, хотя не менѣе вѣрно. Нужно было оружіе, нанесшее рану, для того, чтобы послѣдняя зажила, натереть особымъ «оружейнымъ» бальзамомъ или мазью.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что этотъ ученый придавалъ слишкомъ большое значеніе изобрѣтеннымъ имъ мазямъ и другимъ таинственнымъ средствомъ. Повидимому, онъ вовсе не заблуждался относительно причины ихъ дѣйствія, если могъ говорить: «Будь предметъ вашей вѣры дѣйствительный или ложный, послѣдствія для васъ будутъ одни и тѣ же; такимъ образомъ, если вѣра моя въ статую св. Петра будетъ такая же, какъ вѣра въ самого св. Петра, я достигну тѣхъ же эффектовъ, какихъ достигъ-бы вѣрою въ св. Петра; здѣсь дѣло въ суевѣріи. Тѣмъ не менѣе, вѣра творящая чудеса, все равно, истинная она или ложная, все-таки будетъ творить чудеса». Такая проникаемость была по истинѣ замѣчательна, и если Парацельсъ не оставилъ послѣ себя ничего кромѣ этого подмѣченного имъ условія исцѣленія многихъ болѣзней, то и въ такомъ случаѣ онъ заслуживалъ-бы съ нашей стороны вниманія. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Фигье, въ сочиненіяхъ этого врача мы находимъ начало и даже, можно сказать, первое изданіе всего того, что было послѣ него говорено объ явленіяхъ магнетизма, симпатическомъ дѣйствіи разныхъ средствъ и переносѣ или пересадкѣ (transplantation) болѣзней. «Перепрыгнувъ,—по выраженію Кизеветтера,—черезъ шлагбаумы схоластической науки», онъ имѣлъ право питать увѣренность, «что его имя не будетъ забыто, пока будутъ живы его сочине-

нія, эти дѣти его духа» *). И дѣйствительно, какъ оказывается, не только ближайшіе потомки этого великаго человѣка, но даже и намъ, людямъ «конца вѣка», приходится заглядывать въ сочиненія Парацельса, отыскивая въ нихъ уже не научные курьезы, имѣющіе историческое значеніе, а указанія на направленіе нѣкоторыхъ опытовъ, сдѣлавшихся необходимыми послѣ тѣхъ новыхъ, совершенно неожиданныхъ открытій, какія сдѣланы въ послѣднее время. Здѣсь не мѣсто говорить о возможномъ переворотѣ въ современныхъ научныхъ воззрѣніяхъ на психическую природу человѣка, тѣмъ не менѣе, ниже мы еще вернемся къ этому вопросу, поскольку онъ касается предмета настоящей работы.

Во времена Парацельса врачи и физики стремились открыть какой-то неосвязаемый, таинственный дѣятель, при помощи котораго можно-бы было объяснить извѣстныя явленія, ставившія тогдашнюю науку втупикъ, а нынѣшними учеными уже съ давняго времени вовсе отрицаемая. Послѣ опубликованія англійскимъ физикомъ Джилльберомъ его книги «*De magnet*», вниманіе всего ученаго міра сосредоточилось на магнитѣ. Казалось, что столь долго отыскиваемый «универсальный принципъ» наконецъ былъ найденъ. Это была невѣсомая жидкость, флюидъ, черезъ посредство котораго различныя тѣла и всѣ существа подлуннаго міра могли сообщаться между собою. Она считалась причиною образованія и «разложенія» металловъ и всѣхъ вообще химическихъ реакцій; обладала въ высшей степени способностью притяженія и отталкиванія.

Однимъ изъ первыхъ, а можетъ быть, какъ говорить

*) Kiesewetter, 50.

Фигье, и самымъ первымъ, кто увидѣлъ въ свойствахъ магнита недостававшій всеобщій міровой принципъ, былъ Парацельсъ. Онъ находилъ въ этомъ минералѣ большое сходство съ живыми существами, притягательная сила которыхъ заимствовалась ими отъ звѣздъ. По его ученію, быстро распространившемуся въ тогдашнихъ научныхъ сферахъ, въ мірѣ постоянно совершалось движеніе «жизненнаго флюида» или «великаго принципа», который истекалъ изъ небесныхъ пространствъ и опять туда возвращался, напоминая приливы и отливы. Посредствомъ этого вѣчнаго круговорота происходило сообщеніе живыхъ существъ между собою и со свѣтилами небесными.

Съ тѣхъ поръ въ природѣ все стали объяснять магнетизмомъ и притяженіемъ. Начиная съ растений, которыя поворачиваются къ солнцу, и кончая массою явленій самаго противоположнаго свойства, до того времени считавшихся необъяснимыми, все стали приписывать вліянію «симпатизма и антипатизма». Примѣненіе естественныхъ и искусственныхъ магнитовъ съ лечебными цѣлями начало быстро распространяться. Ихъ носили въ видѣ колецъ на шеѣ, рукахъ и другихъ частяхъ тѣла, для успокоенія конвульсій, леченія болей и нервныхъ болѣзней. Такимъ образомъ была основана магнитотерапія въ ея первичномъ видѣ.

Мы не станемъ долѣе останавливаться на ученіи Парацельса. Замѣтимъ только, что въ философскомъ отношеніи оно имѣетъ много общаго съ неоплатонизмомъ, Каббалою и другими восточными тайными ученіями. Мѣстами это сходство настолько велико, что даже явилось предположеніе, будто въ своихъ путешествіяхъ Парацельсъ посѣтилъ Африку и Азію, гдѣ и познакомился съ

древними оккультическими науками. Но Кизеветтеръ не безъ основанія считаетъ это мнѣніе невѣрнымъ, находя въ сочиненіяхъ знаменитаго ученаго такія географическія описанія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли выйти изъ-подъ пера человѣка, дѣйствительно побывавшаго въ упомянутыхъ частяхъ свѣта. Впрочемъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, вся научная литература Европы не только въ древности, но и въ новѣйшее время заключала массу заимствованнаго съ востока; поэтому насъ вовсе не должно удивлять, что у Парацельса и въ сочиненіяхъ его позднѣйшихъ послѣдователей имѣются общія черты съ литературными памятниками восточнаго оккультизма. Желаящимъ болѣе основательно ознакомиться съ сущностью ученій Парацельса, парацельситовъ и новѣйшихъ представителей оккультизма можно, кромѣ общихъ курсовъ исторіи и философіи и упоминаемой выше книги Фигье, рекомендовать сочиненіе Шпренгеля *) и въ особенности капитальный трудъ Кизеветтера, гдѣ обращается большое вниманіе на сочиненія каждаго изъ приводимыхъ авторовъ.

Среди многочисленныхъ послѣдователей Парацельса, одно перечисленіе именъ которыхъ заняло-бы много времени, нельзя обойти молчаніемъ марбургскаго профессора философіи и медицины Рудольфа Гокленіуса, споръ котораго съ іезуитомъ Роберти надѣлалъ много шума. Ученый монахъ доказывалъ и, нужно отдать ему справедливость, довольно успѣшно, что магнитное леченіе это дѣло дьявола, а сами Парацельсъ и Гокленіусъ его дѣти. Споръ тянулся долго, и, не вмѣшайся въ него Ванъ-Гельмонтъ, бѣдному Гокленіусу, пожалуй, приш-

*) Sprengel. Histoire de la médecine, t. III.

лось-бы признать себя дѣтищемъ пользовавшагося столь нелестною славою родителя. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «О магнитномъ леченіи ранъ» Гельмонтъ съ большимъ запасомъ знанія и остроумія обрушивается на іезуита, унижившаго его учителя, котораго Гокленіусъ, плохо знакомый съ медициною и непривычный къ полемикѣ, не сумѣлъ достойно защитить. Посмѣявшись надъ невѣжествомъ монаха, прибѣгавшаго къ помощи дьявола для объясненія непонятныхъ явленій, ученый спрашиваетъ, не вѣрнѣе-ли было-бы искать естественнаго объясненія и принять съ этою цѣлью магнетизмъ, т. е. то таинственное свойство тѣлъ, которое носить это названіе, по причинѣ сходства со свойствами магнита? Что касается исцѣленія ранъ посредствомъ магнитной мази, то объясненіе этого явленія казалось Ванъ-Гельмонту крайне простою вещью. «Мазь,—говорилъ онъ,—дѣйствуетъ, притягивая къ себѣ продукты разложенія, заключающіяся во всякихъ ранахъ, и тѣмъ самымъ предохраняетъ ихъ отъ воспаленія и нагноенія». Возможность такого рода дѣйствія, какъ и другихъ чудесъ всеобщаго принципа, Ванъ-Гальмонтъ объяснялъ тѣмъ, что видимый міръ управляется невидимымъ.

Другой поборникъ доктрины магнитнаго леченія ранъ, считавшій, подобно Ванъ-Гельмонту, Гокленіуса неспособнымъ поддерживать съ честью ихъ великаго учителя, былъ Гелимонтіусъ, который усилилъ аргументацію своихъ предшественниковъ примѣненіемъ аналогій. Такъ, напримѣръ, въ доказательство возможности переноса болѣзни съ одного существа на другое, онъ указалъ на фактъ, противъ котораго въ то время никому не приходило въ голову спорить, а именно, что, если отъ больного водянкою взять немного крови въ яичную скорлупу,

сохраняя ее въ теплѣ, а потомъ дать ее съѣсть вмѣстѣ съ мясомъ голодной собакѣ, то болѣзнь перенесется на животное. Впрочемъ, Гелимонтіусъ въ этомъ отношеніи только подражалъ Бургграовіусу (Burgravius), изобрѣтателю особой симпатической лампы, названной «лампой жизни и смерти». Это было нѣчто очень чудесное, такъ какъ по ней можно было узнавать о состояніи здоровья субъекта, которому она «симпатизировала». Если послѣдній былъ здоровъ, лампа горѣла ярко, заболѣвалъ, — свѣтъ ея ослабѣвалъ, съ его же смертью потухала и лампа.

Однимъ изъ важнѣйшихъ парацельситовъ, по справедливости, считается профессоръ медицины въ Ростокѣ, Себастьянъ Вирдигъ (1613—1687). По его ученію, вся природа наполнена всепроницающимъ духомъ, въ которомъ соединяются свойства желанія и отвращенія, а тепло и холодъ дѣйствуютъ по отношенію другъ къ другу полярно. Міръ является, такимъ образомъ, такъ сказать, большимъ животнымъ. Между духами небесныхъ тѣлъ и земныхъ предметовъ существуетъ симпатія или взаимное притяженіе, если природа ихъ однородна, и, наоборотъ, — антипатія, въ случаѣ противоположности ихъ природныхъ свойствъ. Этою симпатією и антипатією обуславливается постоянное гармоническое движеніе между небомъ и землею. Небесныя тѣла, изученіе которыхъ состоитъ только изъ огня и духа, оказываютъ несомнѣнное вліяніе на земныя тѣла. Это вліяніе по отношенію къ человѣку проявляется въ жизни, движеніи и теплотѣ. Въ чловѣкѣ находится животный духъ, состоящій въ связи съ духомъ воздуха и небесныхъ свѣтилъ, которыя управляютъ имъ. При рожденіи ребенка вліяніе звѣздъ

бываетъ самое сильное, такъ какъ отъ перваго вдыханія дитяти зависитъ вся его дальнѣйшая жизнь. Симпатія духовъ—это магнетизмъ. Онъ соединяетъ все и дѣйствуетъ на далекомъ разстояніи. Весь міръ ему подчиняется, такъ какъ подобное взаимно притягивается, а противоположное отталкивается. Все живетъ, благодаря магнетизму, и отъ него же погибаетъ *).

Согласно этой теоріи симпатизма и антипатизма, магнетизмъ, по опредѣленію самого Вирдига, представляетъ собою духовное согласіе (*consensus spirituum*). Въ существованіи такой симпатіи между людьми въ то время никто не сомнѣвался, а нѣкоторые факты, объясненіе которыхъ не представляетъ теперь никакихъ особенныхъ затрудненій, казались тогда только и объяснимыми съ точки зрѣнія духовнаго согласія или симпатіи. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ, приводимый Сантанелли, Ванъ-Гальмонтомъ, Кампанеллою, Сервіусомъ и многими другими и, между прочимъ, «воспѣтый» Вольтеромъ, мы позволимъ себѣ предложить вниманію читателя въ качествѣ коротенькой иллюстраціи...

Извѣстный въ то время хирургъ Талиако придѣлалъ одному жителю Брюсселя искусственный носъ. Операчія сошла удачно, и счастливый пациентъ вернулся домой. Проживъ послѣ того нѣсколько лѣтъ вполне благополучно, онъ вдругъ сталъ замѣчать, что носъ его холодѣетъ, блѣднѣетъ, дѣлается синеватымъ, гноится и, наконецъ, отваливается. Оказалось, что носильщикъ изъ Болоньи, который продалъ для упомянутой операціи кусокъ мяса отъ своей руки, какъ разъ въ это время

*) Kiesewetter, 109.

умеръ *). Нужно-ли говорить, что подобные рассказы должны были оказывать большое впечатлѣніе на современниковъ?

Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ большое вліяніе на появленіе идей животнаго магнетизма, справедливость заставляетъ насъ указать Фаціуса и Іеронима Кардано, Іоганна Баптиста Порты, Джордано Бруно, Томаса Кампанеллу и обоихъ Ванъ-Гельмонтовъ.

Изъ Германіи и Фландріи парацельсова доктрина перешла въ Шотландію и Англію, гдѣ она нашла себѣ радушный пріемъ. Извѣстный Робертъ Флюддъ, объѣздившій Францію, Германію и Италію, посвятилъ ей всѣ свои громадныя способности и обширную эрудицію. Онъ допускалъ происхожденіе всѣхъ вещей изъ одного элемента, считая всѣ остальные только его измѣненіями или превращеніями, а душу частью этого универсальнаго принципа. Симпатія и антипатія, по его мнѣнію, обусловливаются направленіемъ излученія всеобщаго принципа, — излученіе отъ периферіи къ центру даетъ антипатію, а обратное служить причиною симпатіи. Кромѣ того, онъ утверждалъ, что каждое подлунное тѣло, не исключая и человѣка, сообщается со спеціальною звѣздою. Такъ, напримѣръ, для магнита служить полярная звѣзда. Смотря на человѣка, какъ на микрокосмъ, Флюддъ надѣлялъ его магнитною способностью, которая подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ и большой міръ. Подобно землѣ, человѣкъ имѣетъ два полюса, которые вліяютъ или воспринимаютъ вліяніе путемъ двухъ теченій или двойнаго потока; сѣверное теченіе состоитъ изъ холод-

*) Figuier, 214.

ныхъ лучей, южное — изъ теплыхъ; оба они взаимно умѣряются. Полюсы раздѣляются безразличною линіею, называемою экваторомъ. Желчный пузырь представляетъ собою центральный пунктъ лучей южнаго полюса, дѣйствіе котораго выражается въ привлеченіи умовъ, возбужденіи веселости, тепла, жизни; селезенка служитъ вмѣстилищемъ сѣвернаго полюса, который притягиваетъ грубые и земные соки (сущности), производитъ ипохондрическіе припадки, сжимающіе сердце, и причиняетъ тоску, меланхолію, печаль, иногда даже смерть. Кромѣ того, шотландскій философъ различалъ еще, въ зависимости отъ направленія токовъ у двухъ лицъ, положительный и отрицательный магнетизмъ: первый соотвѣтствовалъ истеченію, т. е. движенію отъ центра къ периферіи, второй — отвѣчалъ обратному теченію, или, другими словами, между лицами замѣчалась симпатія или антипатія. Наконецъ, существовало еще различіе между духовнымъ и тѣлеснымъ магнетизмомъ. Этотъ двойной магнетизмъ проявлялся, по мнѣнію Флюdda, не только по отношенію къ животнымъ, но и растеніямъ и даже минераламъ.

Чтобы покончить съ этою интересною, хотя и не оригинальною теоріею, приведемъ очень простой рецептъ для избавленія отъ болѣзней. Сорвавъ съ дерева, предпочтительно дуба, часть коры, нужно высверлить въ немъ отверстіе, положить туда волосы или вообще всякій предметъ или вещество, такъ или иначе пропитанное сущностью данной особы, что носило названіе мумій (mummies, momies), и закрыть опять корою. Самый тяжелый недугъ покидаетъ больного и переходитъ въ злосчастное дерево. Вотъ и вся мудрость леченія. А между тѣмъ,

нынче-то сколько приходится потратить времени и денег для избавленія отъ самой иногда пустой болѣзни! *). Робертъ Флюддъ, впрочемъ, не затруднился-бы отвѣтить, почему иногда вѣрнѣйшее средство не дѣйствуетъ. Онъ вѣрилъ въ дьявола, который, конечно, могъ сдѣлать недѣйствительнымъ всякій магнетизмъ.

Судьба, однако, сыграла съ нашимъ ученымъ злую шутку, и причиною этого былъ тотъ же дьяволъ, хотя и косвеннымъ образомъ. Послѣ появленія книги Флюдда, озаглавленной «Философія Моисея», на нее напалъ ученый іезуитъ Кирхеръ, который объявилъ, что подобное сочиненіе могло выйти только изъ школы дьявола. Неизвѣстно, на какомъ основаніи достойный аббатъ заключилъ, что въ тѣ времена черти занимались философіей и медициной, и притомъ даже до такой степени серьезно, что образовалась особая дьявольская школа. Есть, однако, основаніе думать, что Кирхеръ, который былъ, подобно Флюдду, очень хорошимъ физикомъ, выказалъ столь рѣзкое мнѣніе о сочиненіи послѣдняго, исключительно руководясь простою завистью къ сопернику, имѣвшему успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, нужно отдать ему справедливость, что его собственные опыты надъ магнетизмомъ были не менѣе многочисленны, чѣмъ Флюдда, а сочиненія Кирхера по этому вопросу являются наиболѣе полными сравнительно съ его предшественниками. Кромѣ того, замѣтимъ, что ему принадлежитъ заслуга введенія термина «животный магнетизмъ», до того времени никѣмъ не употреблявшагося. Вообще онъ различалъ множество магнетизмовъ — планетный, солнечный, лунный, морской, электрическій и металлическій, элементарный и сложныхъ

*) Фигье, 211.

тѣлъ, растительный, животный, медикаментный, музыкальный, любовный; даже сама природа имѣла свой магнетизмъ; наконецъ, былъ еще магнетизмъ,—и это, надо полагать, если не самый реальный, то по крайней мѣрѣ неоспоримый,—магнетизмъ воображенія, примѣромъ могущества котораго могло служить изобрѣтеніе всѣхъ остальныхъ магнетизмовъ...

Что касается музыки, то Кирхеръ не только указываетъ на нее, какъ на могущественное средство возбужденія души, но довольно точно различаетъ дѣйствіе отдѣльныхъ инструментовъ по отношенію къ различнымъ страстямъ. При этомъ онъ отдавалъ особое предпочтеніе гармоникѣ,—обстоятельство, заслуживающее вниманія, въ виду предпочтенія этого инструмента и Месмеромъ въ послѣдствіи. Объясняя дѣйствіе музыки въ магнетизмѣ, Кирхеръ говоритъ, что послѣдняя не можетъ оказывать непосредственнаго вліянія на душу, которая, какъ субстанція нематеріальная, не реагируетъ на звукъ или голосъ; но черезъ посредство «жизненнаго начала» или «духа» (*esprit vital*) это дѣйствіе является вполне понятнымъ. Наиболѣе, однако, любопытная и курьезная часть трактата ученаго іезуита касается любовнаго магнетизма (*magnetismus amoris*). Между прочимъ здѣсь указывается на способъ рѣшенія весьма щекотливаго и до сихъ поръ во многихъ случаяхъ считающагося неразрѣшимымъ вопроса о женской вѣрности. Для этого достаточно приложить магнитъ къ тѣлу женщины во время ея сна: если она вѣрна своему мужу, то, разбуженная этимъ прикосновеніемъ, она должна съ нѣжностью обнять своего благовѣрнаго; въ противномъ случаѣ, женщина обращается въ бѣгство. Переходя, наконецъ, къ теоріи Максуэлла, которымъ

заканчивается періодъ теоретическаго развитія идеи животнаго магнетизма, мы должны удѣлить еще нѣсколько словъ взглядамъ одного изъ представителей современной Максуэллю чистой философіи, именно, знаменитому Декарту. Этотъ философъ, который, подобно своимъ современникамъ, зналъ о существованіи нѣкоторыхъ натуръ, способныхъ не только имѣть власть надъ другими людьми, но иногда даже оказывать вліяніе на неодушевленные предметы. не могъ оставить столь важный вопросъ безъ вниманія. По его теоріи, близко подходящей къ ученію Максуэлля, «тѣ части крови, которыя входятъ въ мозгъ, мало того, что питаютъ и поддерживаютъ его, но образуютъ въ немъ еще чистое, яркое пламя, называемое животнымъ началомъ». Это пламя,—говоритъ онъ въ концѣ своего сочиненія о чловѣкѣ,—имѣетъ тотъ же составъ, что и пламя, каковымъ обладаютъ бездушные предметы *). Максуэлль же замѣчаетъ, что «тотъ, кто смотритъ на свѣтъ, какъ на универсальное начало, не очень далекъ отъ истины; въ самомъ дѣлѣ, оно или представляетъ собою этотъ свѣтъ, или въ немъ заключается» **).

Главнымъ, по мнѣнію шотландскаго ученаго, фокусомъ, въ которомъ сосредоточивается всюду разсѣянный великій жизненный принципъ, служить солнце. Это жизненное начало передается черезъ посредство тепла и свѣта отъ солнца и звѣздъ тѣламъ, способнымъ его воспринять. Универсальный духъ, сходящій съ неба, есть источникъ жизненнаго начала всѣхъ вещей; онъ ихъ образуетъ, поддерживаетъ, по-

*) Descartes. «L'homme» vol. IV. p. 345. 428.

**) Aphorismus. 78.

рождаетъ и размножаетъ. Матерія только тогда получаетъ активную способность, когда одухотворена этимъ принципомъ.

«Если вы умѣете, — говоритъ Максуэлль, — употреблять тѣла, пропитанныя универсальнымъ духомъ, вы извлечете изъ этого большую помощь. Въ этомъ заключается весь секретъ магіи... Можно путемъ чудесныхъ процессовъ сообщить его (принципъ) всѣмъ тѣламъ, сообразно съ ихъ предрасположеніемъ, и увеличить, такимъ образомъ, достоинство всѣхъ вещей». «Тотъ, кто умѣетъ дѣйствовать на частное жизненное начало каждаго индивидуума, можетъ лечить на какомъ угодно разстояніи, призывая на помощь всеобщій принципъ» *). Но это умѣніе составляетъ величайшій секретъ философовъ.

Ученикъ Максуэлля, Либавіусъ, ничего не сказавшій новаго, говорилъ, повторяя слова учителя, что маги только «отражали» универсальный принципъ. «Отражая его, начало магнетизма, подобно тому, какъ свѣтъ отражается въ зеркалахъ, можно направлять его дѣйствіе на индивидуума».

Но какъ это сдѣлать, какъ овладѣть основнымъ началомъ, чтобы заставить его дѣйствовать по нашему усмотрѣнію, безъ посредства разныхъ талисмановъ, магическихъ коробочекъ и т. п. — никто изъ предшественниковъ Максуэлля и снѣ самъ не могли указать. Вотъ этимъ-то и занялся Месмеръ, который хотя и не прибавилъ ничего новаго къ ученію о животномъ магнетизмѣ, повторяя лишь слова своихъ предшественниковъ, въ особенности Парацельса и

*) Ib. 68, 69, 38, 78 привед. у Фигье.

Максуэлли, но зато сдѣлалъ попытку примѣненія теорій къ практикѣ. Правда, и въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ предшественниковъ, но у него было передъ ними то преимущество, что чудеса, совершавшіяся ими безсознательно, безъ всякаго объясненія или на основаніи теологическихъ соображеній, Месмеръ производилъ, руководясь до извѣстной степени психо-физическою теорією.

Изъ числа магнетизеровъ-практиковъ, занимавшихся изцѣленіемъ больныхъ раньше Месмера, укажемъ на Валентина Гритракса (Greatrakes) и Гаснера. Первый былъ знатнаго рода ирландецъ. Кюллеръ *) рассказываетъ о немъ слѣдующее: «Въ 1662 году онъ узналъ черезъ откровеніе, что обладаетъ даромъ излѣчивать золотуху. Свою способность онъ сталъ примѣнять къ золотушнымъ, исцѣляя ихъ однимъ прикосновеніемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ новыя откровенія дали ему почувствовать, что онъ способенъ лечить лихорадку, раны, язвы, водянку и многія другія болѣзни. Слава о немъ вскорѣ достигла громадныхъ размѣровъ; народъ встрѣчалъ его съ восторгомъ и оваціями; со всѣхъ сторонъ къ нему стекались больные, которыхъ онъ исцѣлялъ чудотворными прикосновеніями. Ихъ онъ производилъ такимъ образомъ, будто изгонялъ болѣзнь отъ центра тѣла къ конечностямъ». Его современникъ Рустъ говоритъ: «Казалось, что изъ его тѣла исходитъ бальзамическое и цѣлительное вліяніе... Гритраксъ вѣрить, что способность, которую онъ обладаетъ, есть

*) *Magnétisme et hypnotisme, exposé des phénomènes observés pendant le sommeil nerveux provoqué*, Paris, 1887, приводится у Фигье.

даръ Божій» и ничего не заключаетъ въ себѣ сверхъестественнаго *).

Что касается Гаснера, то этотъ священникъ, соотечественникъ и современникъ Месмера, былъ убѣжденъ, что одни болѣзни происходятъ отъ естественной причины, другія—отъ дьявольскаго навожденія. Страданія первой категоріи Гаснеръ предоставлялъ лечить врачамъ, а на себя бралъ только пользованіе одержимыхъ демономъ. Для опредѣленія характера болѣзни, т. е. естественная она или демоническая, Гаснеръ употреблялъ пробное, такъ сказать, діагностическое заклинаніе бѣссы, которое дѣйствовало только на больныхъ, одержимыхъ дьяволомъ, обнаруживавшимъ свое присутствіе появленіемъ у больного конвульсій. Судя по обширной практикѣ Гаснера, болѣзни, бывшія слѣдствіемъ естественныхъ причинъ, повидимому, составляли довольно рѣдкое исключеніе, такъ что прозвище «врага рода человѣческаго», которымъ испоконъ вѣковъ былъ заклеменъ дьяволъ, очевидно, было имъ вполне заслужено... О величинѣ этой практики можно судить по тому обстоятельству, что, когда послѣ непродолжительнаго леченія своихъ прихожанъ, исцѣлитель предпринялъ чудотворное путешествіе, то за нимъ двигались толпы народа, ожидавшаго очереди быть избавленнымъ отъ недуговъ. Около города Ратисбона, гдѣ остановился Гаснеръ, одновременно скопилось болѣе 10 тысячъ больныхъ, расположившихся за недостаткомъ мѣстъ въ шатрахъ. Для того, чтобы составить себѣ понятіе о пріемахъ этого магнетизера, расскажемъ одинъ выдающійся случай изъ его практики.

*) Фигье, 224.

Дочь одного пѣмецкаго сановника, страдавшая истеріей и довольно успѣшно лечимая однимъ страсбургскимъ врачомъ, вздумала обратиться за совѣтомъ къ Гаснеру. Объявивъ больной, что она не излечена, онъ началъ свои заклинанія, вызвавшія сильныя конвульсіи, которыя тотчасъ же исчезали, едва было произнесимо слово: «Cesset». Всѣ приказанія, которыя магнетизеръ отдавалъ на этотъ разъ дьяволу по-латыни, въ точности исполнялись. Было очевидно, что это былъ прекрасно образованный демонъ... «Agitentur brachia!»—и руки больной дрожали. «Paroxysmus veniat!»—больная впадала въ конвульсивный припадокъ.—«Cesset paroxysmus in momento!»—больная моментально успокаивалась, на ея губахъ появлялась улыбка. «Tollantur pedes!»—и больная опрокидывала ногою столъ. «Habeat angustias circa cor!»—и она начинала вращать глазами. «Sit quâsi mortua!»—больная, дѣйствительно, приходила въ состояніе почти мертвой: пульсъ едва, едва бился, голова и шея коченѣли, ротъ открывался, лицо багровѣло, носъ вытягивался. «Cesset!»—и все прекращалось въ одинъ почти мигъ. Такимъ образомъ Гаснеръ производилъ каталенсію, параличъ одной половины тѣла и языка, всевозможныя физическія движенія, возбуждалъ разныя страсти и т. д. Въ заключеніе этого истязанія больной, священникъ приступилъ къ изгнанію изъ нея злаго духа, что, конечно, было очень не трудно сдѣлать при необыкновенномъ его послушаніи... *).

*) Фигье, 227—237.

У. Антонъ Месмеръ, его теорія и отношеніе къ ней во Франціи въ XVIII вѣкѣ. — Открытіе искусственнаго сомнамбулизма маркизомъ Шастне де-Пюизеюромъ и каталепсін съ транспозиціей чувствъ Патетеномъ. — Аббатъ Фарія:

Къ концу восемнадцатаго вѣка французское общество, среди котораго прошла самая блестящая пора дѣятельности Месмера, было охвачено какимъ-то неопредѣленнымъ лихорадочнымъ волненіемъ, почти даже ожиданіемъ, что не сегодня—завтра будетъ наконецъ открыта та чудодѣйственная панацея, къ которой давно уже стремилось человѣчество, и о существованіи которой такъ настойчиво твердили разные философы-мечтатели. Это было наиболѣе удобное время для появленія подобной вѣры. Разумъ, въ лицѣ великихъ представителей «вѣка просвѣщенія», сказалъ свое послѣднее слово и не могъ болѣе разсчитывать плѣнить собою умы общества, которому онъ уже наскучилъ. Всюду съ особенною силою воскресло стремленіе къ чудесному, никогда, впрочемъ, окончательно не умиравшее. Началось господство чувства. Общество способно было слушать только того, кто дѣйствовалъ на его воображеніе. Даже сама наука принуждена была уступить этой всеобщей потребности и облачиться въ мантию таинственности. Въ Парижѣ были общества, которыя все время проводили въ занятіяхъ мистическими науками. Авторъ «Антимагнетизма» *) говоритъ, что въ 1784 г. многіе были убѣж-

*) См. Фигье, 115—116.

дены, «что въ природѣ существуютъ силы, невидимые духи, сильфы, которыхъ можно, по желанію людей, вызывать; что большая часть явленій природы, всѣ наши дѣйствія подчинены таинственнымъ силамъ; что само предопредѣленіе управляется особыми геніями, которые ведутъ насъ къ судьбѣ, какъ послушныхъ рабовъ, какъ слѣпыхъ; что мы недостаточно вѣримъ талисманамъ, астрологіи и магическимъ наукамъ. Этотъ вкусъ къ туманнымъ вещамъ, къ мистическимъ, аллегорическимъ значеніямъ сдѣлался въ Парижѣ всеобщимъ и занимаетъ въ настоящее время почти всѣхъ незанятыхъ людей».

Таково было настроеніе французскаго общества, когда до него дошелъ слухъ, что гдѣ-то въ глубинѣ Германіи появились два человѣка, повидимому, нашедшихъ, наконецъ, всеобщее чудодѣйственное средство излеченія болѣзней. Съ каждымъ днемъ приходили все новыя и новыя извѣстія о необыкновенныхъ вещахъ, творившихся въ Вѣнѣ и Ратисбонѣ, гдѣ подвизались эти чудодѣи. Это были священникъ Гаснеръ и врачъ Месмеръ, оба родомъ изъ Швабіи. О дѣятельности перваго изъ нихъ читатель уже имѣетъ кое-какое понятіе. Къ этому мы прибавимъ еще, что она была вскорѣ прекращена именнымъ указомъ императора, заточившаго злополучнаго священника-цѣлителя въ монастырь. Что же касается Месмера, то его дѣятельностью намъ придется еще въ некоторое время занимать вниманіе читателя.

Антонъ Месмеръ родился въ 1734 г., какъ мы уже сказали, въ Силезіи. По характеру это былъ человѣкъ очень самолюбивый, ловкій въ житейскихъ дѣлахъ и очень корыстолюбивый. Въ 1766 г. онъ получилъ званіе д-ра медицины въ Вѣнѣ, избравъ темою своей дис-

сертаціи вопросъ о «вліяніи звѣздъ и планетъ на излеченіе больныхъ». Здѣсь онъ пытался доказать существованіе тонкаго магнетическаго флюида, посредствомъ котораго небесныя свѣтила дѣйствуютъ на живыхъ существъ. Познакомившись послѣ опубликованія своей работы съ извѣстнымъ астрономомъ іезуитомъ Геллемъ (Hell), который занимался врачеваніемъ посредствомъ магнита, и найдя въ его опытахъ много общаго со своею теоріею, Месмеръ сталъ примѣнять дѣйствіе магнита къ леченію болѣзней. Успѣхъ его былъ очень великъ. Всѣ вѣнскіе журналы громко кричали объ его исцѣленіяхъ. Въ числѣ излеченныхъ по его способу указывали на проф. математики Бауэра, страдавшаго упорной офталміей, и Остерваля, директора мюнхенской академіи наукъ, который былъ пораженъ параличемъ.

Однако, этотъ періодъ дѣятельности Месмера, характеризовавшійся нѣкоторою неувѣренностью въ способахъ достиженія цѣли — леченія, продолжался недолго. Хорошо знакомый съ предшествовавшею литературою животнаго магнетизма, лишенный только одного, какъ мы уже сказали, указанія на способъ утилизаціи послѣдняго съ лечебными цѣлями, Месмеръ не могъ не обратить вниманія на совершаемые его соотечественникомъ Гаснеромъ чудеса, молва о которыхъ быстро росла. Какъ человѣкъ умный, онъ сразу понялъ, что то, чего ему не удавалось найти въ сочиненіяхъ своихъ предшественниковъ, повидимому, было открыто Гаснеромъ, который вовсе не примѣнялъ никакихъ магнитовъ. Изъ этого Месмеръ заключилъ, что животный магнетизмъ отличается отъ свойствъ магнита. И дѣйствительно, онъ вскорѣ бросаетъ магнитные снаряды Гелля и переходитъ къ манипуляціямъ и магнетизированію глазами.

Съ этого момента начинается новый періодъ дѣятельности Месмера, доктрина котораго постепенно, съ теченіемъ времени, пріобрѣтаетъ устойчивость. Но не въ Вѣнѣ пришлось ей вылиться въ окончательную форму и завоевать себѣ громкую извѣстность и признаніе, если не науки, то по крайней мѣрѣ общества. Вслѣдствіе одного приключенія, которое ставило Месмера въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ, императрица частнымъ образомъ выразилось, что пора «кончить этотъ обманъ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Месмеръ, видя, что ему нѣтъ расчета оставаться въ столицѣ Австріи, направилъ свои взоры на Парижъ, этотъ, какъ его тогда называли, «городъ иностранцевъ». Здѣсь появленіе новаго пророка было встрѣчено съ величайшимъ энтузіазмомъ. Къ нему бросились и старъ, и младъ, и больной, и здоровый. Въ особенности много Месмеръ нашелъ себѣ восторженныхъ поклонниковъ среди женщинъ, которыхъ привлекала къ нему необыкновенная обстановка «опытовъ», любопытство, желаніе испытать извѣстныя эмоціи, привлекательность самого магнетизера, чудесный характеръ самого открытія, наконецъ, мода. Стеченіе націентовъ было настолько велико, что первоначальная квартира Месмера въ темномъ кварталѣ Вандомской площади едва вмѣщала желавшихъ магнетизироваться, и вскорѣ ей пришлось перемѣнить на *hôtel Bullion* около Биржевой площади. Но и помимо тѣсноты большое стеченіе больныхъ было связано съ затрудненіемъ личнаго ихъ магнетизированія,—приходилось брать себѣ помощниковъ. Кромѣ того, для одновременнаго магнетизированія сразу нѣсколькихъ лицъ Месмеръ изобрѣлъ свой знаменитый чанъ. Это была большая круглая дубовая кадка, поставленная на высотѣ одного фута отъ

пола, посреди обширной залы. Дно кадки покрывалось слоем толченого стекла и желѣзных опилокъ; сверху этого слоя клались въ два ряда бутылки съ намагниченною водою, причемъ въ первомъ ряду горлышки бутылокъ были направлены къ центру, во второмъ, наоборотъ, онѣ располагались горлышками къ окружности, съ соблюденіемъ симметріи. Все это обыкновенно заливалось водою, хотя могло оставаться и въ сухомъ видѣ. Въ крышкѣ чана продѣлывались отверстія, въ которыя пропускались изогнутые подвижные желѣзные прутья, въ одинъ, два или даже три ряда, сообразно съ величиною чана. Пациенты брались за ручки прутьевъ, длина которыхъ была пропорціональна удаленію больныхъ, располагавшихся, ради экономіи мѣста, рядами вокругъ лохани. Въ комнатѣ царствовалъ таинственный сумракъ, благодаря завѣшеннымъ тяжелыми портьерами окнамъ. Пациентамъ предписывалось соблюдать строгую тишину, которая нарушалась развѣ только учащеннымъ дыханіемъ или сопѣніемъ, изрѣдка тяжелыми вздохами или шорохомъ. Между располагавшимися вокругъ лохани больными устанавливалось сообщеніе посредствомъ рукъ, колѣней и т. п. или при помощи веревки, соединявшей ихъ другъ съ другомъ. Въ такомъ положеніи пациенты оставались иногда довольно долго. Вдругъ откуда-то издали раздавались гармоническіе звуки пѣано-форте или гармоники, инструмента еще новаго во Франціи, хотя, какъ помнятъ читатели, Кирхеръ уже давно указывалъ на его прекрасное дѣйствіе; по временамъ къ музыкѣ присоединялся пріятный человѣческій голосъ. Съ этого момента магическое вліяніе чана начинало усиливаться, наступалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ явленій. Байи,

какъ очевидецъ, описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ *).

«Нѣкоторые больные,—говоритъ онъ,— совершенно спокойны и ничего не испытываютъ; другіе же кашляютъ, харкаютъ, чувствуютъ легкую боль, мѣстную или общую теплоту и потѣютъ; третьи ажитируются и впадаютъ въ конвульсіи, необыкновенныя по своей численности, продолжительности и силѣ. Иногда эти конвульсіи продолжаются болѣе трехъ часовъ и характеризуются невольными, порывистыми движеніями всѣхъ членовъ, всего тѣла, спазмами горла, вздрагиваніями подвздошія и подбрюшія, помутнѣніемъ и блужданіемъ взора, пронзительными криками, слезами, икотою и не-удержимымъ смѣхомъ. Имъ предшествуетъ или послѣ нихъ слѣдуетъ состояніе утомленія или сонливости, особаго рода изнеможеніе и даже сонъ.

«При малѣйшемъ неожиданномъ звукѣ больные вздрагивали; всякое измѣненіе тона или темпа въ игрѣ на піанофорте вліяло настолько, что одно какое-нибудь болѣе интенсивное движеніе дѣйствовало потрясающимъ образомъ и возобновляло усиленные конвульсіи. Правда, находились и такіе субъекты, которые, стараясь подавить въ себѣ это состояніе, обращались другъ къ другу, аффектированно болтали, смѣялись, благодаря чему имъ, естественно, удавалось предотвратить кризисъ. Подчинявшіеся же магнетизеру всецѣло быстро поддавались мнимому усыпленію; его голосъ, жестъ и даже взглядъ приводилъ ихъ въ себя. Въ виду постоянства такихъ явленій нельзя воздержаться отъ призна-

*) Binet et Fèrè. Le magnétisme animal, рус. пер., 9 и 10 стр.

нія могущественной силы, властвующей надъ больными и какъ-бы исходящей отъ магнетизера. Это конвульсивное состояніе называется кризисомъ. Замѣчено, что изъ больныхъ, впадающихъ въ кризисъ, большинство женщины, мужчинъ мало. Замѣчено также, что кризисъ наступаетъ въ теченіи одного или двухъ часовъ и что, появившись у одного, онъ затѣмъ постепенно, спустя немного времени, обнаруживается и у всѣхъ остальныхъ».

Тѣхъ, у кого кризисъ принималъ особенно бурное проявленіе, переносили въ особую комнату, полъ которой былъ устланъ мягкими матрацами, а стѣны обиты коврами и подушками. Это былъ такъ-называемый «залъ кризисовъ» (*salle des crises ou l'enfer aux convulsions*). Здѣсь женщинъ разшнуровывали и предоставляли имъ полную свободу биться о мягкую подстилку. Появленіе Месмера, разодѣтаго въ шелковое платье лиловаго цвѣта и жабо *de malines*, производило на бѣснующихся неодинаковое дѣйствіе: одни подъ его взглядомъ успокаивались, другія еще болѣе начинали метаться. Тогда онъ прикасался къ тѣлу паціентокъ длиннымъ, тупымъ, желѣзнымъ или стекляннымъ жезломъ, преимущественно въ больныхъ мѣстахъ. Иногда, оставляя магическій жезлъ, онъ прикасался къ тѣлу паціентокъ руками. Прибѣгая къ пассамъ, Месмеръ садился спиною къ сѣверу, а паціентку сажалъ противъ себя такимъ образомъ, что ихъ ноги и колѣни прикасались. Затѣмъ, смотря больной въ глаза, онъ устанавливалъ большіе пальцы обѣихъ рукъ «подъ ложечкой», не прикасаясь однако ими къ тѣлу и держа ихъ неподвижно. Въ зависимости отъ крѣпости нервовъ паціентки, дѣйствіе магнетическихъ пассовъ и фиксаціи глазъ

обнаруживалось болѣе или менѣе скоро. Одни испытывали теплоту, другія холодъ, третьи болѣзненное ощущеніе... Все это принималось во вниманіе, и пассы соотвѣтственно измѣнялись. Для болѣе интенсивныхъ эффектовъ Месмеръ примѣнялъ такъ-называемое «магнетизированіе большими токами», заключавшееся въ проведеніи руками по всему тѣлу больного отъ головы до ногъ, иногда даже не касаясь поверхности тѣла. Эту операцію онъ повторялъ до тѣхъ поръ, пока магнетизированная не погружалась въ «обморокъ». Кризисы, овладѣвавшіе больными, если они выражались въ подергиваніи всего тѣла или его членовъ, вздрагиванія въ подвздошной и подбрюшной областяхъ, спазмахъ горла и т. п. явленіяхъ, очевидно, не оставляютъ сомнѣнія въ ихъ истерическомъ происхожденіи.

Молодыя женщины, испытавшія блаженное состояніе, вызванное магнетизированіемъ, бѣгали за Месмеромъ, увѣряя его въ своемъ непреодолимомъ къ нему влеченіи.

Можно-ли послѣ этого удивляться, что страсть къ месмеровскому леченію съ каждымъ днемъ распространялась въ парижскомъ, особенно великосвѣтскомъ обществѣ?! Подобно тому, какъ въ настоящее время говорятъ «Я имѣю ложу», отвѣчая на вопросъ объ оперѣ или театрѣ, тогда говорили: «J'ai mon baquet». Въ отелѣ Бюйонъ Месмеръ устроилъ четыре чана, изъ которыхъ одинъ былъ для бѣдныхъ. Съ такою же цѣлью бесплатнаго пользованія неимущихъ паціентовъ имъ было магнетизировано одно дерево въ концѣ улицы де-Буди, тысячами привлекавшее къ себѣ больныхъ, которые держались за привязанныя къ нему веревки или обвязывались ими, — и... многіе получали исцѣленіе.

Мы слишком-бы много потратили времени и мѣста, если-бы вздумали слѣдить за всѣми перипетіями въ дальнѣйшей судьбѣ Месмера, которая къ тому же и не представляетъ особеннаго интереса, тѣмъ болѣе, что не разъ уже была описываема. Для насъ имѣютъ болѣе значенія тѣ основныя положенія, въ которыхъ онъ формулировалъ свою теорію, а также и заключенія о ней современныхъ ученыхъ. Вотъ тѣ двадцать семь «догматовъ», которые были опубликованы Месмеромъ въ 1779 году. Приведемъ ихъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

1) Существуетъ между небесными тѣлами, землей и одушевленными предметами взаимодѣйствіе. 2) Повсюду распространенъ всепроницающій флюидъ, который воспринимаетъ, объединяетъ и распространяетъ всѣ проявленія движенія. 3) Это взаимодѣйствіе подчинено неизвѣстнымъ еще законамъ. 4) Оно выражается въ эффектахъ, подобныхъ приливамъ и отливамъ. 5) Последніе могутъ быть болѣе или менѣе общими и сложными. 6) Въ этомъ универсальномъ процессѣ выражается взаимодѣйствіе между небесными и земными тѣлами. 7) Отъ него зависятъ свойства матерій и организмовъ. 8) Животныя тѣла воспринимаютъ альтернативные эффекты проникающаго въ субстанцію ихъ нервовъ дѣятеля, который ихъ возбуждаетъ. 9) Последний вызываетъ, въ особенности въ человѣкѣ, магнитныя свойства: наблюдается полярность, могущая измѣняться, сокращаться или усиливаться; бываютъ даже отклоненія. 10) Названіе животнаго магнетизма дано вслѣдствіе аналогіи съ магнитомъ. 11) Дѣйствіе и свойства животнаго магнетизма могутъ быть сообщаемы одушевленнымъ и неодушевленнымъ тѣламъ, сообразно съ ихъ воспринимающею способностью. 12) Въ тѣлахъ магнетизмъ можетъ усили-

ваться и измѣняться. 13) Опытъ доказываетъ присутствіе всепроникающей тонкой матеріи, дѣятельность которой замѣтно не ослабляется. 14) Вліяніе ея возможно непосредственно на разстояніи. 15) Она можетъ быть отражаема и усиливается зеркалами. 16) Звукъ сообщаетъ, распространяетъ и усиливаетъ ее. 17) Ее можно скоплять, концентрировать, переносить. 18) Одушевленные тѣла неодинаково способны воспринимать магнетическую силу: въ нихъ возможно присутствіе противоположной способности, могущей парализовать вліяніе животнаго магнетизма. 19) Эта противоположная сила обладаетъ не только отрицательными, но и положительными свойствами: она можетъ быть концентрирована, отражаема, скопляема, усиливается звукомъ и т. д. 20) Животный магнетизмъ и противоположная ему сила вліяютъ на естественный или искусственный магнитъ, дѣйствіе котораго на огонь и иглу не претерпѣваетъ, однако, отъ этого измѣненій, что указываетъ на различіе животнаго и минеральнаго магнетизмовъ. 21) Эта система прольетъ новый лучъ на природу огня и свѣта и на теорію притяженія, приливовъ и отливовъ, магнита и электричества. 22) Цѣлебное дѣйствіе электричества и магнитовъ есть слѣдствіе животнаго магнетизма. 23) Посредствомъ практическихъ правилъ, установленныхъ мною (Месмеромъ), будетъ фактически доказана лечебная способность животнаго магнетизма по отношенію къ нервнымъ болѣзнямъ непосредственно, а къ другимъ посредственно. 24) Онъ долженъ оказать помощь врачамъ, давъ возможность вызывать и управлять благотворнымъ кризисомъ, а также разъяснивъ и усовершенствовавъ дѣйствіе лекарствъ. 25) Съ помощью новой теоріи вещества я постараюсь доказать полез-

ность универсальнаго принципа, который мною противопоставляется современной медицинѣ. 26) Знаніе универсальнаго принципа окажетъ большую пользу медицинѣ, которая вмѣстѣ съ выясненіемъ природы болѣзней получить возможность воспрепятствовать ихъ усиленію, а леченіе освободится отъ сопряженнаго съ нимъ риска для больнаго, — даже для женщинъ беременных и во время родовъ. 27) Эта доктрина, наконецъ, дастъ лучшее діагностическое средство даже по отношенію къ еще неразвившимся болѣзнямъ. Съ помощью ея искусство леченія станетъ на высшую степень совершенства *).

Сравнивая доктрину Месмера съ изложенными въ предыдущей главѣ магнетическими теоріями предшественниковъ послѣдняго, на которыхъ мы нарочно нѣсколько долѣе остановились, читатель можетъ самъ убѣдиться, что Месмеръ не сказалъ ничего новаго. Что же касается практическаго примѣненія теорій своихъ предшественниковъ, то, нужно отдать ему справедливость, онъ съумѣлъ воспользоваться немногими неясными намеками для выработки цѣлой системы пріемовъ, отличающихся высокою степенью совершенства.

Переходя, затѣмъ, къ мнѣніямъ современнаго Месмеру ученаго міра, нельзя не замѣтить, что они до известной степени страдаютъ тѣми же недостатками, въ какихъ упрекали Месмера, а именно: торопливостью заключеній, основанныхъ на недостаточномъ числѣ данныхъ, и предвзятостью идеи, помѣшавшей отнестись къ дѣлу съ должнымъ вниманіемъ. Кромѣ того, въ отношеніяхъ Королевскаго Медицинскаго Общества къ Мессеру можно прямо усмотрѣть недоброжелательство, мотивы котораго

*) См. Фигье, 168—172.

едва-ли не скрывались въ зависти къ успѣхамъ соперника; по крайней мѣрѣ, та безобразная сцена, которая разыгралась, подъ вліяніемъ подстрекательства Возесма, въ собраніи членовъ названнаго общества при появленіи въ немъ Месмера, введеннаго для чтенія доклада Делономъ, профессоромъ медицинскаго факультета, — не допускаетъ иного объясненія. Она, по справедливости, должна составить одну изъ печальнѣйшихъ страницъ въ исторіи науки.

Двѣ комиссіи, назначенныя въ 1784 г. правительствомъ для изслѣдованія явленій животнаго магнетизма, пришли къ тому заключенію, что никакого магнетизма нѣтъ, а всѣ явленія, которыя ему приписываются, составляютъ результатъ «воображенія, подражанія и прикосновенія».

Нужно отдать справедливость, что обѣ эти комиссіи старались держать себя по возможности безпристрастно, хотя, конечно, предвзятость идеи не могла не отразиться на правильности заключеній. Такъ напримѣръ, провѣряя заявленіе Делона о дѣйствіи магнетизированнаго дерева на человѣческой организмъ, — изъ того, что 12-тилѣтній мальчикъ испытывалъ подъ другими, немагнитичными деревьями то же ощущеніе, какъ и подъ намагнетизированнымъ, комиссія заключила, что тутъ все дѣло въ воображеніи. Между тѣмъ въ настоящее время никто не станетъ отрицать, что предвзятая идея или самовнушеніе можетъ производить то же дѣйствіе, что и дѣйствительныя физическія причины, и, однако, реальность ихъ дѣйствія отъ этого не станетъ сколько нибудь сомнительною.

Впрочемъ, изъ числа членовъ комисіи Королевскаго Медицинскаго Общества нашелся одинъ, не побоявшійся

обнародовать свое особое мнѣніе, въ которомъ онъ становится на сторону защитниковъ существованія «флюида животнаго электричества». Это былъ Лоранъ де-Жюссье, который первый намекнулъ на существованіе у нѣкоторыхъ субъектовъ гипногенныхъ участковъ. Въ настоящее время извѣстно, что самое легкое прикосновеніе къ нимъ можетъ вызвать гипнотическій сонъ. Что же касается конвульсивныхъ припадковъ, вызывавшихся Месмеромъ прикосновеніями къ подвздошью то, какъ показалъ Шарко, здѣсь играетъ роль не воображеніе, а совпаденіе этихъ областей съ истерогенными зонами (поясами).

Но и помимо этихъ неправильностей въ заключеніяхъ комиссій, которымъ были еще тогда неизвѣстны многія въ настоящее время установленныя истины, вопросъ о существованіи магнетическаго флюида даже и теперь, какъ мы увидимъ ниже, не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Теорія животнаго магнетизма, какъ осторожно замѣтилъ Жюссье, въ противоположность Байи, утверждавшему, что воображеніе производитъ все, амагнетизмъ ничего,—тогда только можетъ быть признана или отвергнута, если найдутся къ этому солидные доказательства. До сихъ же поръ, на ряду съ убѣжденными ея защитниками, имѣются не менѣе убѣжденные противники, причѣмъ тѣ и другіе имѣютъ свои основанія. Во всякомъ случаѣ, «если-бы, какъ замѣчаетъ одинъ изъ ея противниковъ, профессоръ Форель,—эта теорія оказалась вѣрною, то она, по необходимости, должна была-бы въ значительной степени пошатнуть существовавшія до сихъ поръ научныя воззрѣнія, такъ какъ послѣдовательно проведенное игнорированіе этого неизвѣстнаго нѣчто, этой неизвѣстной силы, неизбежно,

подобно пропущенному слагаемому, должно было-бы отразиться на суммѣ нашихъ познаній» *).

Не успѣлъ еще Месмеръ вернуться въ Германію, какъ наступилъ новый фазисъ въ развитіи нашихъ знаній о животномъ магнетизмѣ. Въ 1785 г. маркизь Арманъ-Жакъ-Маркъ Шастне-де-Пуизегюръ **), открылъ искусственный или вызываемый сомнамбулизмъ. Съ этого времени, говорить Фигье ***), пресловутый месмеровскій чанъ былъ сданъ въ архивъ исторіи. Залъ кризисовъ, это мѣсто ужасныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательныхъ таинствъ, закрылся навсегда, представляясь намъ чѣмъ-то весьма отдаленнымъ, очертанія котораго расплываются въ туманѣ временъ. Забыты были также и всѣ остальные лечебныя средства месмеровской медицины. Простые пассы на разстояніи, взглядъ и воля магнетизера замѣнили примитивную лохань. Вмѣсто жестокихъ кризисовъ, съ ихъ неизбѣжными спутниками, — судорогами, криками, рыданіями, — явился спокойный, возстановляющій силы сонъ. Чувство полного повиновенія магнетизеру, который управляетъ всѣми желаніями, мыслями, страстями, всею душою паціента, заставляя его любить или ненавидѣть, кого вздумается магнетизеру, — сдѣлалось настолько легкимъ, что производило впечатлѣніе даже чего-то чудеснаго, если не притворнаго. Мало того, во время сомнамбулическаго сна паціентъ пріобрѣталъ способность угадывать мысли магнетизера, опредѣлять не только свою болѣзнь, но и

*) A. Forel. Der Hypnotismus, seine Bedeutung und seine Handhabung, рус. пер. д-ра Левинсона, 13.

**) Артиллерійскій офицеръ.

***) Ib. 332.

чужую, словомъ—новое открытіе являлось чѣмъ-то еще болѣе чудеснымъ, чѣмъ даже дѣйствіе лохани Месмера и остальныхъ аксессуаровъ его лечебной практики.

Произошло это, какъ и большинство великихъ открытій, совершенно случайно. Со времени знаменитыхъ курсовъ животнаго магнетизма, открытыхъ Месмеромъ по просьбѣ его друзей, собравшихъ для него, по подпискѣ, десять тысячъ лундоровъ, знакомство съ практическими приемами магнетизированія стало весьма быстро распространяться во Франціи, и не было въ странѣ ни одного значительнаго населеннаго пункта, гдѣ-бы не оказалось одного или нѣсколькихъ послѣдователей месмеровскаго ученія. Въ нѣкоторыхъ городахъ были основаны особые общества, насчитывавшія иногда по нѣскольку десятковъ и болѣе членовъ, занимавшихся магнетизированіемъ. Изъ Франціи магнетическая доктрина перешла въ другія страны, между прочимъ, въ Америку, куда ее завезъ Ла-Файеттъ.

«Въ Доминикѣ,—говоритъ Метцгеръ *),—рабы-негры имѣютъ такую страсть къ «бала» (названіе, данное ими магнетизму), что власти должны были издать относительно этого запретительный законъ».

Во французскомъ обществѣ магнетизмъ болѣе всего былъ распространенъ среди военныхъ, которые предавались этому занятію съ особеннымъ усердіемъ, подчасъ забывая даже прямые свои обязанности. Почти каждый полкъ имѣлъ нѣсколькихъ офицеровъ, занимавшихся магнетизированіемъ и леченіемъ больныхъ. Но изъ этой толпы праздныхъ диллетантовъ никто столько не увле-

*) Metzger. Programme sur le somnambulisme magnetique, прив. у Фигье.

кался магнетизмомъ, никто такъ не отдавался ему всею душою, какъ Монtravelъ и трое братьевъ маркизовъ Пюизегюръ, служившихъ въ разныхъ частяхъ войска на морѣ и на сушѣ. Мы не станемъ рассказывать о дѣятельности этихъ офицеровъ, не ограничивавшихся леченіемъ солдатъ, но пытавшихся примѣнять магнетизированіе и къ прочимъ. Для насъ интересенъ въ данномъ случаѣ старшій изъ Пюизегюръ, имя котораго въ исторіи животнаго магнетизма должно стоять рядомъ съ именемъ Месмера.

Поселившись въ своемъ имѣніи Бюзажи, близъ Суасона, маркизъ де-Пюизегюръ продолжалъ примѣнять свое леченіе и къ крестьянамъ. Нечего и говорить, что онъ руководился побужденіями совершенно безкорыстнаго свойства. Къ нему со всѣхъ сторонъ стекался народъ, который онъ лечилъ пассами, прикосновеніями, взглядомъ и, наконецъ, посредствомъ намагниченнаго, по способу Месмера, вязаго дерева. Последнее значительно облегчало лечебную практику Пюизегюра, изнемогавшаго отъ наплыва паціентовъ. Расположившись вокругъ дерева на каменныхъ скамейкахъ, больные брали въ руки привязанныя къ нему веревки, которыя они обматывали вокругъ подлежащихъ исцѣленію частей тѣла, а изъ рукъ образовали живую цѣпь. Тѣ, которые приходили послѣ образованія этой живой цѣпи, садились на стулья и, хватая концы низкихъ вѣтвей, также воспринимали истеченіе цѣлебнаго флюида. Болѣе всего замѣчательно, что у больныхъ не наблюдалось при этомъ никакихъ конвульсій, которыми сопровождалось исцѣленіе при помощи месмеровской лохани. Кризисъ же здѣсь представлялъ собою «состояніе тихое и спокойное, которое взглядамъ наблюдателей представлялось только

картинною счастья и спокойной работы природы для восстановления здоровья» *).

Спустя нѣсколько дней со времени начала магнетизирования подѣ деревомъ, Пюизегюръ сдѣлалъ открытіе, давшее новое направленіе доктринѣ магнетизма. Одинъ изъ его паціентовъ, двадцати-трехлѣтній крестьянинъ Викторъ, страдавшій въ теченіи четырехъ дней воспаленіемъ легкихъ, погрузился во время магнетизирования въ спокойный сонъ, безъ всякихъ болевыхъ признаковъ и конвульсій. Въ этомъ состояніи больному, который думалъ о своихъ дѣлахъ, удавалось внушать какое угодно настроеніе. Замѣчая дурной оборотъ въ его мысляхъ, Пюизегюръ заставлялъ его воображать себя пляшущимъ на праздникѣ, получившимъ призъ, поющимъ и т. д. Это удавалось превосходно, такъ что больной сильно вспотѣлъ. Послѣ часового кризиса, онъ былъ успокоенъ, ему дали напиться, принесли хлѣба и бульону. Пюизегюръ заставилъ его поужинать послѣ пятидневнаго отказа отъ пищи. Ночью больной спалъ хорошо и на другой день, ничего не помня о вчерашнемъ своемъ состояніи, сообщилъ, что прекрасно себя чувствуетъ. Въ состояніи сомнамбулическаго сна «это уже не глупый крестьянинъ, едва умѣющій составить фразу для отвѣта,—говоритъ Пюизегюръ,—это существо, которое я не умѣю назвать; мнѣ не нужно говорить ему: я думаю при немъ, и онъ меня слышитъ, отвѣчаетъ мнѣ... Я останавливаю его мысли, его фразы на половинѣ слова и совершенно измѣняю его идеи»... Этотъ замѣ-

*) *Memoir pour servir à l'établissement du magnetisme animal*, par M. J. de Chastenet, marquis de Puisegur, p. 89—90, Paris, 3 édit. 1890, привед. у Фигье.

чательный пацієнтъ обладалъ во время сомнамбулическаго сна высшею степенью способности опредѣлять чужія болѣзни, такъ что Пюизегюръ пользовался имъ при леченіи больныхъ. «У меня голова кружится отъ удовольствія, видя, что я произвожу»,—писалъ онъ, когда явленія сомнамбулизма повторялись. Клоке *), какъ очевидно, рассказываетъ, что глаза у пацієнта были закрыты, онъ ничего не слышалъ и просыпался только отъ голоса магнетизера. Въ это время всякое прикосновеніе посторонняго къ больному или даже стулу, на которомъ онъ сидѣлъ, сопровождалось тяжелымъ, непріятнымъ состояніемъ и даже конвульсіями, прекращаемыми только магнетизеромъ. По пробужденіи, которое совершалось при помощи прикосновенія къ больному или приказанія: «ступайте, поцѣлуйте дерево», причемъ онъ во снѣ исполнялъ требованіе магнетизера, мало-по-малу приходя въ себя,—въ пацієнтѣ не сохранялось никакихъ воспоминаній о происходившемъ во время трехъ-четыре-часоваго сна.

Занятый, подобно Месмеру, исключительно терапевтическимъ примѣненіемъ сомнамбулизма, Пюизегюръ дѣлалъ это не только совершенно безкорыстно и самъ даже тратилъ много средствъ на лекарства и питаніе больныхъ, но и безъ всякихъ попытокъ къ рекламированію своей дѣятельности. Во всѣхъ его приѣмахъ видна безусловная честность. «Когда онъ дѣйствовалъ, можно сказать, при полномъ свѣтѣ солнца,—говоритъ Фигье,—всѣ могли наблюдать его манеру и его успѣхи». Тутъ

*) Details des cures opérés à Buzaney, près Soissons, par le magnét. animal, p. 44, ibid.

не было никакого выбора между паціентами, ничего, способного дѣйствовать на воображеніе *).

Но, если Пюизегюръ въ своихъ практическихъ приѣмахъ сильно отличался отъ Месмера, то въ теоретическомъ отношеніи между ними нѣтъ разницы. Оба они принимали существованіе близкаго къ электричеству универсальнаго флюида, которымъ насыщены всѣ тѣла и въ особенности человѣкъ, представляющій собою живую электрическую машину. Посредствомъ воли можно направлять ея токи на другихъ людей, вызывая въ нихъ сомнамбулическое состояніе. Кстати сказать, Пюизегюръ утверждалъ, что Месмеру былъ извѣстенъ сомнамбулизмъ, но онъ не хотѣлъ говорить своимъ ученикамъ объ этомъ открытіи.

Но что отличало Пюизегюра отъ его учителя въ теоретическомъ отношеніи,—это непризнаніе цѣлебной силы магнитовъ и вообще всякаго неживотнаго электричества. чего, какъ мы знаемъ, Месмеръ не утверждалъ, тѣмъ болѣе, что въ первое время даже и самъ примѣнялъ магнитное леченіе.

Два года спустя послѣ открытія Пюизегюромъ сомнамбулизма, Патетенъ, президентъ Ліонскаго медицинскаго общества, наблюдалъ довольно странное, тогда еще неизвѣстное явленіе такъ называемаго перемѣщенія чувствъ въ каталентическомъ состояніи. Однажды его призвали къ одной молодой дамѣ сангвиническаго темперамента и крѣпкаго сложенія. Когда врачъ вошелъ, больная была безъ чувствъ. Пульсъ неощутимый, дыханія никакого, лицо безкровное, тѣло холодное, животъ вспученный. «Физиономія выражала потрясеніе;

*) Ibid. 341.

глазныя яблоки, прикрытыя вѣками, производя полукруговыя движенія изъ одного угла въ другой». Ее считали мертвой, но Патетенъ по послѣднему явленію могъ сдѣлать иное заключеніе. Понемногу она приходила въ чувство. Врачъ приподнялъ одну изъ ея рукъ, и она осталась въ приданномъ ей положеніи. Та же пластичность замѣчалось и въ другихъ членахъ тѣла. Это была каталепсія. Вскорѣ больная начала пѣть, сначала слабо, потомъ немного громче. Втеченіи полуторачасоваго промежутка времени, пока продолжалось это пѣніе, больная была совершенно нечувствительна къ шуму, уколамъ и всѣмъ усиліямъ, которыми ея родители старались заставить ее ихъ услышать.

Патетенъ, кресло котораго случайно наклонилось такъ, что слова его: «жаль, что я не могу помѣшать этой женщинѣ пѣть» — пришлись какъ-разъ противъ ея живота, — былъ удивленъ неожиданнымъ отвѣтомъ:

— Э, господинъ докторъ, не сердитесь, я больше не буду пѣть.

Между тѣмъ, если ей говорили на ухо, она ничего не слышала. Но черезъ нѣкоторое время ея способность слышать черезъ животъ перешла на концы пальцевъ *).

Патетенъ объяснялъ это странное явленіе сосредоточеніемъ животной электрической жидкости въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла. Врядъ-ли нужно прибавлять, что на самомъ дѣлѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ перемѣщеніи чувствъ. Вся суть этого явленія, поводимому, сводится къ передачѣ черезъ тѣло во внутреннее ухо (въ данномъ примѣрѣ) вибрацій, воспринятыхъ неанестезированною частью тѣла.

*) Фигье, 363—364.

Съ тѣхъ поръ магнетизеры долгое время только и занимались опытами надъ транзпозиціей чувствъ. Въ исторіи магнетизма наступило нѣкоторое затишье; по крайней мѣрѣ, втеченіи тридцати слишкомъ лѣтъ нельзя отмѣтить ничего новаго, за исключеніемъ теоріи индійско-португальскаго аббата Фаріа.

Вернувшись около 1813 г. *) изъ Индіи, Фаріа началъ проповѣдывать въ очень туманной, мистической формѣ, что сомнамбулизмъ зависитъ не отъ магнетизера, а отъ самого субъекта. Приказавъ послѣднему закрыть глаза, Фаріа громкимъ властнымъ голосомъ произносилъ: «Усните», — и часто этого было достаточно, чтобы послѣ легкаго содроганія пациентъ впадалъ въ состояніе, названное Фаріа ясновидящимъ сномъ. «Для усыпленія, — говорилъ онъ, — вовсе не обязательно желаніе магнетизера; напротивъ, сонъ можетъ возникнуть даже вопреки желанію послѣдняго».

Противъ Фаріа французское общество было предубѣждено. «Его заклеили именемъ шарлатана, — говоритъ Муазе, — и этимъ все было сказано». Но это несправедливо. «Весь Парижъ могъ видѣть его опыты... Часто стыдъ имѣть что-либо общее съ человѣкомъ, прозваннымъ шарлатаномъ, заставляло отрицать истину... Однажды, наконецъ, случилось, что, дѣйствительно, одинъ актеръ подражалъ сомнамбулу и обманулъ Фаріа. Съ этого момента еще сильнѣе стали кричать о шарлатанствѣ, какъ будто шарлатанъ сталъ-бы подвергаться подобнымъ ошибкамъ и позволилъ уличить себя такимъ образомъ незнакомому человѣку... Я не защитникъ Фаріа, потому что я вовсе его не знаю, но

*) По другимъ даннымъ въ 1815 г.

миѣ известно, что онъ производилъ тѣ явленія, которыя передалъ» *).

VI. Позитивное направленіе. — Гипнотизмъ по теоріи Брэда. — Изученіе гипнотическихъ явленій въ Сальпетріерѣ. — Шарко и его школа. — Характеристика трехъ фазъ большого гипноза. — Нансійская школа. — Теорія внушенія. — Сопоставленіе взглядовъ обѣихъ школъ.

Періодъ революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ представляетъ собою эпоху, когда, какъ мы уже замѣтили, въ исторіи магнетизма настало затишье. Въ Европѣ происходили великія событія, всецѣло поглощавшія вниманіе общества и не оставлявшія мѣста для занятій умственной жизнью. Только послѣ реставраціи и возстановленія всеобщаго мира снова возбуждается интересъ къ явленіямъ животнаго магнетизма и сомнамбулизма. Но радикальные перевороты въ общественномъ строѣ государствъ и, въ особенности, Франціи послѣ революціи не могли не отразиться на общемъ направленіи идей. Господствовавшій до 1789 г. интересъ къ чудесному сильно ослабѣлъ, хотя и ненадолго, проявляясь лишь въ извѣстномъ, и то несравненно болѣе узкомъ, кругу общества. Последнее начало смотрѣть на вещи трезвѣе и прѣстирало свой скептицизмъ даже до отрицанія фактовъ безъ ихъ изслѣдованія. Такихъ несомнѣнно крупныхъ личностей, какъ, напримѣръ, вышеупомянутый аббатъ Фаріа, клеймили названіями шарлатановъ и обманщиковъ. Чтоже касается представителей официаль-

*) Приведено у Бернгейма.

наго научнаго міра, академій и разныхъ ученыхъ обществъ, то отношеніе ихъ къ явленіямъ животнаго магнетизма, повидимому, стало улучшаться; по крайней мѣрѣ, не замѣчалось уже той открытой до неприличія враждебности, какое имѣло мѣсто въ Королевскомъ Медицинскомъ Обществѣ по отношенію къ Месмеру. Устанавливались публичные курсы о животномъ магнетизмѣ. Въ числѣ ихъ нельзя не отмѣтить ученія послѣдователя флюидической теоріи Александра Бертрана, который вскорѣ сталъ, однако, раздѣлять мнѣніе ученика аббата Фариа, генерала Нуазе. За то послѣдній, совративъ Бертрана, въ концѣ-концовъ самъ сдѣлался флюидистомъ.

Въ 1820 г. въ Hôtel-Dieu, управлявшемся Дюпоше, при участіи Юссона (Husson), и въ Сальпетриерѣ, при содѣйствіи Ростана и Жорже, былъ сдѣланъ цѣлый рядъ опытовъ надъ истеричными больными. Тутъ произошло между прочимъ одно довольно курьезное *qui proquo*, послужившее основаніемъ для заключеній о введеніи экспериментаторовъ своими больными въ обманъ. Дѣло въ томъ, что одна изъ сомнамбулъ, знаменитая Петрониль, надъ которою экспериментировалъ Жорже, заявила, что она все время надувала врачей. Но изъ сопоставленія полученныхъ тогда наблюденій съ извѣстными въ настоящее время фактами становится очевиднымъ, что Петрониль лгала. Тотъ, кому, какъ справедливо замѣчаетъ Рише, приходилось имѣть дѣло съ истеричными хвастуньями, отлично знаетъ, что подобныя заявленія вообще весьма обыкновенны среди этого рода больныхъ; стало быть, придавая значеніе подобнымъ увѣреніямъ, легко заслужить «упрекъ въ легковѣріи, въ которомъ обвиняется противникъ».

Прежде чѣмъ говорить объ отношеніи къ явленіямъ сомнамбулизма въ академіяхъ, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о такъ называемомъ «магическомъ зеркалѣ», изобрѣтенномъ самымъ знаменитымъ въ то время представителемъ магнетической науки, Дюпоше. Начертивъ на паркетѣ углемъ кругъ и затупивъ его, экспериментаторъ отходитъ въ сторону. Субъектъ приближается къ этому черному кругу, «ислѣдуетъ его очертанія, такъ какъ онъ очерченъ неведѣ одинаково, поднимаетъ голову, окидываетъ взглядомъ окружающихъ, потомъ опускаетъ глаза на полъ, къ ногамъ. Съ этого мгновенія начинаетъ сказываться эффектъ: онъ опускаетъ голову все ниже, обнаруживаетъ тревогу, двигается около круга, не теряя его ни на мгновеніе изъ виду, наклоняется еще болѣе впередъ, поднимается, отступаетъ на нѣсколько шаговъ, опять приближается, хмуритъ брови, становится мрачнымъ и тяжело дышетъ. Тогда мы видимъ нѣчто въ высшей степени любопытное и странное. Онъ видитъ,—въ этомъ невозможно сомнѣваться,—предметы, обрисовывающіеся въ зеркалѣ; его безпокойство, его движенія, которыя трудно воспроизвести, его рыданія, слезы, гнѣвъ, его отчаяніе и ярость,—все это указываетъ на тревожное, потрясенное состояніе его души. Это—не сонъ, не кошмаръ. Видѣнія вполнѣ реальны; передъ нимъ проходитъ рядъ событій, изображаемыхъ образами и знаками, смыслъ которыхъ онъ улавливаетъ и которые онъ созерцаетъ—то исполненный радости, то впадая въ глубокое отчаяніе по мѣрѣ того, какъ картины грядущаго проносятся передъ его взоромъ. Иногда онъ приходитъ въ бѣшенство, хочетъ схватить явившуюся передъ нимъ фигуру, устремляетъ на нее

простный взглядъ, наконецъ бросается и ударяетъ ногой въ покрытый углемъ кругъ. Поднимается пыль,— и экспериментаторъ приближается, чтобы положить конецъ этой страшной, богатой душевными потрясеніями драмѣ» *).

Съ этимъ можно сопоставить опыты, производившіеся алжирцемъ Ахмедомъ въ Каирѣ въ присутствіи Лабарда и лорда Прэдоэ. Здѣсь вмѣсто круга заставляли одного мальчика-египтянина фиксировать налитыя ему на ладонь чернила, въ которыхъ онъ видѣлъ разныя удивительныя вещи **). Лабордъ производилъ эти опыты и надъ собою. Позже тѣ же явленія были получены Жиго-Сюаромъ ***), который чертилъ на квадратной доскѣ кругъ діаметромъ въ 10 сантиметровъ и зачерчивалъ его. Затѣмъ, онъ приглашалъ m-me X. пристально смотрѣть на черный кругъ, подобно тому, какъ «за нѣсколько дней передъ тѣмъ она смотрѣла на свѣчу и этимъ привела себя въ гипнотическое состояніе. По прошествіи одной минуты, она была загипнотизирована и находилась въ сомнамбулическомъ состояніи».

Въ 1825 г. Фуасонъ обратился къ Медицинской Академіи съ предложеніемъ рассмотреть явленія сомнамбулизма. Прошло безъ малаго шесть лѣтъ прежде, чѣмъ коммисія, назначенная для изслѣдованія вопроса, успѣла сдѣлать свои заключенія. Въ іюнѣ 1831 г.

*) Цитировано по Симону.

**) Leon de Laborde. Commentaire sur l'Exode. Paris. 1841.

***) Gigot-Suard. Les mystères du magnetisme animal et de la magie dévoilé ou la verite démontré par l'hypnotisme. Paris. 1860.

Юссонъ (Husson) представилъ докладъ. Не находя возможнымъ приводить здѣсь цѣликомъ этотъ важный документъ, который Академія не сочла однако возможнымъ напечатать, мы постараемся дать о немъ нѣкоторое понятіе, сдѣлавъ изъ него краткое извлеченіе.

Извѣстныя дѣйствія, называемыя пассами, употребляются для установленія сообщенія между магнетизируемымъ и магнетизеромъ. Эффектъ наступаетъ втеченіи отъ одной минуты до получаса. Для вторичныхъ усыпленій пассы и соприкосновенія необязательны, достаточно бываетъ одного взгляда или воли магнетизера. Усыпленіе сопровождается значительными измѣненіями въ перцепціяхъ и способностяхъ субъектовъ. Спящіе большею частью ничего не слышатъ кромѣ голоса магнетизера, а если и разговариваютъ съ окружающими, то все-таки не слышатъ многихъ постороннихъ звуковъ (напримѣръ, удара въ мѣдную посуду). Глаза бываютъ закрыты, и глазное яблоко обращено вверхъ или внизъ орбиты. Иногда обоняніе отсутствуетъ: соляная кислота, амміакъ не оказываютъ никакого дѣйствія. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, обоняніе обостряется. Чувствительность большею частью теряется: можно колоть, щипать, рѣзать, щекотать, вгонять булавки подъ ногти, и пациенты не замѣчаютъ этого. Одна изъ сомнамбулъ была даже подвергнута очень мучительной хирургической операціи, ничѣмъ не обнаруживъ страданій. Для погруженія въ сомнамбулическій сонъ нужно восемь—девять сеансовъ, при первыхъ же это состояніе коммисія не наблюдала. По пробужденіи субъекты ничего не помнятъ о совершавшемся во время сна. Въ отношеніи предвидѣнія нѣ-

которыхъ скрытыхъ актовъ организма многіе сомнамбулы проявляютъ замѣчательную способность. Въ числѣ наблюдавшихся комисіею сомнамбулъ только одна угадала симптомы болѣзни у трехъ лицъ. Сонъ не оказываетъ на нѣкоторыхъ никакого дѣйствія, другимъ приноситъ значительное облегченіе; бывають случаи возврата страданій съ большею силою; эпилептическіе припадки у однихъ прерываются на нѣсколько мѣсяцевъ, у другихъ прекращаются совершенно. Какъ терапевтическое средство, магнетизмъ долженъ занять мѣсто въ ряду другихъ медицинскихъ познаній.

Таковы въ общихъ чертахъ заключенія комисіи. Какъ мы уже сказали, Академія относилась къ докладу недовѣрчиво и воздержалась высказать свое мнѣніе по поводу вопроса о животномъ магнетизмѣ. Только въ 1837 г. послѣ случая съ Уде (Oudet), которому удалось безъ всякой боли вырвать у одной замagnetизированной зубъ, возникли сильныя пренія, и Академія рѣшила, по побужденію одного молодого магнетизера Берна, назначить новую комисію. Докладчикомъ ея былъ Дюбуа. Но на этотъ разъ заключенія комисіи, основанныя исключительно на отрицательныхъ опытахъ, оказались совершенно неблагопріятными для доктрины животнаго магнетизма. Несмотря на протесты Юссона, на этотъ разъ Академія громаднымъ большинствомъ голосовъ признала заключенія докладчика. Мало того, одинъ изъ ея членовъ, Бурденъ, назначилъ отъ себя премію въ три тысячи франковъ тому, кто прочтетъ, не глядя, въ темнотѣ написанное на бумагѣ, находящейся на нѣкоторомъ разстояніи отъ глазъ. Академія согласилась на это предложеніе, сдѣлавъ, такимъ образомъ, вызовъ магнетизерамъ.

Но ненужно быть особенно проникательнымъ, чтобы видѣть необдуманность и ненаучность заключенія Академіи, которая, какъ справедливо замѣчаютъ Бине и Фере, требовала своего рода чуда для доказательства существованія сомнамбулизма. Между тѣмъ, очень хорошо извѣстно, что для того, чтобы быть сомнамбуломъ, вовсе нѣтъ надобности въ умѣніи читать безъ помощи глазъ,—если-бы такая способность и была въ комъ-нибудь доказана, то это-бы нисколько не прибавило достовѣрности сомнамбулизму, а только-бы увеличило кругъ наблюдаемыхъ при немъ явленій.

Какъ-бы то ни было, но въ теченіи трехъ лѣтъ,—срока, назначеннаго для полученія приза Бурдена,—никто его не могъ получить, и Академія торжествовала свою мнимую побѣду надъ животнымъ магнетизмомъ. По предложенію Дубля, она даже рѣшила впредь не обращать вниманія на заявленія магнетизеровъ, относясь къ магнетизму какъ къ «квадратурѣ круга» или «вѣчному движенію». Но въ то время, какъ Академія, дорожившая своимъ спокойствіемъ, произнесла столь безповоротный приговоръ надъ магнетизмомъ, извѣстный манчестерскій хирургъ, докторъ Джемсъ Брэдъ, сдѣлавъ открытіе, ставившее этотъ вопросъ на вполне научную почву.

Относясь, подобно многимъ своимъ товарищамъ по профессіи, вполне скептически къ явленіямъ, производимымъ магнетизерами, этотъ врачъ желалъ, однако, доискаться, какими средствами достигается полученіе столь искусныхъ «фокусовъ». Въ ноябрѣ 1841 г., присутствуя на опытахъ швейцарскаго магнетизера Лафонтена, Брэдъ принужденъ былъ согласиться, что столь, повидимому, странныя явленія вполне реальны.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы и объясненіе ихъ, которое предлагалъ Лафонтенъ, было вѣрно. Отвергнувъ флюидическую теорію, Бредъ допустилъ, что видѣнныя имъ явленія представляютъ результатъ исключительно субъективнаго состоянія.

Первое, на что онъ обратилъ вниманіе, это невозможность для паціента открыть свои вѣки. Этотъ параличъ круговыхъ мышцъ, вслѣдствіе измѣненія состоянія нервной системы, какъ первый симптомъ гипноза, былъ объясняемъ Бредомъ усталостью нервныхъ центровъ, вызываемой фиксаціею зрѣнія. Какое-бы онъ, впрочемъ, ни давалъ объясненіе этому явленію, важно, что ему первому пришло въ голову обратить на него вниманіе. Первые свои опыты Бредъ производилъ въ кругу своей семьи и близкихъ знакомыхъ. Предоставимъ ему самому рассказать объ этомъ.

«Я попросилъ,—говоритъ онъ *),—Валькера (своего друга) сѣсть и пристально глядѣть на горлышко бутылки съ виномъ, поставленной выше его, для произведенія большей усталости глазъ и вѣкъ во время разсматриванія. По прошествіи трехъ минутъ, вѣки Валькера закрылись, потокъ слезъ оросилъ его щеки, голова склонилась, лицевые мускулы сократились, изъ груди вырвался стонъ, и въ мигъ онъ впалъ въ глубокій гипнозъ...» При этомъ присутствовала жена Бреда. «Я предложилъ ей,—продолжаетъ онъ ниже,—самой подвергнуться этимъ опытамъ, и она очень охотно согласилась... Я усадилъ ее и попросилъ фиксировать взоръ на орнаментъ фарфоровой сахарницы, которая находилась

*) Braid. Neurohypnologie. Trd. de l'angl. par J. Simon. Paris. 1883, P. 24.

приблизительно подъ тѣмъ же угломъ, что и бутылка въ предыдущемъ опытѣ. Въ двѣ минуты выраженіе лица измѣнилось; послѣ же двухъ съ половиною минутъ вѣки конвульсивно закрылись; ротъ перекосился, пациентка издавала глубокіе вздохи, ея грудь вздымалась, и она откинулась назадъ; очевидно, съ ней произошелъ истерическій припадокъ. На этомъ я разбудилъ ее...»

Такимъ образомъ Брэдъ указалъ способъ, при помощи котораго всякій могъ вызвать явленіе, носившее до сихъ поръ названіе животнаго магнетизма или сомнамбулизма. Брэдъ назвалъ его «гипнотизмомъ». Эти три названія, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить бредизмъ и месмеризмъ *), разными учеными употребляются для выраженія одного и того же понятія, но, какъ увидимъ ниже, нѣкоторые придаютъ слову «сомнамбулизмъ» еще особое, специальное значеніе.

Для вызванія гипноза нужно было, по Бреду, сосредоточить взглядъ на одной точкѣ необязательно блестящей, хотя это условіе, повидимому, облегчаетъ достиженіе результата, вліяніе же экспериментатора было имъ совершенно отвергнуто. Слѣдующее цѣнное наблюденіе, сдѣланное Бредомъ, касается зависимости эффектовъ отъ придаваемыхъ находящемуся въ гипнотическомъ снѣ позъ. Сжавъ, напримѣръ, субъекту руку въ кулакъ, въ немъ вызывали гнѣвное выраженіе лица, сопровождавшееся движеніями, въ которыхъ нетрудно угадать боксированіе съ воображаемымъ противникомъ. Такимъ же образомъ, сообщивъ гипнотику соотвѣтственное положеніе,

*) О сомніаціи, электробіологій, фисцинаціи, переномъ снѣ, нейрипнологіи, ясновидящемъ снѣ и др. мало употребительныхъ терминахъ врядъ-ли стоитъ упоминать.

это можно заставить плавать, куда-нибудь карабкаться и т. д. Вообще Брэдъ сдѣлалъ немало наблюдений, получившихъ въ послѣдствіи подтвержденіе. Въ числѣ ихъ нельзя не обратить вниманіе на повышеніе у нѣкоторыхъ субъектовъ остроты чувствъ, гиперэстезію, чѣмъ онъ находилъ возможнымъ объяснять многія чудесныя дѣйствія магнетизеровъ. Отъ него не ускользнуло также, что и само усыпленіе можетъ имѣть разныя степени—отъ легкой грезы до глубокаго сна. Во время гипноза ему приходилось производить словесное внушеніе, вызывавшее разныя душевныя эмоціи, параличъ, иллюзіи, галлюцинаціи и т. п. Онъ же первый обратилъ вниманіе на возможность внушенія въ состояніи бодрствованія. Наконецъ, имъ было замѣчено, что для пробужденія пациента часто достаточно только дунуть ему въ лицо.

Но всѣ эти цѣнныя наблюденія находились почти въ хаотическомъ безпорядкѣ. Указывая на всевозможныя проявленія гипноза, отъ анестезіи, гиперэстезіи, паралича, контрактуры и т. п. и кончая раздвоеніемъ личности, одностороннимъ гипнозомъ и другими явленіями, Брэдъ не показалъ намъ ни условій, въ которыхъ наблюдается тотъ или иной симптомъ, ни тѣхъ гипнотическихъ состояній, какимъ отвѣчаетъ извѣстное явленіе. Этою, какъ увидимъ ниже, классификаціею состояній занялась школа Сальпетриеръ, которая показала неодинаковость способности реагированія, соотвѣтствующей разнымъ степенямъ гипнотическаго сна.

Въ вину Брэду нѣкоторые ставятъ его френо-гипнотическую теорію, согласно которой загипнотизированному можно внушать извѣстную идею въ зависимости отъ давленія на опредѣленную часть черепа; напримѣръ, надавливая, положимъ, органъ «промышленности», застав-

ляютъ гипнотика украсть что-нибудь. Но нельзя не возразить, что въ этихъ опытахъ, наряду съ бессознательнымъ внушеніемъ, выражающимся въ нѣкоторыхъ невольныхъ жестахъ, тонѣ голоса и т. п. и мысленномъ внушеніи, давленіе на черепъ, дѣйствительно, можетъ вызывать самые разнообразные эффекты въ сферѣ чувствъ и движеній, только, конечно, отъ этого еще очень далеко до выводовъ о какой-либо локализациі разныхъ «промышленныхъ», «пріобрѣтательныхъ» и т. п. чувствъ.

Что касается заслугъ Брэда въ отношеніи терапевтическаго примѣненія гипнотизма, то и съ этой стороны его наблюденія надъ нервными головными болями, замедленіями біенія и невралгіей сердца, сердцебіеніями, конвульсіями, параличемъ, нѣкоторыми глазными болѣзнями, ревматизмомъ, кожными болѣзнями и т. п. — имѣютъ значеніе въ смыслѣ введенія методичности въ гипнотическое леченіе.

Но главною все-таки заслугой Брэда является открытіе общедоступнаго способа вызванія гипноза и настойчивая пропаганда своего ученія, несмотря на формальный отказъ медицинской секціи Британской Ассоціаціи.

Тѣмъ не менѣе, не взирая на многочисленные экспериментальные сеансы, предпринятые Бредомъ въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Лондонѣ, отношеніе общества къ гипнотизму продолжало оставаться холоднымъ. Многіе даже не знали о существованіи Брэда, смѣшивая его съ разными странствующими, профессиональными магнетизерами, медиумами, спиритами и т. п. господами, на которыхъ общество смотрѣло скорѣе какъ на фокусниковъ, чѣмъ на представителей науки. Въ это время господствовало увлеченіе вертящимися столами, левитаціею людей и пред-

метовъ и другими спиритическими явленіями *). Тогда, какъ извѣстно, подвизался и знаменитый медиумъ Юмъ (Home).

Такимъ образомъ опыты Брэда, «потонувъ,—по выраженію одного писателя, — въ химерической нелѣпности чудеснаго», были почти незамѣчены современниками и соотечественниками основателя ученія о гипнотизмѣ. Во Франціи, несмотря на извѣстный фельетонъ Менье въ «Presse» и изложенія работы Брэда, сдѣланныя Литтре, Беро, Робеномъ и другими, брэдовскою теоріею гипнотизма интересовались еще менѣе Англіи, гдѣ Брэда все-таки поддерживали Карпентеръ, Дюгальдъ Стюартъ, Веннетъ и др. выдающіеся ученые. Оффиціальная французская медицина, давшая себѣ зарокъ оставаться глухою ко всякаго рода попыткамъ поднять непріятный и безповоротно рѣшенный вопросъ о животномъ магнетизмѣ, ничего не знала о новой его постановкѣ. Зато въ Америкѣ, совершенно независимо отъ Брэда, была выработана особая, близкая къ ученію послѣдняго теорія электро-біологіи, основателемъ которой является нѣкій Гриммъ. Онъ доказывалъ, что большая часть гипнотическихъ явленій можетъ быть названа простымъ словеснымъ внушеніемъ. Отсюда это ученіе проникло въ Англію, гдѣ оно способствовало увеличенію интереса къ изученію гипнотизма.

Наконецъ, въ 1859 г. вопросъ о бредизмѣ былъ снова возбужденъ во Франціи бордосскимъ хирургомъ

*) Данные для сужденія объ этихъ явленіяхъ читатель найдетъ въ моихъ очеркахъ «Вѣрить или не вѣрить?» печатаемыхъ въ журналѣ «Природа и Люди».

Азамомъ, который случайно встрѣтился съ одною простою дѣвушкою, считавшеюся помѣшанною. Она представляла рѣдкія явленія естественнаго или самороднаго сомнамбулизма, каталепсін, анэстезіи и гиперэстезіи. Азамъ былъ пораженъ сходствомъ этихъ самопроизвольныхъ явленій съ симптомами знакомаго ему искусственнаго сомнамбулизма. Когда же ему указали на опыты Бреда, изложенные въ «Энциклопедіи» Тодда, то онъ рѣшилъ, не безъ нѣкотораго, впрочемъ, сомнѣнія, повторить ихъ самому. Дѣйствительно, съ перваго же раза больная была усыплена, съ явными признаками анэстезіи и каталепсін, послѣ чего наступила высшая степень гиперэстезіи, сопровождаемая разными интеллектуальными симптомами. Съ другою молодою паціенткою Азамъ повторилъ большую часть опытовъ Бреда. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которые касались гиперестезіи чувствъ. Такъ, напримѣръ, m-lle X. подавалась впередъ, жалуясь на сильную теплоту, испытываемую ею, когда безъ ея вѣдома за ея спиною помѣщалась рука экспериментатора на разстояніи 40 сант. Внушенія посредствомъ мышечнаго чувства также очень хорошо удавались. Достаточно было въ періодъ каталепсін приподнять голову паціентки, и у нея возникали горделивыя идеи; сложивъ руки, какъ у молящейся и оставивъ ее нѣкоторое время въ этомъ положеніи, вызвали молитвенное настроеніе, возбуждали идеи о присутствіи на религіозной церемоніи; склоненная голова и сложенные извѣстнымъ образомъ руки производили идеи смиренія, раскаянія...

Но, какъ хирургъ, Азамъ обратилъ главное свое вниманіе на общую анэстезію, пользуясь которою, онъ вмѣстѣ съ Брока предполагалъ возможнымъ произво-

дять безболѣзненные хирургическія операціи. И дѣйствительно, въ 1859 г. Фолленъ и Брока произвели вскрытіе абсцесса у одной загипнотизированной женщины, о чемъ Вельпо, считавшій это «новымъ открытіемъ», съ удовольствіемъ сообщилъ Академіи Наукъ, которая и не подозрѣвала, что имѣетъ дѣло съ переименованнымъ животнымъ магнетизмомъ. Нѣсколько дней спустя, Гверино изъ Пуатье произвелъ при помощи того же гипнотизма ампутацію бедра. Словомъ, это было возрожденіемъ увлеченія, возникшаго еще въ 1829, послѣ удачной ампутаціи грудной желѣзы, сдѣланной Клоке. Но этому увлеченію не суждено было пережить и года.

Въ 1860 г. гипнотизмъ, какъ средство анестезіи при хирургическихъ операціяхъ, былъ признанъ неудовлетворительнымъ, отчасти благодаря неумѣнію въ то время вызывать анестезію внушеніемъ, а также и въ виду невозможности примѣненія гипноза ко всякому субъекту, въ особенности, когда нѣтъ времени на повтореніе гипнотизацій.

Но съ этого времени вопросъ о дѣйствительности гипноза уже не подвергался сомнѣніямъ, такъ какъ не только главные симптомы, но и средства его вызванія стали извѣстны. Занятіе гипнотизмомъ перестало быть компрометирующимъ для врача, результатомъ чего было появленіе цѣлаго ряда работъ вышеупомянутаго Жиго-Сюара, Демарке и Жиро-Телона, Дюрана-де-Гро (или Филиппа) и Льебо. Всѣ эти авторы были послѣдователями брэдовской теоріи, низводя вліяніе магнетизера къ нулю. Демарке и Жиро-Телонъ *) изготовили особый приборъ, при помощи ко-

*) *Recherches sur l'hypnotisme. Gaz. médic. de Paris 1859 et 1860.*

тора надѣялись доказать, что взглядъ экспериментатора представляетъ собою своего рода блестящую точку, фиксируемую глазами усыпляемаго. Этотъ приборъ состоялъ изъ отполированного стального шарика на стержнѣ, прикрѣпленномъ къ обручу. Надѣвъ послѣдній на голову субъекта такимъ образомъ, что шарикъ какъ разъ приходился противъ его глазъ, экспериментаторы достигали погруженія пациента въ гипнозъ. Жиго-Сюаръ, какъ уже было сказано выше, повторивъ опыты Дюпота, доказалъ, что блескъ фиксируемаго предмета необязателенъ. Онъ достигалъ, напримѣръ, гипноза, предлагая пациенту фиксировать зрѣніемъ собственный носъ, послѣ чего надѣвалъ ему на глаза повязку, и сонъ наступалъ почти мгновенно.

Среди работъ послѣдователей Брэда небольшое сочиненіе Демарке и Жиро-Телона представляется, по мнѣнію Бине и Фере, едва ли не самымъ выдающимся, если не считать труда Льебо. Эти экспериментаторы указывали, между прочимъ, на существованіе связи между предрасположеніемъ къ истеріи и легкостью производства гипнотическихъ эффектовъ. При этомъ на одной больной было ими замѣчено, что гипнотизація могла быть достигнута у нея только въ началѣ истерическаго припадка. Изъ этого упомянутые ученые вывели заключеніе, что гипнозъ представляетъ не фізіологическое, а патологическое нервное состояніе. Такимъ образомъ они являются, какъ мы увидимъ ниже, предтечами школы Шарко.

Относительно работы Дюрана-де-Гро *), кстати ска-

*) Durand de Gros. Cours théorique et pratique du braïdisme.

зять, нѣсколько приближающейся къ воззрѣніямъ Льебо мы стараемся быть возможно краткими, но обойти ее молчаніемъ не приходится въ виду значительнаго ея вліянія на взгляды послѣдующихъ изслѣдователей гипнотизма. Что же касается современныхъ ему медиковъ, а, тѣмъ болѣе, общества, то отвлеченность воззрѣній этого ученаго была причиною несправедливо холоднаго къ нему отношенія.

Согласно ученію Филипса, гипнозъ сѣуживаетъ происходящее во время процесса мышленія распредѣленіе нервной силы въ нервахъ, подчиняя его одностороннему возбужденію простаго и непрерывнаго чувства *). При этомъ нервная сила вмѣсто того, чтобы расходоваться, какъ это бываетъ въ обыкновенныхъ условіяхъ, накапливается въ мозгу, образуя, такимъ образомъ, родъ нервнаго прилива, названнаго имъ гипотаксическимъ состояніемъ. Раздражая слухъ, зрѣніе и общее мышечное чувство, можно возбудить къ дѣятельности соотвѣтственный участокъ мозга, сосредоточивъ въ немъ всю накопленную нервную силу. Точно такимъ же свойствомъ возбужденія дѣятельности опредѣленнаго участка головного мозга обладаетъ и умственное впечатлѣніе или внушенная идея, которая производитъ самые разнообразныя эффекты: это было названо Дюраномъ-де-Гро идеопластіей **). Такимъ образомъ, для того, чтобы вызвать анестезію, достаточно прекратить работу мысли, или, вѣрнѣе, низвести ее до минимума подвергая продолжительному дѣйствію простаго, однороднаго ощущенія; для возбужденія же гиперестезіи

*) Ib. p. 33.

**) Ib. 45.

необходимо, послѣ достиженія гипотаксическаго состоянія, сосредоточеніе внѣшняго раздраженія на какой-либо части мозга, дѣятельность которой при этомъ, благодаря напряженію нервной силы, усилится, перейдя отъ полного покоя до высшей степени мѣстной иннерваціи, обращающей нечувствительность въ гиперестезію, расслабленіе мышечной системы — въ катаlepsію и т. д. Что же касается внушенной идеи, играющей роль того же внѣшняго раздражителя, который воспроизводитъ раньше испытанныя ощущенія отъ органическихъ возбужденій, то производимыя ею функціональныя измѣненія имѣютъ исключительно меморативный характеръ.

Изъ этого, по возможности, краткаго изложенія теоріи Филиппа читатель видитъ, что имъ была сдѣлана попытка истолкованія психо-физиологическаго механизма гипноза, о чемъ Брэдъ вовсе не позаботился.

Прежде чѣмъ, наконецъ, перейти къ работѣ Льебо, было-бы несправедливо умолчать о взглядахъ Шарпиньона. Этотъ врачъ еще въ 1840 г. представилъ въ Медицинскую Академію мемуаръ, который удостоился почетнаго ея отзыва *). По мнѣнію Шарпиньона, помимо моральнаго вліянія, существуетъ еще и магнетическое, которое представляетъ собою дѣйствіе особой жидкости, подобной свѣтовой, тепловой или электрической. Оно передается изъ одного организма въ другой концами периферическихъ нервовъ, служа для нѣкоторыхъ субъектовъ средствомъ измѣненія жизненныхъ и нервныхъ отпавленій.

*) Онъ былъ напечатанъ въ 1864 г. подъ заглавіемъ: *Etudes sur medecine animique et vitaliste.*

Въ 1866 г. Льебо опубликовалъ свою многолѣтнюю работу *), въ которой онъ старается явленія гипнотизма, разсматриваемаго имъ, какъ результатъ внушенія, толковать съ точки зрѣнія психо-физиологiи. По мнѣнiю этого добросовѣстнаго наблюдателя, сосредоточенiе мысли о снѣ, облегчаемое фиксированiемъ взгляда, служить къ изолированiю чувствъ отъ внѣшняго міра, приостановкѣ мысли и постоянству явленiй сознанiя, что еще болѣе усиливается неподвижностью тѣла. Катаlepsія является слѣдствiемъ приостановки мысли, которая не можетъ сама по себѣ измѣниться, словно застынувъ въ томъ состоянiи, какое ей было внушено усыпавшимъ. Субъектъ остается съ одной преобладающей идеей и общенiи съ лицомъ, погружившимъ его въ сонъ, никого другаго не понимая. Сонъ, какъ обыкновенный, такъ равно и гипнотическій, является слѣдствiемъ сосредоточенiя вниманiя на идеѣ о снѣ **). Разница между обоими родами сна выражается въ томъ, что при обыкновенномъ снѣ, при бездѣятельномъ сознанiи, спящій ни съ кѣмъ не находится въ общенiи.

Внѣшнія впечатлѣнiя вызываютъ памятные образы, составляющіе сновидѣнiя, которыя являются, такимъ образомъ, результатомъ самаго внушенiя. Загипнотизированный же погружается въ сонъ при той же неподвижности идей, но въ общенiи съ лицомъ, его усы-

*) Liébeault. Le sommeil et les états analogues, considérés surtout au point de vue de l'action du moral sur le physique.

**) Бине и Фере вполне справедливо замѣчаютъ, что такой взглядъ не объясняетъ возможности усыпленiя безъ вѣдома субъекта.

пившимъ, которое, стало быть, можетъ оказывать вліяніе на характеръ сновидѣній. Причиною забвенія, по пробужденіи отъ глубокаго гипнотическаго сна, является ослабленіе накопленной во время сна нервной силы мозга, вслѣдствіе ея разсѣянія по всему организму. Въ обыкновенномъ снѣ или слабомъ гипнотическомъ послѣдняя не скопляется около мѣста преобладающей идеи въ значительномъ количествѣ, благодаря чему и другія части мозга не остаются въ полномъ бездѣйствіи, а сновидѣнія являются послѣдствіемъ периферическихъ впечатлѣній. Кромѣ того, благодаря постепенности пробужденія, нервная сила можетъ понемногу разливаться, такъ что работа мысли вновь устанавливается и, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ конецъ сновидѣнія протекаетъ уже при участіи сознанія.

Идеи Льебо не остановили вниманія современниковъ. Бернгеймъ объясняетъ это, съ одной стороны, отношеніемъ въ то время къ гипнотизму лишь какъ къ научному курьезу, заключавшемуся въ погруженіи нѣкоторыхъ субъектовъ при особыхъ условіяхъ въ сонъ, сопровождавшійся анестезіей или катаlepsіей, съ другой—удаленіемъ Льебо, занятаго своими бѣдняками-больными, отъ медицинскаго общества. Бине и Фере, напротивъ, объясняютъ неуспѣхъ сочиненія пансійскаго врача его недостатками: неопредѣленностью и незаконченностью описаній симптомовъ гипноза. «Въ работѣ Льебо,—говорятъ эти авторы,—едва-ли можно найти хоть одно научное доказательство гипнотизма». Тѣмъ не менѣе, какъ добросовѣстный изслѣдователь и практикъ, Льебо заслуживаетъ полнаго къ себѣ вниманія потомковъ. То, чего не доставало въ его сочиненіи, именно, простаго, во систематическаго описанія гипнотическихъ явленій,

было восполнено работами Шарко, которому и принадлежит честь возвращенія гипнотизма въ Академію Наукъ послѣ столь продолжительнаго непризнаннаго его существованія. Это произошло въ 1878 году.

Въ промежутокъ между опубликованіемъ работы Льебо и образованіемъ школы Шарко въ исторіи гипнотизма наступило затишье. Нѣкоторыя незначительныя работы, явившіяся въ это время, ничего новаго не прибавили, и мы не считаемъ себя вправе утруждать вниманіе читателя ихъ перечисленіемъ. Впрочемъ, въ 1875 г. Шарль Рише опубликовалъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ опытовъ надъ полученіемъ особаго невроза, аналогичнаго естественному сомнамбулизму, и, такимъ образомъ, снова привлекъ вниманіе медицинскаго міра къ гипнотическимъ явленіямъ, но во всякомъ случаѣ возбужденное вниманіе не соотвѣтствовало цѣнности этой прекрасной работы *). Кромѣ того, въ Германіи въ 1873 г. въ печати появились наблюденія Чермака надъ гипнозомъ у животныхъ. Это была весьма интересная работа, которая указывала на новый путь къ рѣшенію вопроса о гипнотизмѣ. Но о ней, какъ и о нѣкоторыхъ другихъ въ томъ же направленіи, мы поговоримъ въ особой главѣ, посвященной нами исторіи гипнотизма у животныхъ.

Теперь перейдемъ къ такъ сказать, новѣйшей исторіи гипнотизма, которая почти вся цѣликомъ обнимается усиліями двухъ школъ — Сальпетріерской и Нансійской. Представителями первой являются Шарко, Бине и Фере, Поль Рише и др., второй — Бернгеймъ, Льежуа, Вони, Форель, Льебо и др. Однако, прежде чѣмъ заняться сопоставленіемъ взглядовъ этихъ школъ, чтобы вполне покончить съ исто-

*) *Journal de l'anatomie et de la physiologie*, 1875.

ріей гипнотизма, мы еще должны упомянуть здѣсь о томъ значеніи, какое имѣлъ въ ней датскій магнитизеръ Ганзенъ. Въ 1879 г. этотъ господинъ, кстати сказать, совершенно незнакомый съ медициною, путешествовалъ по Европѣ, давая публичныя представленія *), пользовавшіяся громаднымъ успѣхомъ. Вотъ этимъ-то представленіямъ мы главнымъ образомъ и обязаны пробужденію вниманія всего научнаго міра къ гипнотизму. Первый, кто обратилъ снова на него вниманіе ученыхъ, былъ Гейденгайнъ, и съ тѣхъ поръ уже этотъ вопросъ не перестаетъ служить источникомъ многочисленныхъ изслѣдованій.

Изучая и демонстрируя на своихъ лекціяхъ явленія искусственнаго сна на истеричныхъ больныхъ, Шарко часто наблюдалъ, при извѣстныхъ условіяхъ, катаlepsію, изъ чего онъ заключилъ, что она составляетъ постоянное явленіе гипноза наряду съ двумя другими измѣненіями организма, могущими наступать немедленно послѣ усыпленія. Всѣ эти три стадіи гипноза могутъ путемъ нѣкоторыхъ манипуляцій быть переводимы одна въ другую. Первая изъ нихъ, такъ называемая летаргія, характеризуется полнымъ расслабленіемъ мускулатуры, анестезією и потерєю произвольныхъ движеній; въ это время субъектъ, повидимому, находится въ глубокомъ снѣ, при полномъ уничтоженіи интеллектуальной жизни, и неспособенъ къ воспріятію внушеній. Зато въ этомъ состояніи замѣчается чрезмѣрная механическая возбудимость мышцъ и нервовъ; всякій мускулъ отъ давленія или легкаго тренія сокращается; давленіе, напримѣръ, на лицевой нервъ вызываетъ соотвѣтственное одностороннее искривленіе чертъ лица. Летаргія вызывается фиксаціей ка-

*) Въ 1880—81 гг. онъ былъ и у насъ въ Россіи.

кого-либо предмета или легкимъ надавливаніемъ глазъ сквозь опущенныя вѣки.

Для того, чтобы перевести паціента изъ первой стадіи гипноза, летаргіи, во вторую, т. е. каталепсію, достаточно только приподнять ему вѣки. При этомъ, если оставить одинъ глазъ закрытымъ, то наступаетъ каталепсія одной только стороны тѣла въ то время, какъ другая остается въ летаргическомъ состояніи. Каталепсія характеризуется, какъ намъ уже не разъ приходилось упоминать, сохраненіемъ разъ приданнаго положенія или позы и отсутствіемъ нервно-мышечной возбудимости. При этомъ наблюдается возможность внушенія посредствомъ мускульнаго чувства. Такъ, напримѣръ, придавъ рукѣ паціента положеніе, соотвѣтствующее воздушному поцѣлю, можно получить улыбающееся выраженіе лица; соединивъ руки, какъ для молитвы, можно въ лицевой мимикѣ вызвать соотвѣтственное измѣненіе: лицо принимаетъ серьезное, благоговѣйное выраженіе, субъектъ опускается на колѣни... Закрывъ каталептику глаза, его опять можно вернуть въ состояніе летаргіи. Непосредственно каталепсія можетъ быть получена при помощи нервнаго потрясенія, вызваннаго внезапнымъ слуховымъ или свѣтовымъ раздраженіемъ, напримѣръ, ударомъ въ гонгъ, направленіемъ въ глаза паціенту сильнаго электрическаго или друммондова свѣта и т. п.

Третья стадія гипноза, вызываемая легкимъ давленіемъ или треніемъ темени летаргика или каталептика, называется сомнамбулизмомъ. Она, впрочемъ, можетъ быть иногда получена и непосредственнымъ усыпленіемъ. Главными особенностями сомнамбулическаго состоянія являются воспріимчивость къ внушенію, способность движенія съ закрытыми или открытыми гла-

зами и исполненіе приказаній гипнотизера, на вопросы котораго субъектъ отвѣчаетъ безъ труда. По пробужденіи онъ не сохраняетъ никакихъ воспоминаній о своей дѣятельности во время сна. Сомнамбулическая стадія гипноза можетъ продолжаться даже въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ и болѣе.

Всѣ эти три формы гипнотическаго сна, представляющія, по мнѣнію профессора Шарко, классическую картину гипноза, носятъ названіе «большаго гипнотизма» (*le grand hypnotisme*). Въ совокупности они встрѣчаются только у истеричныхъ. Исходя изъ этого, Сальпетріерская школа считаетъ гипнотизмъ особымъ родомъ невроза, сроднымъ истеріи и, подобно ей, имѣющимъ свои фазы, которыя могутъ возникать у истеричныхъ самопроизвольно, безъ гипнотическаго усыпленія.

Противъ такой характеристики явленій гипнотизма возникла, однако, сильная оппозиція въ лицѣ представителей Нансіейской школы, и въ особенности со стороны профессора Бернгейма, который замѣчаетъ, что явленія, описываемыя Шарко, скорѣе характеризуютъ истерію, чѣмъ гипнозъ. При этомъ наблюдать ихъ приходится даже у истеричныхъ очень рѣдко, и то при условіи возможности внушенія. У здоровыхъ же людей подобной закономерности въ смѣнѣ явленій не наблюдается, а всѣ они могутъ, хотя далеко не всегда, имѣть мѣсто при глубокомъ гипнозѣ подъ вліяніемъ внушенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдать ихъ не приходится, сущность гипнотическаго состоянія сводится къ особой формѣ сознанія, повышающей воспріимчивость къ внушенію. Кромѣ того, указывая на ошибочность воззрѣній Парижской школы, нансіейцы въ лицѣ Бернгейма доказываютъ, что въ виду слишкомъ незначительнаго числа субъектовъ,

на которыхъ приходилось наблюдать явленія большого гипнотизма («около дюжины случаевъ въ теченіи 10 лѣтъ»), заключенія Шарко и его послѣдователей не могутъ быть признаны заслуживающими довѣрія, такъ какъ, помимо общеизвѣстной неправдивости истеричныхъ, эффектная смѣна трехъ фазъ большого гипнотизма можетъ быть результатомъ искусственной «дрессировки».

«Единственный разъ,—говоритъ Бернгеймъ,—я видѣлъ субъекта, который въ совершенствѣ выполнялъ эти три періода: летаргическій, каталептический, сомнамбулическій. Это была одна молодая дѣвушка, три года проводившая въ Сальпетріерѣ. Впечатлѣніе, вынесенное мною отъ нея,—почему не сказать этого? — таково, что, подвергаясь спеціальной культурѣ, по безсознательному внушенію подражая явленіямъ, которыя она видѣла на другихъ сомнамбулисткахъ той же школы, дрессированная подражаніемъ въ выполненіи рефлекторныхъ явленій въ извѣстномъ тишическомъ порядкѣ, это уже не была натурально гипнотизированная, это былъ *внушенный гипнотическій неврозъ* *). Если я ошибаюсь,—говоритъ онъ далѣе,—если эти явленія встрѣчаются первично и помимо всякаго внушенія, то нужно признать, что этотъ большой гипнотизмъ—состояніе очень рѣдкое» **).

Напротивъ, что касается явленій, описываемыхъ Нансіейскою школою, то они встрѣчаются очень часто и вслѣдствіе этого имѣютъ не только теоретическій, но и практическій интересъ въ смыслѣ примѣнимости къ

*) Bernheim. О гипнотическомъ внушеніи, I ст. 105. 1b.

**) Форель. Гипнотизмъ, его значеніе и примѣненіе, 15.

медицины и некоторымъ другимъ областямъ. Эти явленія, въ противоположность описываемымъ Парижскою школою, названы «малымъ гипнотизмомъ».

Сущность Нансійской теоріи, являющейся прямымъ продолженіемъ и развитіемъ брэдовской теоріи внушенія, доведенной Льебо до высокой степени практическаго совершенства, сводится къ тому положенію, что *все явленія гипноза производятся путемъ вызванія соответственныхъ, преимущественно образныхъ представлений* *). Легче всего это достигается словеснымъ увѣреніемъ, частнымъ случаемъ котораго является самовнушеніе. Брэдъ, однако, очевидно, не вполне понималъ значеніе внушенія, если могъ придавать столь большое значеніе раздраженію опредѣленнаго органа чувствъ. Нансійская школа, напротивъ, всецѣло приписываетъ все явленія гипнотизма внушенію. Последнее можетъ быть сдѣлано въ бодрственномъ состояніи и во время гипнотическаго сна, въ которомъ воспріимчивость къ внушенію возвышается до невѣроятной степени. Такимъ образомъ, Нансійская школа стремится къ замѣнѣ «неточнаго и неопредѣленнаго понятія о гипнотизмѣ понятіемъ о внушеніи».

Сопоставляя взгляды обѣихъ школъ, приходится признать, что, если ограниченіе, дѣлаемое Парижскою школою для понятія о гипнотизмѣ, въ которое она не находитъ возможнымъ включить явленія «малаго» гипноза,—и представляетъ собою крайность, то не меньшею крайностью слѣдуетъ считать и мнѣніе Нансійцевъ, отрицающихъ значеніе всякихъ физическихъ пріемовъ для возбужденія гипноза. Это тѣмъ болѣе неоснова-

*) Ib.

тельно, что, желая быть послѣдовательными въ своемъ упорствѣ приписывать все внушенію, имъ иногда приходится прибѣгать къ натяжкамъ. Самъ Льебо *) опубликовалъ 45 случаевъ поразительно успѣшнаго излеченія маленькихъ дѣтей однимъ лишь накладываніемъ рукъ на больную часть тѣла. При этомъ въ 32 случаяхъ дѣти были моложе трехлѣтняго возраста, такъ что даже Льебо не находилъ возможнымъ приписывать исцѣленіе внушенію. Въ числѣ этихъ случаевъ были и излеченіе отъ коклюша. Къ той же категоріи явленій, исключаящихъ возможность внушенія, относятся и факты усыпленія безъ вѣдома субъекта. Отрицаніе существованія такого рода случаевъ невозможно, если не признавать мысленнаго внушенія или такъ называемой *телепатіи*. Признаніе же послѣдней, — а отрицать ее въ настоящее время уже не приходится, — еще болѣе подорвало-бы теорію происхожденія гипноза, исключительно, какъ эффекта внушенія; и это потому, что мысленное воздѣйствіе на разстояніи предполагаетъ существованіе извѣстной посредствующей среды, на которую оказываютъ дѣйствіе молекулярныя колебанія мозга, передаваемые другому. Другими словами, необходимо допустить особое излученіе изъ человѣческаго тѣла, могущее оказывать дѣйствіе не только на другого человека, а даже, какъ показываютъ новѣйшіе въ этой области опыты, и на неодушевленные предметы. Впрочемъ, среди самихъ представителей школы Нанси, кажется, только одинъ Бернгеймъ продолжаетъ считать вполне достаточнымъ внушенія для производства всѣхъ явленій гипноза, или точнѣе, онъ смотритъ на гипно-

*) Étude sur le zoomagnétisme, Paris, 1883.

тическія явленія исключительно, какъ на результатъ внушенія; всѣ же остальные его товарищи относятся къ этому вопросу не столь рѣшительно.

Въ слѣдующей главѣ мы постараемся въ короткихъ словахъ, дать понятіе о нѣкоторыхъ данныхъ, которыя въ значительной степени оправдываютъ эту нерѣшительность ученаго міра по отношенію къ явленіямъ гипнотизма.

VII. Опытъ барона Рейхенбаха, повѣрка ихъ въ Лондонскомъ Обществѣ Психическихъ Изслѣдованій и наблюденія Люиса и Роша.—Значеніе этихъ и нѣкоторыхъ другихъ недавнихъ опытовъ для теоріи гипнотизма.

Въ главѣ о предшественникахъ Месмера мы не безъ основанія остановились довольно долго на столь, повидимому, странныхъ и едва-ли стоящихъ вниманія теоріяхъ, какъ ученія Парацельса, Кирхера, Флюdda, Махсуелля и другихъ провозвѣстниковъ животнаго магнетизма. Читатель, можетъ быть, не забылъ, что всѣ эти старинные ученые старались убѣдить насъ въ магнетическихъ свойствахъ человѣческаго и иныхъ тѣлъ природы, доказывая, что, въ сущности, человѣкъ представляетъ собою тотъ же магнитъ, имѣющій свои полюсы, способность притяженія и отталкиванія и другія магнитныя свойства. Они говорили о какомъ-то веществѣ, которое выдѣляется изъ человѣка, давая ему способность дѣйствовать не только на себѣ подобныхъ, но и на другія тѣла, толковали о разныхъ симпатическихъ мазяхъ, порошкахъ, о возможности колдовства при помощи разнаго рода «мумій» (mummies) и т. п.

Читая объ этихъ курьезныхъ теоріяхъ, мы съ чувствомъ нѣкоторой самодовольной гордости взирали на прошедшія заблужденія, отъ которыхъ уже давнымъ давно избавились. Однако, какъ это ни досадно, но новые наблюденія и опыты заставляютъ насъ отнестись къ прежнимъ теоріямъ далеко не съ тѣмъ высокоуміемъ, на какое еще такъ недавно мы имѣли право. Повидимому, время способствовало только выработкѣ иного толкованія нѣкоторыхъ упоминаемыхъ древними авторами явленій, сами же эти факты въ концѣ концовъ, кажется, придется признать, — по крайней мѣрѣ, судя по самымъ послѣднимъ извѣстіямъ изъ-за границы.

Въ настоящей работѣ, размѣры и характеръ которой не позволяютъ намъ долго останавливаться на еще малоизслѣдованныхъ явленіяхъ, мы постараемся слегка только коснуться этого крайне интереснаго вопроса, болѣе же подробное его разсмотрѣніе читатель найдетъ въ очеркахъ «Вѣрить или не вѣрить?», печатаемыхъ въ журналѣ «Природа и Люди».

Въ своей «Исторіи животнаго магнетизма» Делезъ *) говоритъ, что большая часть сомнамбулъ видятъ, свѣтящійся и блестящій флюидъ, окружающій ихъ магнетизера и исходящій съ особенною силою изъ его головы и рукъ». По волѣ человека, этотъ флюидъ можно направлять въ желаемую сторону и напитывать имъ разныя тѣла. Нѣкоторые сомнамбулы видятъ его не только во время сомнамбулическаго сна, но и нѣкоторое время послѣ пробужденія; другіе, впрочемъ, рѣдкіе субъекты, замѣчаютъ его даже въ то время, когда ихъ усыпляютъ, но сонъ еще не наступилъ. О томъ же самомъ говорятъ

*) Deleuze. Histoire du magnetisme animale, 1813, p. 84.

Депэнъ и Шарпиньонъ, которые къ этому прибавляютъ, что нѣкоторые видятъ свѣтящія волны, охватывающія магниты, золото, серебро и т. п.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ извѣстный австрійскій ученый, химикъ, баронъ Рейхенбахъ *) замѣтилъ, что сомнамбулическое состояніе вовсе не необходимо, чтобы видѣть эти свѣтоносныя истеченія. Для этого нужно только пребыть нѣсколько часовъ въ глубокой темнотѣ.

«Не слѣдуетъ, однако, думать, — говорить этотъ ученый, — что мы имѣемъ дѣло съ какими-нибудь субъективными ощущеніями, аналогичными тѣмъ «мушкамъ», звѣздамъ, пятнамъ и т. п. фізіологическимъ явленіямъ, которыя наблюдаются послѣ того, какъ посмотрѣть на солнце или иной сильный источникъ свѣта, — это вполнѣ реальное явленіе. Но наблюдать его могутъ не всѣ, а лишь очень чувствительныя лица (сенситивы). Свѣтъ, окружающій всего человѣка, бываетъ особенно замѣтенъ около глазъ, ушей, рта, рукъ, носа и вообще всѣхъ болѣе или менѣе остроконечныхъ частей тѣла. Кажется, будто онъ выдѣляется на подобіе волнъ, находящихся въ постоянномъ колебаніи. При этомъ онъ то ослабѣваетъ, то усиливается, образуя свѣтящую атмосферу кругомъ всего тѣла. Цвѣтъ этого выдѣленія на правой сторонѣ голубоватый, на лѣвой — красноватый».

Рейхенбахъ называлъ это вещество одомъ или біодомъ, который въ зависимости отъ того, откуда онъ выдѣ-

*) См. объ этомъ «Le fluide des magnétiseurs; Précis des expériences du baron de Küchenbach sur ses propriétés physiques et physiologiques. Paris. 1891, составленное Rochas. Кроме того «Annales des sciences psychiques» 1894, № 3, и «Revue universelle» 5 Décem. 1893, № 23, а также «Revue des Revues», 1894, №№ 12 et 13.

ляется,—изъ правой или лѣвой половины тѣла,—называется положительнымъ или отрицательнымъ. Свойства обѣихъ этихъ жидкостей неодинаковы, что сенситивы легко различаютъ: если вы, напримѣръ, возьмете по стакану съ водой въ каждую руку, то сенситивъ по одному только вкусу опредѣлитъ, какой стаканъ былъ въ правой рукѣ и какой въ лѣвой. Вода, напитанная голубоватымъ одоромъ правой руки, имѣетъ пріятный, свѣжій вкусъ, между тѣмъ какъ лѣвая, выдѣляющая красноватый свѣтъ, сообщаетъ водѣ противный вкусъ. Одическія волны способны кромѣ того, дѣйствовать однѣ на другія и подвержены вліянію земли и магнитовъ. Волны одинаковой природы, будутъ ли онѣ положительныя или отрицательныя, взаимно отталкиваются и, наоборотъ, противоположныя—притягиваются и соединяются. Это явленіе замѣчается, какъ въ одушевленныхъ, такъ равно и неодушевленныхъ предметахъ, но не съ одинаковою силою. Особенно хорошо наблюдать его на магнитахъ: если приближать другъ къ другу одноименные полюсы, то свѣтовые истеченія, стремясь другъ отъ друга оттолкнуться, начинаютъ заворачиваться назадъ, къ противоположному полюсу; разноименные же истеченія, по мѣрѣ приближенія магнитовъ другъ къ другу, вытягиваются и сливаются.

Вліяніе на человѣка земли, представляющей собою своего рода магнитъ, съ полюсами и магнитными теченіями, выражается, по Рейхенбаху, въ томъ, что въ зависимости отъ положенія субъекта по отношенію къ земнымъ полюсамъ, происходитъ нарушеніе или регулированіе магнитныхъ токовъ, которые циркулируютъ въ человѣческомъ тѣлѣ.

«Сенситивъ, — говоритъ Рейхенбахъ, — чтобы спать

спокойно или только хорошо себя чувствовать, долженъ располагаться такимъ образомъ, чтобы, засыпая, онъ

Свѣтъ, истекающій изъ человѣческаго тѣла.

былъ обращенъ головою къ сѣверу, а, если онъ сидитъ, ходитъ, катается въ каретѣ, его лицо было-бы обращено къ югу *). Это потому, что громаднѣйшій магнитъ, ка-

*) De Rochas, Le fluide des magnetiseurs, p. 60.

кимъ является земля, низвергаетъ сильныя волны изъ своихъ полюсовъ. Одическое теченіе, изливающаяся

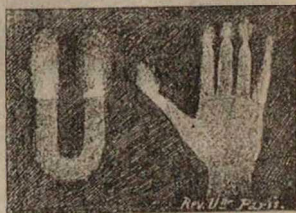

Одическія волны, истекающія изъ человѣческаго тѣла,

изъ земнаго полюса на землю и людей, направляется къ югу, постоянно проходитъ черезъ наши жилища и

подвергаетъ насъ непрерывному вліянію легкихъ пассивъ. Несенситивы не ощущаютъ этого вѣчнаго теченія, среди котораго они находятся; но иначе бываетъ съ сенситивами, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе ихъ впечатлительность.

«Они испытываютъ пріятное, освѣжающее, укрѣпляющее, успокаивающее, укрощающее впечатлѣніе, если теченіе черезъ нихъ проходитъ въ направленіи отъ головы къ ногамъ; напротивъ, они чувствуютъ себя плохо, бываютъ безпокойны, устали, въ дурномъ расположеніи духа, склонны къ противорѣчіямъ и спорамъ, — когда теченіе имѣетъ противоположное направленіе. Если они находятся въ кровати, съ головою обращенною къ югу, то сѣверное теченіе

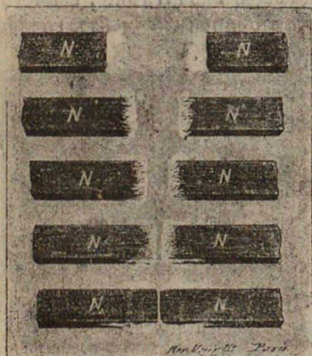
Истеченіе свѣта изъ магнита и рукъ.

проходитъ черезъ нихъ отъ ногъ къ головѣ, т. е. непріятнымъ способомъ, который причиняетъ безпокойство въ постели и часто вызываетъ безсонницу, которую никакіе медикаменты въ свѣтѣ не въ состояніи побѣдить. Если, напротивъ, голова обращена къ сѣверу, теченіе направлено отъ головы къ ногамъ, проходитъ черезъ тѣло въ направленіи, въ которомъ совершается нервная дѣятельность, т. е. отъ центра къ периферіи и къ оконечностямъ; тогда проявляется истинное благосостояніе, субъектъ имѣетъ отдыхъ и можетъ предаться благодѣтельному сну» *).

*) Ib, 61.

Какъ уже сказано было выше, сенситивы способны видѣть одическое истеченіе не только изъ человѣка, но и отъ магнитовъ и нѣкоторыхъ другихъ тѣлъ, напримѣръ, кристалловъ.

Опыты барона Рейхенбаха, объективность которыхъ онъ старался доказать разными остроумными приспособленіями, вродѣ проэк-

тированія изображеній истеченій при помощи линзъ на экраны и т. п., были, какъ извѣстно, встрѣчены современниками съ большимъ недоброжелательствомъ. Но въ 1883 г. комиссія, организованная Лондонскимъ Обществомъ Психическихъ Изслѣдованій, подтвердила реальность описанныхъ Рейхенбахомъ явленій. Постановка опытовъ удовлетворяла самымъ строгимъ требованіямъ науки. При-

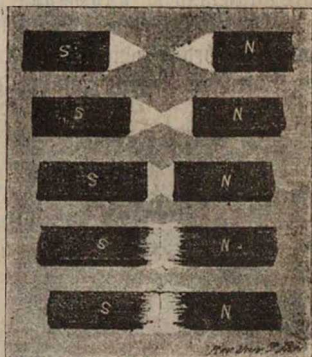
Истеченіе свѣта изъ магнита.

мѣненіе же электро-магнитовъ, соединенныхъ съ батареею, расположенною въ сосѣдней комнатѣ *), давало возможность по произволу и безъ вѣдома испытуемыхъ лицъ замыкать и размыкать токъ. Однако попытки фотографированія этихъ свѣтовыхъ излученій,

*) Хотя это и не имѣло, строго говоря, значенія, такъ какъ по батарееѣ нельзя судить о томъ; замкнуть токъ или разомкнуть.

подобно тому, какъ и у Рейхенбаха, оказались безплодны *).

Недавніе опыты проф. Льюиса и полковника Роша, произведенные надъ загнипнотизированными субъектами, дали еще болѣе убѣдительные результаты, имѣющіе кромѣ теоретическаго также и практическое значеніе. Въ то время, какъ сенситивы Рейхенбаха видѣли свѣтовое истеченіе только въ темнотѣ, упомянутымъ экспериментаторамъ удалось во время гипнотическаго сна вызывать въ ихъ паціентахъ столь сильную зрительную гиперэстезію, констатированную офтальмоскопическими изслѣдованіями, — что они различали свѣтовые явленія при полномъ дневномъ свѣтѣ.

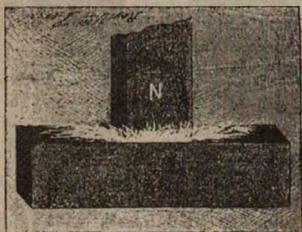

Истеченіе свѣта изъ магнита.

Еще Рейхенбахъ указывалъ, что яркость окраски одическихъ истеченій была пропорціональна состоянію здоровья выделяющаго ихъ субъекта. Но паціенты Льюиса замѣтили еще многое другое, чего не удавалось

*) Впрочемъ, если удачные опыты фотографированія электрическаго излученія изъ человѣческаго тѣла, сдѣланные г. Наркевичемъ-Юдко, будутъ подтверждены дальнейшими успѣхами, то реальность явленія уже ни для кого не будетъ сомнительною.

видѣть рейхенбаховскимъ сенситивамъ, а именно, разнаго рода аномаліи въ окраскѣ и силѣ свѣтовыхъ излученій въ зависимости отъ характера и степени болѣзни наблюдаемыхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, то положительныя волны лѣвой стороны, нормальная окраска которыхъ голубая, представлялись имѣющими фіолетовый оттѣнокъ; то на обыкновенно красныхъ истеченіяхъ замѣчались болѣе или менѣе многочисленныя желтыя точки, черныя пятна, то краснота и лазурь теряли свою яркость, ослабѣвали

Истеченіе свѣта отъ магнита

или впадали въ розовый и палевый оттѣнки. Всѣ эти наблюденія, вполне соответствовавшія патологическимъ особенностямъ изслѣдуемыхъ лицъ, могутъ имѣть громадное практическое значеніе въ діагностическомъ отношеніи. Такъ, было замѣчено, что у истерическихъ, въ зависимости отъ степени невроза, голубыя волны

имѣютъ болѣе или менѣе фіолетовый оттѣнокъ; желтыя точки на красномъ фонѣ указываютъ на существованіе глазной болѣзни; черныя пятна свидѣтельствуютъ о мозговыхъ поврежденіяхъ, безуміи, идиотизмѣ; ослабленіе яркости окраски свѣтовыхъ истеченій доказываетъ усталость, всеобщую анэмію, большую или меньшую степень неврастенія; наконецъ, совершенное исчезновеніе свѣтовыхъ волнъ служитъ указаніемъ на отсутствіе жизненной реакціи.

Что касается истеченій изъ магнитовъ, то никакихъ

измѣненій въ ихъ окраскѣ или интенсивности не замѣчается. Они постоянно на одномъ полюсѣ свѣтятся ровнымъ пріятнымъ голубымъ пламенемъ, на которое сенситивы не могутъ вдоволь насмотрѣться, и—краснымъ на противоположномъ. Послѣдній свѣтъ крайне непріятенъ и способенъ, при продолжительномъ его фиксированіи, даже производить довольно бурные припадки.

Мы не станемъ здѣсь говорить ни о переносѣ при посредствѣ магнита нѣкоторыхъ нервныхъ страданій отъ одного лица на другое (Бабинскій, Шарко, Льюисъ), ни объ опытахъ экстеріоризаціи или переноса чувствительности намагнетизированнаго на другія тѣла, ни о знаменитой «коронѣ» Льюиса, который, надѣвъ ее на голову загипнотизированнаго, вызывалъ въ немъ тѣ же страданія, какія испытывало лицо, раньше поносившее нѣкоторое время эту корону, ни, наконецъ, о такъ-называемомъ симпатическомъ леченіи и наведеніи болѣзней,—это-бы завлекло насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ прямой задачи настоящей книжки. Въ этой главѣ мы позволимъ себѣ привести лишь самыя краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ работахъ, стремящихся доказать, что явленія гипнотизма не могутъ быть всецѣло объяснены однимъ внушеніемъ, которое и само по себѣ представляетъ явленіе сложное,—о чемъ будетъ рѣчь ниже. Интересующихся же упомянутыми явленіями отсылаемъ къ названному выше очеркамъ, касающимся всѣхъ, въ совокупности взятыхъ, загадочныхъ явленій природы человѣка.

Хотя, какъ мы уже говорили, Брэдъ былъ основателемъ теоріи внушенія, тѣмъ не менѣе и онъ находилъ нужнымъ считаться съ нѣкоторыми фактами вродѣ, напримѣръ, перекрестнаго месмеризма (cross-mesme-

gism). Последний, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что, если пациентъ былъ кѣмъ-либо намагнетизированъ, то производство надъ нимъ пассивъ другимъ лицомъ можетъ вызвать чрезвычайно бурныя и опасныя явленія—конвульси и т. п. «Весьма возможно, — говоритъ этотъ ученый, — что во время месмерическихъ пассивъ рождается электричество, увеличивающее ихъ физиологическое дѣйствіе, такъ какъ весьма извѣстно, что электрическія явленія наблюдаются при простыхъ соприкосновеніяхъ между органическими и неорганическими тѣлами».

Защитники флюидической теоріи приводятъ въ свою пользу массу данныхъ, которыя хотя еще и требуютъ серьезной и самой тщательной, не всегда, впрочемъ, возможной провѣрки, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ полного съ нашей стороны вниманія. Въ числѣ этихъ данныхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ упомянутое свѣтоносное истеченіе изъ глазъ, рукъ и проч. магнетизера. Въ старинныхъ философскихъ сочиненіяхъ очень часто говорится объ этомъ явленіи, но обыкновенно такія заявленія считались не основанными на наблюденіи реальныхъ фактовъ, а только гипотетическими положеніями мистической философіи. Но съ нѣкотораго времени такое толкованіе упомянутыхъ мѣстъ старыхъ сочиненій стало внушать сомнѣнія, и вскорѣ путемъ сопоставленій пришли къ заключенію, что «міровой свѣтъ», «міровое пламя», «жизненный огонь» и т. п. выраженія далеко не столь безосновательны, какъ можно-бы было думать.

Оказывается, что явленіе свѣченія человѣческаго тѣла было замѣчено еще во времена глубокой древности, о чемъ свидѣтельствуетъ также и Библія... Кромѣ

того, сама способность наблюденія этого явленія также далеко не столь рѣдка, какъ сначала казалось.

Но, кромѣ возможности видѣть свѣтящія истеченія, сенситивы увѣряютъ, что они въ состояннн «ощущать предметы, бывшіе предварительно намагнетизированными при помощи пассовъ или прикосновеній». Лондонское Общество Психическихъ Изслѣдованій предприняло цѣлый рядъ опытовъ, съ цѣлью провѣрки справедливости этихъ заявленій.

По увѣренію защитниковъ «теоріи истеченія», намагнетизированные предметы не только вызываютъ въ нѣкоторыхъ чувствительныхъ субъектахъ особое ощущеніе, но даже способны при прикосновенн къ нимъ вызывать иногда гипнозъ. Напримѣръ, если намагнетизированная вода будетъ выпита такимъ сенситивомъ, то онъ немедленно погружается въ гипнотическій сонъ. Бредисты приписывали это могуществу самовнушенія. Читатель, вѣроятно, помнитъ опытъ, сдѣланный надъ мальчикомъ, котораго подводили къ деревьямъ, не бывшимъ намагнетизированными, и все-таки, несмотря на это, эффектъ получился тотъ же, какъ если-бы деревья были подвергнуты извѣстнымъ манипуляціямъ. Строго говоря, этотъ опытъ, конечно, доказывалъ только ннкъмъ въ настоящее время не оспариваемое вліяніе внушенія, но изъ него вовсе не слѣдовало, чтобы эффектъ магнетизированія всецѣло сводился на одно воображеніе. Произведенные въ новѣйшее время опыты надъ передачей явленія внушенія черезъ металлическую цѣпь не могутъ, напримѣръ, быть объяснены теоріею Нансійской школы. Въ предпринятыхъ Лондонскимъ Обществомъ Психическаго Изслѣдованія опытахъ, направленныхъ къ опредѣленію способности сенситивовъ узнавать предметы, къ кото-

рымъ прикасался или надъ которыми производилъ пассы магнетизеръ, были приняты всѣ мѣры къ устраненію сомнѣній. Вѣроятность простаго угадыванія была низведена до минимума, такъ какъ равнялась $\frac{1}{10.000.000}$. Металлическіе предметы, въ виду ихъ способности къ нагрѣванію руками магнетизера, были совершенно устранены. Для исключенія возможности безсознательнаго или даже мысленнаго внушенія, члены комиссіи, присутствовавшіе при процессѣ магнетизаціи, стало быть, знавшіе, какіе изъ предметовъ подвергались этой операціи,—были удаляемы изъ комнаты, едва туда вводились сенситивы. Наконецъ, честность самого магнетизера не подлежала никакому сомнѣнію. Опыты, производившіеся при этихъ условіяхъ, оказались въ высшей степени удачными,—сенситивы дѣйствительно угадывали предметы, которыхъ касался магнетизеръ. По увѣренію сенситивовъ, каждый изъ такихъ предметовъ, при прикосновеніи къ нему, производитъ нѣчто вродѣ легкаго зуда.

Относительно вліянія магнетизированія на растенія въ литературѣ имѣются также довольно многочисленныя указанія, но мы назовемъ только наиболѣе выдающіеся случаи, относящіеся къ сравнительно недавнему времени. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія этимъ вопросомъ занимался проф. Эннемозеръ вмѣстѣ со своимъ другомъ проф. Рессомъ изъ Эзенбаха. Оба они пришли къ заключенію, что магнетизированіе способствуетъ замедленію проростанія растеній и укрѣпленію ихъ организма, уменьшаетъ число цвѣтовъ, которые, однако, достигаютъ при этомъ особенной величины, яркости и красоты, а сѣмена получаютъ очень обиль-

ныя и производительныя. Опыты Чапари (Czaraгу) привели его къ такому же заключенію. Наконецъ, укажемъ еще на интересныя работы д-ра Пикара, который магнетизировалъ ежедневно въ теченіи 5 минутъ среднюю вѣтку персикового дерева съ тремя на ней плодами. Черезъ нѣкоторое время эти три персика начали значительно обгонять другіе плоды въ ростѣ и въ концѣ концовъ достигли необыкновенной для климата этой мѣстности величины—24 сантиметровъ въ окружности, въ то время, какъ другіе плоды на этомъ деревѣ едва достигали величины 14—15 сантиметровъ.

Этихъ фактовъ, касающихся вопроса о вліяніи магнетизированія на растенія, мы считаемъ достаточнымъ для характеристики доказательствъ, приводимыхъ въ пользу этого вліянія. Само собою понятно, что столь серьезный вопросъ не можетъ быть рѣшаемъ на основаніи немногихъ наблюденій, но читатель, конечно, понимаетъ, что и обходить такого рода факты молчаніемъ, въ особенности, когда они находятся въ связи съ другими наблюденіями и опытами, освѣщающими вопросъ съ другой стороны,—тоже не приходится.

Мы не станемъ говорить здѣсь объ опытахъ бюркизма, которые читателю, вѣроятно, хорошо извѣстны, такъ какъ металлотерапія въ послѣднее время примѣняется довольно часто. Во всякомъ случаѣ, описаніе ихъ заняло-бы немало мѣста, а потому мы ограничимся лишь напомниманіемъ, что явленія, такъ называемыя, «металлоскопическія», происходящія при прикладываніи или даже только приближеніи пластинокъ разныхъ металловъ, «ксилоскопическія», вызываемыя кусками разныхъ породъ деревьевъ, и нѣкоторыя другія не всегда могутъ быть объяснены теорією внушенія,

такъ что приходится въ концѣ концовъ допустить присутствіе въ разныхъ тѣлахъ какого-то особаго агента, дѣйствующаго на нервную систему (Брюкъ, Дроздовъ, Охоровичъ и др.). Нѣкоторые ученые пытаются также доказать возможность дѣйствія лекарствъ на разстояніи (Ш. Рише, Мабиль, Люисъ, Бюро и Буррю, Фонтанъ изъ Тулона и др.), но пока эти опыты, несмотря на ихъ многочисленность, нельзя признать убѣдительными, хотя, очень можетъ быть, они въ концѣ концовъ и дадутъ положительные результаты, чему ручательствомъ можетъ до нѣкоторой степени служить серьезность изслѣдователей.

Въ заключеніе фактической части настоящей главы скажемъ объ опытахъ надъ магнитами, производившихся съ цѣлью убѣдиться, какого рода дѣйствія оказываютъ послѣдніе на нервную систему. Одни предполагаютъ здѣсь чисто механическое вліяніе, другіе приписываютъ все внушенію, третьи, наконецъ, допускаютъ дѣйствіе особыхъ истеченій. Повидимому, послѣднее мнѣніе начинаетъ оказывать перевѣсъ, въ особенности въ виду вышеприведенныхъ открытій Люиса и Роша, Лондонскаго Общества Психическихъ Изслѣдованій и др., хотя, конечно, приходится считаться и съ первыми двумя предположеніями, главнымъ образомъ съ внушеніемъ.

Въ 1881 г. извѣстный женеvскій химикъ-любитель Циглеръ сообщилъ о цѣломъ рядѣ опытовъ, въ которыхъ фізіологическое дѣйствіе магнитовъ было усиливается концентрированіемъ магнитныхъ излученій при помощи линзъ изъ различныхъ веществъ. При этомъ получались два раздражающихъ фокуса—спереди и сзади линзы. Сила, излучаемая магнитами, можетъ быть задержа-

ваема парафиномъ, алюминіемъ и нѣкоторыми др. веществами. Ею можно до извѣстной, опредѣленной для каждаго вещества, степени насыщать разныя тѣла. Для этого, сконцентрировавъ магнитные лучи посредствомъ линзы, направляютъ ихъ на данное тѣло, предварительно помѣщенное на задерживающее лучи вещество, напримѣръ, парафинъ. О насыщеніи тѣла можно судить по напряженности его физиологическаго дѣйствія на разстояніи на нервную систему, причемъ возможность предположенія о вліяніи воображенія Циглеръ устранилъ контрольными опытами надъ животными. Профессоръ Карлъ Фохтъ и нѣкоторые другіе извѣстные ученые, которымъ Циглеръ показывалъ дѣйствіе сосредоточенныхъ магнитныхъ лучей на кроликахъ, испытывавшихъ ускореніе бѣженія сердца, усиленіе перистальтики кишекъ и пр.,—имѣли возможность убѣдиться, что внушеніе тутъ, повидимому, не могло имѣть мѣста. Но, съ другой стороны, указанные симптомы, по нашему мнѣнію, могли быть простымъ слѣдствіемъ страха. Высказывая это предположеніе, мы отнюдь не желаемъ умалять значеніе опытовъ Циглера, тѣмъ болѣе, что не имѣемъ о нихъ достаточно подробныхъ свѣдѣній,—а только хотимъ сказать, что они требуютъ основательной провѣрки и увеличенія самого ихъ числа при возможно болѣе разнообразныхъ условіяхъ. Вѣроятно, на томъ же основаніи сдѣланное Карломъ Фохтомъ сообщеніе объ этихъ замѣчательныхъ опытахъ во Французской Ассоціаціи для развитія наукъ было встрѣчено, за немногими исключеніями, довольно холодно.

Чтобы покончить съ этими опытами надъ магнитами, прибавимъ еще, что д-ра Охоровичъ, Кобылянский и

и некоторые другие замѣтили, что интенсивность физиологическаго дѣйствія магнитовъ, повидимому, не находится въ зависимости отъ ихъ магнитныхъ потенціаловъ, другими словами, отъ ихъ силы.

Какое же, спрашивается, можно вывести заключение изъ всей совокупности этихъ фактовъ?—Люди осторожные и серьезные ученые пожмутъ, конечно, плечами, покачаютъ головою, но не выкажутъ особенной торопливости въ дѣлѣ выводовъ: «поживемъ-де—увидимъ». Мы же, простые смертные, не будемъ столь благоразумны и позволимъ себѣ на свой страхъ замѣтить, что почва подъ теоріей внушенія сильно колеблется, но, конечно, не вслѣдствіе ея невѣрности, а только односторонности. Защитники теоріи внушенія, всѣми силами стремясь подвести подъ нее все случаи гипнотизма, для чего нерѣдко приходится прибѣгать къ весьма большимъ натяжкамъ, упускаютъ изъ виду, что само по себѣ словесное внушеніе представляетъ явленіе сложное, состоящее изъ внушенія посредствомъ слова и мысленнаго воздѣйствія на разстояніи. Въ томъ случаѣ, если гипнотизеръ не обладаетъ достаточною силою мысли, воли, или, подъ вліяніемъ какихъ-либо другихъ причинъ, мысленное внушеніе не удастся,—словесное тоже не окажетъ никакого дѣйствія, и понадобится какое-нибудь искусственное приспособленіе для передачи мысленнаго внушенія, послѣ чего только словесное внушеніе произведетъ эффектъ. Доказательствомъ этого нашего личнаго мнѣнія можетъ служить случай съ гаврскимъ профессоромъ Жоне, который былъ очень смущенъ имъ. Во время одного изъ своихъ гипнотическихъ опытовъ надъ Леоніей В., желая вызвать путемъ внушенія галлюцинацію, этотъ экспериментаторъ замѣ-

тилъ, что это тогда только удавалось, если между нимъ и субъектомъ было соприкосновеніе хотя-бы даже черезъ посредство цѣпи изъ двухъ, трехъ человѣкъ (съ большимъ числомъ людей опытъ тоже не удавался); по прекращеніи прикосновенія галлюцинація исчезала, несмотря на настойчивое словесное внушеніе.

Въ старинныхъ сочиненіяхъ тоже нерѣдко упоминается о томъ, какъ маги вызывали «духовъ» однимъ только прикосновеніемъ къ паціенту. Кромѣ того, на важность мысленнаго внушенія указываетъ еще и то давно подмѣченное (Таунсхендомъ, Эсдейлемъ и др.) и въ настоящее время подтвержденное (Жиберомъ, Жюне, Эракуромъ) обстоятельство, что пассы, прикосновенія и т. п. манипуляціи иногда не производятъ никакого эффекта, если вниманіе магнетизера бываетъ чѣмъ-нибудь отвлечено. Въ этихъ случаяхъ, впрочемъ, помимо отсутствія мысленнаго внушенія, можетъ не быть и «магнетическаго вліянія», которое, какъ помнятъ читатели, оказывается, зависитъ отъ воли магнетизера, которая въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, бываетъ отвлечена постороннею мыслью.

Итакъ, резюмируя все сказанное въ настоящей главѣ, мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что гипнозъ вызывается черезъ посредство особой силы, излучающей изъ нашего организма. О природѣ ея мы, конечно, еще очень мало знаемъ, но возможно, что она имѣетъ много общаго съ электричествомъ. Ноульсъ (Knowles), напримѣръ, смотритъ на процессъ мысленнаго воздѣйствія, какъ на особый видъ мозговаго колебанія, волненія (*brain waves*), передаваемого черезъ посредство эфира. Маудсли (Maudsley) тоже говоритъ о «мысленномъ эфирѣ». Перроне (Perronet)

употребляетъ выраженіе «ондуляціонизмъ». Барети (Baréty) говоритъ объ излученіи изъ частей нашего тѣла особой нервной силы, которая можетъ быть отражаема зеркалами, сосредоточиваема линзами и т. д. Эта сила представляетъ собою особый видъ движенія «того тончайшаго вещества, которое физики называютъ эфиромъ».

Это вещество, пояснимъ мы отъ себя, представляетъ ничто иное, какъ разрѣженную матерію, проникающую всѣ тѣла и находящуюся въ постоянномъ движеніи, разныя формы и скорости котораго образуютъ всѣ извѣстные виды энергіи: свѣтъ, электричество и т. д. Такимъ образомъ, всѣ, даже твердыя, тѣла постоянно измѣняются въ вѣсѣ въ зависимости отъ притока и отлива этой разрѣженной матеріи, которою можно напитывать всякое вещество (магнетизировать).

Къ этому мнѣнію примыкаетъ и гипотеза доктора Охоровича, который считаетъ нервную и электрическую энергію способными переходить одна въ другую.

VIII. *Исторія гипнотизма у животныхъ.*

«Дивный опытъ — *experimentum mirabile*» — такъ названо было одно интересное явленіе въ области животной психологіи въ извѣстномъ сочиненіи упоминавшагося выше ученаго іезуита А. Кирхера *Ars magna lucis et umbrae*, опубликованномъ въ 1646 г. Впрочемъ, еще на десять лѣтъ раньше его тотъ же опытъ былъ описанъ Даніэлемъ Швентеромъ. «Если взять пѣтуха, связавъ ему предварительно ноги, — говорятъ оба эти экспериментатора, — положить птицу на столъ или полъ

и выжидать, пока она не успокоится, затѣмъ провести на столѣ черту мѣломъ въ направленіи, перпендикулярномъ тѣлу животнаго и пересѣкающемъ клювъ его,—то послѣ этого можно пѣтуха развязать, и онъ все-таки остается неподвижнымъ, несмотря на самое неудобное положеніе, и даже, если его толкать». Кирхеръ объяснялъ это явленіе тѣмъ, что птица считаетъ себя привязанною, принимая черту за веревку. Этотъ опытъ надъ курами во многихъ странахъ производился для забавы. Было замѣчено, что, если нѣкоторыхъ животныхъ удерживать силою въ извѣстномъ положеніи, то они въ скоромъ времени погружаются въ какое-то странное состояніе «замирания» или «оцѣпенѣнія», во время котораго ихъ можно переворачивать на спину, придавать самое неудобное положеніе, и съ ихъ стороны не встрѣчается никакого сопротивленія. Но, какъ это ни странно, въ наукѣ этимъ общеизвѣстнымъ фактамъ, представляющимъ, какъ оказывается, ничто иное, какъ тотъ же гипнозъ, почему-то не придавалось значенія вплоть до 1872 г. Правда, еще во времена Месмера, въ 1784 году, въ Ліонской ветеринарной школѣ производились опыты магнетизированія лошадей. Одинъ изъ этихъ опытовъ былъ даже сдѣланъ въ присутствіи принца Генриха Прусскаго *). Кромѣ того въ 1828 г. венгерецъ Балласа, указывая на способъковки безъ особыхъ усилій, говорилъ: «Привязавъ крѣпко лошадь осаживаютъ назадъ, поднимаютъ ей голову, вытягиваютъ шею, и такимъ образомъ у нѣкоторыхъ удается вызвать такое состояніе, что онѣ не пошевелятся, если даже выстрѣлить по сосѣдству изъ ружья. Легкое поглаживаніе рукою по-

*) См. объ этомъ у Фигье, стр. 320.

перекъ лба и глазъ представляетъ также прекрасное вспомогательное средство къ успокоенію и усмиренію какъ самой спокойной, такъ и буйной лошади» *). Въ 1839 году докторъ Уильсонъ производилъ подобныя же наблюденія надъ животными Лондонскаго Зоологическаго сада. Вызываемое имъ при этомъ состояніе было названо экспериментаторомъ «трансомъ».

Но всѣ эти опыты, къ тому же очень немногочисленные, не имѣли никакой системы, никакого руководящаго метода, а потому и не дали никакихъ положительныхъ результатовъ. Первымъ, кто поставилъ ихъ на научную почву, былъ, какъ уже намъ пришлось говорить въ одной изъ предыдущихъ главъ, лейпцигскій профессоръ физиологіи Чермакъ **).

Тщательно провѣривъ опытъ Кирхера, этотъ ученый убѣдился, что не только нѣтъ надобности связывать курицу, если держать ее неподвижно съ вытянутою шеею, но можно обойтись даже и безъ проведенія мѣловой черты, при условіи нѣкотораго пригибанія шеи къ груди. Въ этомъ состояніи, въ которое Чермаку удавалось приводить также утокъ, гусей и лебедей, животные сохраняли полную неподвижность, оставаясь съ одною вытянутою ногою и судорожно сжатыми пальцами, а другою—приведенною къ тѣлу,—даже и послѣ переворачиванія ихъ на спину. Птицы при этомъ глубоко и сильно дышали, по временамъ ворочали глазами. Черезъ нѣкоторое время онѣ мало по малу выходили изъ этого состоянія; иногда же оно прекращалось отъ какого-ни-

*) Methode des Hufbeshlages ohne Zwang. Wien. 1828. Приведено у Бернгейма.

**) Comptes rendus de l'Académie de Vienne 1872, p. 361.

будь сильнаго виѣшняго раздраженія, послѣ котораго животныя быстро оправлялись и поспѣшно уходили. Чермакъ сталъ съ одинаковымъ успѣхомъ продѣлывать свои опыты надъ воробьями, канарейками, чижиками, соловьями. Для этого онъ клалъ птичку на спину, слегка придерживая головку въ одномъ положеніи, или, оставляя ее въ сидячемъ положеніи, держалъ указательный и большой пальцы съ обѣихъ сторонъ головы въ ушной области. Черезъ нѣсколько минутъ птички дѣлались неподвижными, держа глаза открытыми, иногда же глаза ихъ закрывались. Постепенно расширяя свои опыты, ученый бралъ для нихъ самыхъ разнообразныхъ животныхъ: голубей, раковъ, кроликовъ, саламандръ и т. п. Довольно эффектно были опыты надъ раками, которыхъ Чермакъ приводилъ въ подобное же состояніе оцѣпенѣнія, удерживая въ одномъ положеніи посредствомъ какой-нибудь тяжести, или просто рукою. Черезъ нѣсколько минутъ ихъ можно было ставить перпендикулярно на голову и клешни съ вытянутою вверхъ шейкою, сгибать, какъ угодно, тѣло, подворачивая клешни, — словомъ, придавать животнымъ самыя разнообразныя, допускаемыя ихъ организаціею, позы. Въ опытахъ надъ голубями изслѣдователь замѣтилъ, что никакимъ изъ описанныхъ способовъ не удавалось привести ихъ въ состояніе неподвижности, если не проводить мѣловой черты или не прибѣгать къ какому-нибудь изъ способовъ, при которомъ птица фиксируетъ расположенный передъ самыми глазами предметъ, — напримѣръ, палецъ, помѣщенный въ косомъ или перпендикулярномъ къ переносью направленіи. Если птица отворачивала голову, не желая смотрѣть на предлагаемую точку, то дѣлу помогало помѣщеніе на переносѣ кусочка изогнутой соломенки, нитки и т. п.

Задумываясь надъ причиною описаннаго состоянія нервной системы, Чермакъ сначала находилъ ее въ возможности механическаго давленія и растяженія нѣкоторыхъ отдѣловъ головного и спиннаго мозга, но скоро онъ оставилъ это мнѣніе и пришелъ къ заключенію, что тутъ играетъ роль фиксація глазами какой-нибудь точки. Онъ обобщалъ это даже и на тѣ случаи, когда никакого предмета для фиксированія не помещалось передъ глазами животныхъ, «потому что, — говорилъ онъ, — при вытянутомъ положеніи головы и шеи и ихъ неподвижности, вѣроятно, происходитъ естественная фиксація точки, находящейся передъ глазами. Кромѣ того, здѣсь должны имѣть мѣсто испугъ и вліяніе раздраженія чувствующихъ нервовъ при удерживаніи животнаго».

Придя къ такому заключенію, ученый высказалъ мысль, что всѣ упомянутыя явленія принадлежатъ къ области гипнотизма, тѣмъ болѣе, что они представляютъ даже много общаго съ тѣми состояніями каталепсїи и летаргїи, какія наблюдаются и у людей.

Появившаяся вскорѣ потомъ, по тому же вопросу, работа Прейера *), хотя и не расходилась съ мнѣніемъ Чермака, въ сущности, однако, сводилась къ тому же конечному выводу, «что животныя при подобныхъ опытахъ обнаруживаютъ скорѣе напряженіе нервной системы, чѣмъ сонливость» **). Экспериментируя, кромѣ птицъ, на морскихъ свинкахъ, ежахъ, лягушкахъ и кроликахъ, Прейеръ

*) Ueber eine Wirkung Angst bei Thieren. — Centralblatt für die medicinische Wissenschaft 1873, p. 177. Die kataplexie und der thierische Hypnotismus. Vena, 1878.

**) «О гипнозѣ у лягушекъ при разнообразныхъ медикаментахъ». Э. Бернацкаго. Архивъ психіатріи, неврологіи и судеб. психопатологіи 1889, XIII, № 3. 88.

нашелъ, что явленія, вызываемыя посредствомъ описанныхъ манипуляцій, представляютъ собою особое состояніе, названное имъ «катаплексіей», отличное отъ гипноза и являющееся слѣдствіемъ страха. Гебель *), наоборотъ, держится совершенно противоположнаго взгляда. Экспериментируя преимущественно надъ лягушками, — надъ птицами только для повѣрки опытовъ Чермака, — онъ нашелъ, что для успѣшности опыта необходимо устранить, по возможности, количество вѣшнихъ раздраженій; тѣмъ самымъ достигается погруженіе животнаго въ сонъ, но не гипнотическій, а натуральный, продолжающійся иногда болѣе 4 часовъ. Въ противоположность Прейеру, который считалъ весьма важнымъ условіемъ успѣха опыта сильное, быстрое и неожиданное схватываніе животнаго, безъ причиненія, однако, ему боли, обусловливающее внезапное раздраженіе чувствующихъ нервовъ и тѣмъ самымъ способствующее «катаплексіи», — Гебель доказывалъ, что нужно быстро, но осторожно, не сдавливая, брать лягушку рукою такъ, чтобы большой палецъ пришелся на животъ, а остальные на спинѣ. и черезъ три минуты наступаетъ сонъ.

Таково было положеніе вопроса о гипнотизмѣ животныхъ, когда имъ занялся харьковскій профессоръ В. Я. Данилевскій. Этотъ ученый, работа котораго является самою выдающеюся изъ извѣстныхъ намъ, производилъ опыты на самыхъ разнообразныхъ животныхъ, между прочимъ, даже надъ однимъ молодымъ крокодиломъ. Конечно никакихъ новыхъ явленій, которыя были-бы до того времени неизвѣстны, ему вызвать не удалось, но интересны са-

*) Archives des Pflüger, t. XIV.

мые выводы почтеннаго ученаго *). Лучшимъ способомъ для вызова гипноза у животнаго должно считать приведеніе его въ какое-нибудь неестественное для него положеніе, въ особенности на спинѣ, и удерживаніе его нѣкоторое время, пока прекратится его противодѣйствіе. Гипнозъ длится въ теченіе нѣскольکو минутъ или даже одного — двухъ часовъ. Устраненіе внѣшнихъ раздраженій Данилевскій не считаетъ нужнымъ. Что же касается вопроса о томъ, дѣйствительно-ли вызываемыя явленія относятся къ гипнотизму, то, повидимому, сомнѣнія въ этомъ быть не можетъ; мнѣніе же Прейера о томъ, будто они являются слѣдствіемъ страха, очевидно, не болѣе какъ недоразумѣніе, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Данилевскаго, не одни только зрительныя ощущенія способны вызывать гипнозъ, — онъ можетъ явиться такъ же и отъ испуга. Бирдъ, напри-
мѣръ, находитъ **), что въ числѣ способовъ къ полученію гипноза у животныхъ страхъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. По нашему мнѣнію, это даже одно изъ естественныхъ условій гипноза, особенно бросающееся въ глаза у насѣкомыхъ, которыя «притворяются мертвыми», а можетъ быть, сюда слѣдуетъ отнести такъ называемое «очарованіе» змѣями ихъ жертвъ. Вообще наступленіе

*) См. Ueber die Hemmungen der Reflex- und Willkürbewegungen. Beiträge zur Lehre vom Hypnotismus. Pflügers Archiv. 1881, Bd. 24, 489—525, und Nachtrag—595, а также «Физиологич. Вѣстникъ», — года не помню, — кажется конца восьмидесятихъ годовъ.

**) Beard. Trance and trance-like states in the lower animals. (Journal of Comparative medicine and surgery. April 1881). См. Revue générale de l'hypnotisme въ извлеченіи Möbius'a изъ Лейпцига in Schmidt's, Jahrbücher, Band 190, № 1. 1881.

гипноза можетъ быть вызвано всѣми «способами, которые нарушаютъ механическое равновѣсіе, сосредоточивая мозговую дѣятельность на одной только идеѣ» *). Сюда относятся, кромѣ страха, магнетическіе пассы, фиксированіе глазами, сильный свѣтъ, употребляемый, напримѣръ, для ловли насѣкомыхъ, ночной охоты на птицъ и рыбъ, музыка и т. п.

Въ числѣ особенностей гипнотическаго состоянія у лягушекъ Данилевскій обратилъ вниманіе на пониженіе рефлекторной дѣятельности, кожную анестезію, каталепсію и задержку волевыхъ движеній — абудію. Последнюю можно наблюдать, если наклеить загипнотизированной лягушкѣ бумажку на носъ. Нормальное животное обыкновенно сбрасываетъ ее по прошествіи нѣкотораго времени, достаточнаго для созданія идеи о затрудненіи дыханія, вслѣдствіе препятствія. Лягушка же, находящаяся въ гипнозѣ, несмотря на удушье, выражающееся въ судорожныхъ сокращеніяхъ мышцъ, вытягиваніи глазъ и т. п. признакахъ, продолжаетъ лежать на спинѣ и только черезъ нѣкоторое время, перевернувшись, т. е. до извѣстной степени уже разбуженная (прибавимъ отъ себя), она сбрасываетъ лапкой бумажку. «Очевидно, стало быть,—говоритъ ученый,—волевые импульсы во время гипноза задержаны». Задержка рефлексовъ, по мнѣнію автора, должна быть приписана дѣятельному состоянію полушарій головного мозга.

Но самое, по нашему мнѣнію, интересное въ работѣ Данилевскаго,—это констатированіе извѣстной индивидуальности лягушекъ, о чемъ, впрочемъ, говорить и

*) Бернгеймъ «О гипнот. внушеніи», ч. 1, 143.

Чермакъ. Бываетъ, что одно животное очень легко удаётся загипнотизировать, съ другимъ нужна, по выраженію профессора, извѣстная «эдукація», т. е. повтореніе сеансовъ, потому что съ перваго раза лягушка спитъ недолго. Со своей стороны мы можемъ подтвердить справедливость этого заключенія *) о присутствіи у лягушекъ разныхъ степеней гипнотической способности.

*) Въ опытахъ, которые пришлось мнѣ производить лично, удалось подмѣтить, что, вообще, большія, тяжёлыя лягушки легче поддаются гипнозу, чѣмъ маленькія; на это, впрочемъ, указываютъ многіе изслѣдователи. Однажды мнѣ удалось достигнуть гипноза у одной лягушки въ нормальномъ ея положеніи. Это былъ большой экземпляръ зеленой лягушки. Я сидѣлъ на берегу, около котораго находилась старая, затопленная лодка. Въ нее какъ-то попала упомянутая лягушка, которая спокойно, тихо плыла ко мнѣ. Я взялъ небольшую мягкую ивовую вѣточку, на концѣ которой остался листикъ, и сталъ ею гладить по спинѣ животнаго, начиная отъ головы. Лягушка плавала, не ускоряя движеній. Я долгое время продолжалъ упомянутую манипуляцію; когда же животное было настолько близко ко мнѣ, что можно было достать его рукою, то я началъ гладить его двумя пальцами по спинѣ въ томъ же направленіи. Наконецъ, лягушка остановилась около борта лодки и не двигалась далѣе. Нѣкоторое время я все еще продолжалъ гладить ее, потомъ, тихонько взявъ рукою и положивъ на берегъ, гдѣ не прекращалъ прежней манипуляціи. Но, замѣтивъ, что животное не дѣлаетъ рѣшительно никакихъ движеній, я перевернулъ его на спину, — оно осталось въ приданномъ ему положеніи съ минутою или немного болѣе... Я пробовалъ повторить этотъ опытъ надъ другими лягушками, но потому-ли, что такого благопріятнаго случая болѣе не представлялось, или по другой причинѣ, только никогда онъ мнѣ больше не удавался. При другихъ способахъ гипноти-

Въ заключеніе, не останавливаясь на упоминаемой выше работѣ Э. Бернацкаго, болѣе преслѣдующей спеціальную цѣль — изслѣдованіе отношенія разныхъ медикаментовъ къ гипнозу, скажемъ только о конечныхъ ея выводахъ, имѣющихъ общее значеніе. Авторъ говоритъ, что число симптомовъ гипноза у лягушекъ «невелико, формъ его немного. Несмотря на это, гипнозъ этотъ не отличается отъ гипнотическихъ явленій у людей: все, что замѣчаемъ въ гипнозѣ животныхъ — каталепсію, анестезію, абулію, — находимъ и въ различныхъ стадіяхъ и въ формахъ человѣческаго гипноза».

Однако, нельзя не замѣтить, что гипнотизація, по видимому, оказываетъ на животныхъ болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ на человѣка. «Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, — говоритъ Гартингъ *), — я произвелъ множество опытовъ надъ животными, гипнотизированными по извѣстному методу — надъ курами, голубями, кроликами, морскими свинками, лягушками. Если одно и то же животное подвергалось гипнотизаціи нѣсколько разъ,

заціи тоже получались неодинаковые результаты, — одни экземпляры очень скоро поддавались гипнозу, другіе долго испытывали мое терпѣніе. Разъ у меня даже не хватило его, такъ какъ, продержавъ на спинѣ лягушку около 20 минутъ, я ее въ концѣ концовъ оставилъ въ покоѣ, ничего не добившись. Повидимому, истощеніе животнаго тоже оказываетъ благопріятное вліяніе на повышеніе гипнотической способности лягушекъ. По крайней мѣрѣ, тѣ три экземпляра, которые были мною найдены въ глубокой ямѣ, гдѣ они, вѣроятно, долго пробыли безъ пищи, очень легко поддались гипнотизаціи. Впрочемъ, это наблюдение требуетъ еще провѣрки на большемъ числѣ опытовъ.

*) Harting. Comptes rendus de l'Acad. des sciences, засѣданіе 13 февр. 1882 г. Приведено у Симона.

его нервная система оказывалась сильно расшатанной. У меня были куры, подвергавшіяся гипнотизаціи въ промежуткахъ отъ двухъ до трехъ дней. По прошествіи трехъ недѣль одна курица начала хворать, обнаружилась гемиплегія (параличъ половины тѣла), и животное издохло. То же произошло и съ остальными пятью курицами. Всѣ онѣ одна за другою поражались гемиплегіей, хотя и по прошествіи различныхъ промежутковъ времени. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ всѣ куры подошли».

Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть, что вопросъ о гипнозѣ у животныхъ, имѣющій столь большое значеніе въ дѣлѣ развитія нашихъ знаній о гипнотизмѣ, до сихъ поръ такъ мало разработанъ. Это едва-ли не единственный, какъ справедливо замѣчаетъ Бернацкій, фізіологическій вопросъ, «въ разрѣшеніи котораго мы идемъ не такимъ путемъ, какъ при изученіи иныхъ фізіологическихъ задачъ». Животныя, на которыхъ внушеніе, повидимому, не можетъ оказывать дѣйствія, а, стало быть, и осложнять явленій, служатъ прекраснымъ матерьяломъ для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ гипнотизма.

Тѣмъ не менѣе, высказывая это положеніе, нельзя считать его очень рѣшительнымъ. Что сравнительный методъ способенъ дать весьма плодотворные результаты, это не подлежитъ сомнѣнію, но относительно вопроса о вліяніи на животныхъ внушенія нельзя высказываться столь же рѣшительно, въ особенности, въ виду извѣстныхъ фактовъ передачи психическаго устройства отъ человѣка нѣкоторымъ животнымъ *).

*) См. объ этомъ у Féré, Folie communique de l'homme aux animaux, Comptes rendus le 25 Fevrie, 1893.

ЧАСТЬ II.

Теоретическое и практическое значеніе гипнотизма.

I. Способы гипнотизированія и пробужденія. — Классификація гипнотическихъ явленій и характеристика степеней гипноза. — Восприимчивость къ гипнотизированію.

Уже изъ предыдущей исторической части настоящей работы читатель имѣлъ возможность составить нѣкоторое понятіе о большей части способовъ гипнотизированія. Поэтому въ настоящей главѣ мы постараемся не повторять уже сказаннаго раньше, а только сведемъ его въ одно систематическое цѣлое, облегчающее возможность разобратся въ массѣ не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго приемовъ наведенія гипноза. При этомъ мы остановимся лишь на тѣхъ способахъ, о которыхъ намъ приходилось только вскользь упоминать, но которые, по своей теоретической и, въ особенности, практической важности заслуживаютъ наибольшаго вниманія, а именно, на разныхъ видахъ внушенія.

Изъ всѣхъ, занимавшихся вопросомъ о гипнотизмѣ, самый полный систематическій перечень главнѣйшихъ способовъ наведенія гипноза былъ составленъ членомъ

Лондонскаго Общества Психическихъ Изслѣдованій Майеромъ (Myers). Предлагая его вниманію читателя, мы оставляемъ его безъ всякихъ измѣненій, позволивъ себѣ сдѣлать лишь небольшія отступленія въ самомъ порядкѣ перечисленія, обусловливаемыя нѣкоторыми личными взглядами на степень доказательности различныхъ способовъ гипнотизма. Вотъ эта таблица.

I. Общее раздраженіе всей нервной системы.

а) Внезапная опасность.—Катаплексія насѣкомыхъ.—Очаровываніе (фосцинація) птицъ.

б) Неожиданный шумъ или свѣтъ (особенно при истеро-эпилепсін).

с) Неожиданное сильное rope (stupor atonitus).

II. Длительныя монотонныя раздраженія:

а) Тактильное: пассы, дуновеніе и пр.

б) Слуховое: тиканье часовъ, шумъ морскаго прибоя и пр.

с) Зрительное: продолжительное сосредоточеніе взгляда на одной точкѣ, особенно блестящей, дѣйствіе взгляда на челоѣка *).

III. Локализованныя раздраженія (раздраженія отдѣльныхъ частей тѣла, отличающихся особою чувствительностью):

а) Прикосновеніе къ тѣмъ или инымъ частямъ тѣла.

б) Брадовское сведеніе и разведеніе глазныхъ осей.

с) Надавливаніе на гипногенные участки (особенно у истеро-эпилептиковъ).

IV. Словесное внушеніе (раздраженіе опредѣленныхъ

*) Здѣсь, какъ читатель уже имѣлъ случай убѣдиться изъ предпоследней главы первой части, возможно допустить и другую причину.

участковъ мозга, сдѣлавшихся вслѣдствіе повторныхъ раздраженій особенно чувствительными).

а) Словесное приказаніе гипнотизера.

V. Спеціальные виды раздраженій (силы физическаго міра):

а) Лекарственные вещества.

б) Электричество и т. д.

VI. Самовнушеніе (трансъ обусловливаемый причинами, заключающимися *внутри* организма).

а) Наслѣдственная истерія и пр.

б) Идіопатическій сомнамбулизмъ.

с) Самонаведенный или самопродолженный трансъ.

VII. Мысленное внушеніе безъ всякаго соприкосновенія или телепатія (быть можетъ, болѣе, чѣмъ въ одной формѣ).

а) Напряженіе воли, не сопровождаемое прикосновеніемъ, пассами и пр.

б) Ощущеніе магнетизируемымъ какъ-бы физическаго присутствія въ комнатѣ магнетизера, находящагося на самомъ дѣлѣ на далекомъ разстояніи.

с) Возникновеніе въ сознаніи магнетизируемаго зрительнаго образа (фантазма) магнетизера, явленія умирающихъ въ минуту смерти и пр.

VIII. Раздраженіе нервной системы посредствомъ специфической «месмерической» силы.

а) Специфическое дѣйствіе прикосновенія къ различнымъ частямъ тѣла, между прочимъ, и къ гипногеннымъ областямъ.

б) Специфическое дѣйствіе пассовъ.

с) Специфическое дѣйствіе простой близости гипнотизера къ гипнотизируемому.

д) Дѣйствіе взгляда.

е) Дѣйствіе намагнетизированныхъ предметовъ.

IX. Специфическое дѣйствіе различныхъ веществъ на разстояніи.

а) Дѣйствіе медикаментовъ на разстояніи.

б) Дѣйствіе металловъ и пр. на разстояніи и т. д.

Въ первой части мы уже имѣли случай высказать нѣкоторые личные взгляды на разные приемы гипнотизированія, поэтому считаемъ возможнымъ оставить эту таблицу безъ комментаріевъ, ограничившись лишь замѣчаніемъ, что относительно трехъ послѣднихъ группъ явленій, а въ особенности VIII и IX, большая часть изслѣдователей гипнотизма не пришла еще къ окончательному, признающему реальность этихъ явленій, рѣшенію. На этомъ основаніи мы не будемъ здѣсь вдаваться въ ихъ разсмотрѣніе, свѣдѣнія же о состояніи этого вопроса въ настоящее время читатель найдетъ въ нашихъ очеркахъ, общее заглавіе которыхъ уже не разъ было упоминаемо.

Прежде чѣмъ, однако, перейти къ описанію способовъ гипнотизированія при помощи внушенія, мы позволимъ себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ относительно классификаціи гипнотическихъ явленій въ зависимости отъ способа ихъ вызыванія, на которую указываютъ приверженцы магнетической теоріи. Послѣдніе не только находятъ разницу въ состояніяхъ, получаемыхъ въ зависимости отъ способовъ гипнотизированія, но также полагаютъ, что эта разница обусловливается вліяніемъ различныхъ силъ.

Въ то время, какъ пассы и другіе аналогичные способы магнетическаго дѣйствія на организмъ человѣка, считаются ими вполне безвредными или даже полезными, остальные способы, при которыхъ совершается

извѣстное насиліе, выражающееся въ реакціи организма на утомляющія вліянія, они признають безусловно опасными для здоровья. Съ этимъ мнѣніемъ, которое, какъ мы видѣли, имѣетъ за себя и нѣкоторыя данныя, касающіяся вліянія гипнотизма на животныхъ (опыты Гартинга), нельзя не считаться. Во всякомъ случаѣ, приводя его здѣсь, мы считаемъ себя застрахованными отъ упрека въ злоупотребленіи вниманіемъ читателя. Но кромѣ разницы вліянія на организмъ въ зависимости отъ различія пріемовъ гипнотизированія, защитники магнетической теоріи признають, какъ мы сказали, и неодинаковость самихъ состояній, — въ первомъ случаѣ магнетическій сонъ, во второмъ — гипнозъ. Такое заключеніе они, очевидно, выводятъ изъ того положенія что одна и та же причина не можетъ оказывать на одинъ и тотъ же предметъ различнаго дѣйствія. Но относительно этого мнѣнія должно замѣтить, что оно, повидимому, является слѣдствіемъ недоразумѣнія, основаннаго на различіи въ пониманіи явленій гипнотизма.

Тѣмъ не менѣе, мы уже знаемъ, что сами Шарко и Ш. Рише, считаютъ возможнымъ объяснить то крутое несогласіе, которое царствуетъ между ними и школой Нанси, въ лицѣ Льебо и Бернгейма. Указывая на пользованіе послѣдними всегда однимъ и тѣмъ же пріемомъ вызванія гипноза, Рише этимъ объясняетъ и разницу въ получаемыхъ результатахъ. Но, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ А. А. Токарскій, «помощью различныхъ способовъ» можно «получать одно и то же состояніе у различныхъ лицъ, и съ помощью одного и того же способа вызывать различныя состоянія у одного и того же субъекта» *).

*) Архивъ психіатріи... 1888, XI; № 2, ст. 6.

Послѣ этого небольшого отступленія мы позволимъ себѣ перейти къ описанію способовъ вызыванія гипноза посредствомъ внушенія.

«Для того, чтобы усыпить субъекта, раньше никогда еще не гипнотизированнаго, нужно прежде всего, — говоритъ Бернгеймъ, — позаботиться объ освобожденіи его ума отъ того тайнаго страха передъ неизвѣстнымъ, который угнетаетъ паціента въ ожиданіи гипнотизированія. Для этого лучше всего усыпить при немъ кого-нибудь другаго и тѣмъ самымъ доказать, что въ гипнозѣ человѣкъ не испытываетъ никакого тягостнаго или болѣзненнаго ощущенія, что это состояніе не сопровождается никакимъ испытаніемъ. Если этого сдѣлать нельзя, то приходится дѣйствовать однимъ убѣжденіемъ, стараясь объяснить паціенту, что ему не грозитъ никакая опасность, что тутъ дѣло въ простомъ только снѣ, который можно вызвать у всякаго человѣка, снѣ спокойномъ, благотворномъ, восстанавливающимъ равновѣсіе нервной системы и проч. Когда субъектъ, наконецъ, тѣмъ или инымъ способомъ пріобрѣтетъ довѣріе къ гипнозу, тогда ему говорятъ: «Смотрите на меня пристально и думайте только о томъ чтобы спать. Сейчасъ вы почувствуете тяжесть въ вѣкахъ, усталость въ глазахъ; они мигаютъ, вотъ, начинаютъ слезиться; взглядъ дѣлается мутнымъ, вотъ, они закрываются». Многіе при этомъ закрываютъ глаза и засыпаютъ, съ другими еще приходится повозиться, нѣсколько разъ настойчиво повторяя имъ, что они непременно заснутъ. Для большаго успѣха внушенія можно присоединить жесты, «все равно, какого-бы характера они ни были», говоритъ тотъ же авторъ. «Я помѣщаю два пальца правой руки передъ глазами

субъекта, приглашаю фиксировать ихъ, или же обѣими руками я провожу сверху внизъ нѣсколько разъ передъ его глазами; а то еще я предлагаю ему фиксировать мои глаза и въ то же время стараюсь сосредоточить все его вниманіе на идеѣ о снѣ. Я говорю: «Вѣки ваши закрываются, вы не можете ихъ открыть. Вы испытываете тяжесть въ рукахъ и ногахъ; вы больше ничего не чувствуете; ваши руки неподвижны; вы ничего не видите; сонъ наступаетъ», — и тономъ, нѣсколько повелительнымъ, прибавляю: «Спите» *), послѣ чего пациентъ, дѣйствительно, очень часто засыпаетъ.

Въ случаѣ, если приходится имѣть дѣло съ субъектомъ, который сосредоточиваетъ все свое вниманіе не на идеѣ о снѣ, а только на буквальномъ выполненіи фиксаціи, причѣмъ онъ только безсмысленно таращитъ глаза, — совѣтуется сразу закрыть ему вѣки рукою и придержать въ этомъ положеніи нѣкоторое время, или, подражая происходящему во время естественнаго засыпанія, постепенно закрывать пациенту глаза. Когда это будетъ сдѣлано, то, не давая ему открывать глазъ, продолжаютъ внушеніе: гипнотизирующій говоритъ: «Глаза ваши слипаются, вы не можете ихъ открыть; сонъ овладѣваетъ вами все болѣе и болѣе, вы не можете ему сопротивляться долѣе и т. п.». При этомъ голосъ слѣдуетъ постепенно понижать и, наконецъ, тихо, но внушительно произнесенное слово «Спите!» обыкновенно довершаетъ дѣло.

«Пассы, фиксація глазъ или пальцевъ оператора, — говоритъ Бернгеймъ, — нужны единственно для сосредо-

*) Бернгеймъ. «О гипнот. внушен.», 2.

точенія вниманія, не составляютъ абсолютной необходимости» *). Бони же, напротивъ, думаетъ, что существуютъ «нѣкоторые люди, у которыхъ пассы дѣйствуютъ успѣшнѣе другихъ приѣмовъ» **). Увѣренность нѣкоторыхъ субъектовъ въ томъ, что ихъ нельзя загипнотизировать, можетъ составлять весьма серьезное препятствіе къ усыпленію, которое обыкновенно съ перваго раза и не удается. Въ такихъ случаяхъ настаивать не нужно; напротивъ, объяснивъ пациенту, что онъ слишкомъ занятъ анализомъ совершающихся въ немъ психическихъ процессовъ, слѣдуетъ заявить, что сонъ вовсе не обязателенъ для дѣйствительности внушенія, если только соблюдать безусловную неподвижность и спокойствіе. Иногда полезно бываетъ прекратить внушеніе и повторить его потомъ черезъ полчаса, или чрезъ нѣсколько минутъ, такъ какъ то, что не достигнуто съ перваго раза, удается иногда вызвать при третьемъ, четвертомъ приѣмѣ, когда субъектъ перестаетъ уже столь сильно интересоваться своимъ внутреннимъ состояніемъ. Форель приводитъ случай съ одною дамою, которую ему никакъ не удавалось загипнотизировать. «Истощивъ безуспѣшно всѣ свои уловки,—разсказываетъ онъ,—я попросилъ ее придти на другой день и, когда она встала, одѣла пальто и перчатки, я въ свою очередь всталъ и сказалъ ей, повидимому, совершенно непринужденно: «Присядьте, пожалуйста, еще на минутку», и при помощи немногихъ быстрыхъ и энергичныхъ внушеній загипнотизировалъ ее въ нѣсколько секундъ».

*) Ibid 3.

**) Le somnambulisme provoqué. Recherches physiol. et psychol. par Beauvins.

Въ дѣлѣ усыпленія, какъ показываетъ опытъ, много значить соблюденіе молчанія и неподвижности, при удобствѣ сидѣнія лучше всего съ закрытыми глазами, а со стороны гипнотизирующаго можно совѣтовать настойчивое, нѣсколько монотонное повтореніе однихъ и тѣхъ же формулъ вродѣ: «Ваше тѣло начинаетъ какъ будто нѣмѣть, чувствуется нѣкоторое оцѣпенѣніе, разливается пріятная теплота, нервная система успокаивается; руки и ноги тяжелѣютъ, вы ихъ не въ состояніи поднять; вѣки сами собою спадаются, теряютъ способность раскрываться, они становятся замѣтно теплѣе; вы не имѣете собственной воли; вы засыпаете»... Едва только будетъ замѣчено осуществленіе какого-нибудь изъ внушеній, нужно воспользоваться имъ для подтвержденія увѣренности паціента въ его способности быть усыпленнымъ. «Вотъ видите! Дѣло идетъ отлично. Вы уже начинаете погружаться въ состояніе пріятнаго забытья. Вотъ ваша рука теряетъ способность двигаться, вы ее уже не въ состояніи поднять... и т. д.

Подобнымъ путемъ вызывается гипнозъ. Правда, нерѣдко бываетъ, что его не удается получить сразу, а только послѣ нѣсколькихъ сеансовъ. Бони упоминаетъ даже объ одной дамѣ, которая была погружена въ сомнамбулическій сонъ только послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневныхъ бесплодныхъ сеансовъ!

Но за то, если субъекта удалось усыпить хоть разъ, то онъ, по выраженію Бони, «въ вашей власти»: сонъ каждый разъ наступаетъ скорѣе и скорѣе и въ концѣ концовъ можетъ быть, по вашему желанію, вызывается почти мгновенно, и притомъ всякими способами. Можно сказать субъекту: «едва я только скажу такое-то слово, сдѣлаю такой-то жестъ, такое-то дѣйствіе, или кто-ни-

будь изъ присутствующихъ произнесетъ опредѣленное число разъ извѣстное названіе и т. д.,—вы уснете», и субъектъ, дѣйствительно, въ самомъ разгарѣ разговора засыпаетъ, услышавъ магическіе звуки... Подобнаго рода внушенія можно варьировать до безконечности, связывая исполненіе ихъ не только со словами и дѣйствіями другихъ лицъ, но и самого паціента, который, согласно внушенію, засыпаетъ, усѣвшись на опредѣленномъ стулѣ, пройдя по комнатѣ, отворивъ дверь, взявъ въ руки зонтикъ, надѣвъ шляпку, произнеся какую-нибудь фразу, открывъ окно, словомъ,—нѣтъ того дѣйствія, съ совершеніемъ котораго нельзя связать сонъ субъекта, бывавшаго уже загипнотизированнымъ. Онъ можетъ сколько угодно оттягивать исполненіе этого дѣйствія, но разъ оно совершено, сонъ неминуемо наступаетъ. «Это,—замѣчаетъ Бони,—очень удобный способъ для усыпленія субъекта *противъ его воли*». Очень впечатлительныхъ паціентовъ можно погрузить въ сонъ однимъ только словомъ: «Спите!», произнесеннымъ властнымъ тономъ.

Бони приводитъ довольно интересный примѣръ внушенія идеи сна въ связи съ извѣстнымъ дѣйствіемъ субъекта даже въ отсутствіи гипнотизера. «Однажды,—говоритъ авторъ,—когда я по случаю каникулъ на нѣсколько мѣсяцевъ покидалъ Нанси, m-lle A. E., которую я обыкновенно почти ежедневно гипнотизировалъ, сказала мнѣ:

— «Теперь вы не будете меня болѣе гипнотизировать: вы уѣзжаете.

— «Это ничего не значитъ; я дамъ вамъ магнетизированные жетоны; когда вы захотите спать, вы только опустите одинъ изъ нихъ въ стаканъ съ подсахаренною водой, и вы заснете черезъ четверть часа.

«Затѣмъ, подумавши, я сказалъ ей:

— «Но есть гораздо болѣе простое средство: когда вы захотите спать, вы скажите только, произнеся мое имя: «Усыпите меня»— и вы сейчасъ же заснете. Испытайте сейчасъ же, и вы увидите, удастся-ли это.

«Но она отнюдь не имѣла убѣжденнаго вида, и, признаюсь, несмотря на мою видимую увѣренность, я и самъ очень мало былъ убѣжденъ. Она уходитъ въ садъ, а я остаюсь въ комнатахъ, чтобы не вліять на нее взглядомъ или своимъ присутствіемъ».

Черезъ нѣкоторое время профессоръ узналъ, что она, дѣйствительно, спитъ.

Желая убѣдиться, нѣтъ-ли при этомъ вліянія близости гипнотизера, Бони просилъ Льебо, къ которому А. Е. приходила во время отсутствія автора, наблюдать за нею и извѣщать его. «Результатъ былъ совершенно такой же. Ей стоило произнести сакраментальныя слова,—и она немедленно засыпала» *).

Въ этомъ примѣрѣ заключается, до извѣстной степени, переходъ къ самоусыпленію, о которомъ упоминалъ еще Брэдь.

Льебо рассказываетъ объ одномъ глухонѣмомъ, который не только способенъ былъ усыплять себя по произволу, но который могъ внушать себѣ всевозможныя галлюцинаціи, имѣвшія для него характеръ полной реальности. О такихъ случаяхъ самоусыпленія рассказываютъ многіе авторы, и мы на этомъ останавливаться далѣе не будемъ. Упомянемъ только о возможности обоюднаго усыпленія двухъ способныхъ къ гип-

*) «Гипнотизмъ», 14.

нозу субъектовъ. Объ этомъ упоминають между прочими авторами Ладамъ *) и Бони, который наблюдалъ двухъ паціентокъ, впадавшихъ въ гипнозъ при пристальномъ глядѣніи другъ другу въ глаза **).

Изъ сказаннаго читатель можетъ видѣть, что гипнотизированіе далеко не представляетъ такихъ трудностей, какъ могло сначала казаться. Но при этомъ является вопросъ, можно-ли усыпить челоуѣка безъ его вѣдома? Бони полагаетъ это возможнымъ и приводитъ примѣры усыпленія при помощи пассовъ сзади субъекта, который ничего не подозрѣвалъ объ этомъ. Въ особенности, это ему удавалось на m-lle A. E. Но эта весьма способная къ гипнозу паціентка, много разъ усыпляемая, находилась въ томъ постоянномъ безсознательномъ общеніи съ гипнотизеромъ, о которомъ намъ еще придется говорить ниже, поэтому ея вполне искреннее заявленіе, что она не знала о дѣлавшихся сзади ея пассахъ, не можетъ приниматься въ расчетъ. Тотъ же авторъ указываетъ, впрочемъ, на другой, болѣе сложный опытъ, которымъ онъ пытается доказать возможность такого рода явленія. На Востокѣ усыпленіе безъ вѣдома субъекта считается дѣломъ, не представляющимъ затрудненій, но крайней мѣрѣ, по увѣренію нѣкоторыхъ путешественниковъ. Послѣднія извѣстія, касающіяся вопроса о такъ называемомъ «симпатизмѣ», повидимому, тоже подтверждаютъ возможность такого рода гипнотизирования. Тѣмъ не менѣе, пока этотъ вопросъ слѣдуетъ еще считать открытымъ.

*) Ladame. La Névrose hypnotique ou le Magnétisme dévoilé. Neuchatel. 1881.

**) «Гипнотизмъ», 12—13.

Къ нему тѣсно примыкаетъ другой — о возможности усыпленія субъекта противъ его воли. Относительно этого вопроса царствуетъ меньшее разногласіе. Безусловнымъ противникомъ положительнаго его рѣшенія слѣдуетъ считать профессора Бернгейма, который вслѣдъ за Бредомъ утверждаетъ, что «никто не можетъ быть усыпленъ противъ воли» и затѣмъ прибавляетъ: «если онъ сопротивляется приказанію» *).

Но, какъ справедливо замѣчаетъ Бони и нѣкоторые другіе авторы (между прочимъ Бине и Фере), это вовсе не отвѣтъ, такъ какъ тутъ дѣло именно въ томъ и заключается, можно-ли «сопротивляться» гипнотизированію. Если относительно лицъ, никогда не бывшихъ загипнотизированными, это не подлежитъ сомнѣнію, — хотя на востокѣ, опять-таки держатся иного взгляда, — то о субъектахъ, прежде усыпавшихся, вопросъ стоитъ совсѣмъ иначе. Воля ихъ настолько можетъ быть ослаблена, что они «къ подобному-то сопротивленію приказанію и неспособны». Такое порабощеніе личности субъекта составляетъ вовсе нерѣдкое явленіе, но объ этомъ читатель найдетъ свѣдѣнія ниже.

Что касается сопротивленія пріемамъ гипнотизированія субъектовъ, никогда прежде не бывавшихъ усыпленными, то лучшимъ къ тому средствомъ является смѣхъ. «Лишь только, — говоритъ Бони, — человѣкъ, котораго вы желаете усыпить, начинаетъ смѣяться и обращаетъ все дѣло въ шутку, вы можете оставить вашу попытку, — она не удастся» **). Но само собою понятно, что все это касается лишь тѣхъ лицъ, которые

*) Bernheim, Revue médicale de l'Est. 1884, 556.

**) «Гипнотизмъ», 15.

увѣрены, что могутъ быть загнипнотизированы, обратная же сильная увѣренность сама по себѣ служить хорошею гарантіею неуспѣха внушенія сна. Нужно продолжительное «воспитаніе» съ цѣлью освобожденія субъекта отъ этой идеи.

Переходя теперь къ способамъ пробужденія, считаемъ необходимымъ замѣтить, что, хотя оно и совершается очень легко, тѣмъ не менѣе нужно помнить существованіе извѣстной зависимости между приѣмами гипнотизированія и пробужденія. Такъ, напримѣръ, Бернгеймъ, который усыпляетъ всецѣло посредствомъ внушенія, можетъ сколько угодно дуть въ лицо паціенту, и тотъ вовсе не просыпается, но достаточно сказать «проснитесь», — и сонъ прекращается. «Существуетъ, повидимому, родъ параллелизма, — говорятъ Бине и Фере *) — между причинами, порождающими гипнозъ, и причинами дегипнотизирующими; въ томъ и другомъ случаѣ онѣ относятся къ возбужденіямъ кожнымъ, чувствилищнымъ или психическимъ». У нѣкоторыхъ истеричныхъ, подобно тому, какъ существуютъ извѣстныя гипногенныя области, имѣются также и гипно-френтическіе участки, давленіе на которые вызываетъ пробужденіе. При извѣстныхъ способахъ гипнотизаціи, употребляемыхъ школою Сальпетріеръ, достаточно помахать спящему въ лицо вѣеромъ или дунуть, и онъ просыпается, причемъ, если заслонить одну половину лица экраномъ, то просыпается только половина тѣла, до которой дошло дуновеніе. Эти опыты, впрочемъ, не безъ основанія признаются Бернгеймомъ основанными на внушеніи.

Кромѣ упомянутыхъ способовъ пробужденія, оно мо-

*) Le Magnétisme animal, рус. пер., 106.

жегъ быть достигнуто тѣмъ же путемъ, какъ и усыпленіе: подобно тому, какъ можно загипнотизировать субъекта, внушивъ ему, что онъ уснетъ, положимъ, черезъ четверть часа, на такомъ-то словѣ и пр., точно также можно внушить паціенту и пробужденіе по минованіи извѣстнаго промежутка времени и т. д.

Этихъ свѣдѣній объ усыпленіи и пробужденіи мы считаемъ достаточными для того, чтобы перейти къ классификаціи гипнотическихъ явленій.

Читатель уже изъ первой части знаетъ, что школа Шарко, исходя изъ того положенія, что только у истеричныхъ можно встрѣчать полную картину гипнотическихъ явленій, раздѣляетъ послѣднія на три фазы большаго гипнотизма: летаргическую, каталептическую и сомнамбулистическую. Другая же школа, именно Нансійская, держась совершенно иныхъ воззрѣній на природу гипнотическихъ явленій, устанавливаетъ и свою особую классификацію, основанную преимущественно на психическихъ признакахъ, причемъ здѣсь обращено вниманіе на совершенно игнорируемыя сальпетріерцами явленія малаго гипноза. Уже изъ этого читатель можетъ видѣть, что для всесторонняго изученія гипнотизма нужно принимать во вниманіе какъ одну, такъ и другую классификацію; но кромѣ того, хотя подраздѣленія Парижской школы, строго говоря, примѣнимы только къ истеричнымъ, тѣмъ не менѣе, въ виду почти полнаго отсутствія въ классификаціи ея противниковъ соматическихъ признаковъ, приходится постоянно имѣть въ виду наблюденія, сдѣланныя въ Сальпетріерѣ, которыя касаются состоянія мышцъ, периферическихъ нервовъ, измѣненій кровообращенія и дыханія.

Итакъ, постараемся сдѣлать краткую характеристику тѣхъ девяти степеней (у Льебо шесть), которыя Бернгеймъ считаетъ достаточными для подведенія подъ нихъ большинства случаевъ гипноза.

Первая степень, по мнѣнію этого автора *), главнымъ образомъ характеризуется способностью къ внушенію нѣкоторыхъ органическихъ актовъ, напримѣръ, удастся въ этой степени уничтожить застарѣлыя мышечныя и нервныя боли, вызывать теплоту въ определенной области тѣла и т. п. Въ этомъ состояніи субъектъ не спитъ, а только держитъ закрытыми глаза. «Не слѣдуетъ, однако, испытывая его, разрѣшать ему открыть глаза, потому что онъ ихъ откроетъ. Вторая степень отличается отъ первой тѣмъ только, что субъектъ не въ состояніи произвольно открыть глаза. Въ третьей степени пациентъ, находящійся въ состояніи оцѣпенѣнія или бодрствованія, при закрытыхъ или открытыхъ глазахъ, обнаруживаетъ «способность къ внушенной каталепсiи», которая, однако, можетъ быть прекращена «призваніемъ къ дѣятельности оцѣпенѣлой, но небезсильной воли субъекта». Въ четвертой степени воля его по отношенію къ каталепсiи безсильна, онъ не можетъ «перемѣнить вызванное у него положеніе». Въ этомъ состояніи иногда бываетъ возможно сообщить, особенно рукамъ, ротаторное автоматическое движеніе, могущее продолжаться долго или безконечно». Но, призвавъ на помощь усиліе воли пациента, иногда удастся прекратить это движеніе. Пятая степень характеризуется кромѣ того

*) Bernheim. «О гипнот. внушен.» часть втор., 312—319.

возможностью внушенной контрактуры. Такому субъекту положительно, несмотря на всё его усилія, не удастся согнуть руки, раскрыть или закрыть ротъ и т. д. Въ шестой степени проявляется еще извѣстная доля автоматической покорности. Предоставленный себѣ, субъектъ вполне инертенъ и пассивенъ; подъ вліяніемъ внушенія, онъ встаетъ, ходитъ или остается на мѣстѣ, словомъ,—дѣлаетъ все, что ему приказываютъ, но ни на волосъ болѣе этого. Достаточно сказать ему, что онъ не можетъ подвинуться впередъ, и онъ останется пригвожденнымъ къ мѣсту... Седьмая степень характеризуется амнезіею по пробужденіи, чего не замѣчается въ первыхъ шести состояніяхъ, когда субъекты сохраняютъ память о происходившемъ съ ними во время опыта. Въ этой послѣдней степени явленія каталепсіи, контрактуры, автоматичности движеній и «покорности» можетъ не быть вовсе, хотя такое состояніе сомнамбулизма довольно рѣдко, обыкновенно же всё эти явленія сопутствуютъ амнезіи, или недостаетъ какого-нибудь одного изъ нихъ. Въ восьмой степени ко всему, характеризующему предыдущую форму, прибавляется «способность къ галлюцинаціямъ во время сна». Наконецъ, девятая степень выражается въ «возможности реализаціи гипнотическихъ и постъ-гипнотическихъ галлюцинацій» *). Эти обманы чувствъ бываютъ здѣсь яснѣе выражены и гораздо пластичнѣе, чѣмъ въ предыдущей степени.

Что касается явленій внушенной анестезіи или только

*) Внушенные во снѣ галлюцинаціи, которыя должны случиться во время бодрствованія. О нихъ говорится ниже.

анальгезіи (нечувствительности къ боли), то они могутъ встрѣчаться во всѣхъ степеняхъ гипноза, но главнымъ образомъ ихъ можно наблюдать въ послѣднихъ формахъ глубокаго сомнамбулизма, когда эти явленія наблюдаются чаще и бываютъ яснѣе выражены.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, главные, существенныя черты разныхъ степеней гипноза по Бернгейму. Другіе авторы придерживаются болѣе простой классификаціи, напримѣръ, Форель дѣлитъ явленія гипноза на три степени, Бони—на пять (сонливость, легкій сонъ, глубокій сонъ, очень глубокій сонъ и сомнамбулизмъ) и т. д. Но для насъ это не имѣетъ значенія.

Уже изъ самого признанія необходимости классификаціи гипнотическихъ явленій читатель могъ видѣть, что воспріимчивость къ гипнозу должна быть далеко неодинакова у разныхъ лицъ. Если подъ гипнотизированіемъ понимать «вызываніе особаго психическаго состоянія, которое усиливаетъ способность къ внушенію»*), стало быть, необязательно сопровождается сномъ, то смѣло можно принять мнѣніе профессора Фореля**) который говоритъ: «Всякій психически здоровый человѣкъ можетъ быть загипнотизированъ. Только извѣстное временное настроеніе души можетъ препятствовать проявленію гипноза». Но само собою понятно, что сонъ представляетъ самое лучшее условіе воспріятія внушенія, и къ полученію его стремятся всѣ гипнотизеры. Нѣкоторые изъ нихъ считаютъ даже удачными только тѣ случаи гипнотизированія, въ которыхъ имъ удастся получить ту или иную степень сна.

*) Ibid. 319.

**) Forel. «Гипнотизмъ, его значеніе и примѣненіе», 26.

Этою-то неодинаковостью отношеній къ успѣшности гипнотизированія разныхъ авторовъ можетъ быть отчасти объяснена разниа въ показаніяхъ относительно воспріимчивости разныхъ лицъ къ гипнозу. Бони на основаніи данныхъ доставленныхъ ему Льебо, составилъ таблицу изъ которой можно судить о процентномъ отношеніи пяти степеней гипноза у разныхъ лицъ въ зависимости отъ возраста.

ВОЗРАСТЪ.	Сомнамбулизмъ	Очень глубо- кій сонъ.	Глубокой сонъ	Легкій сонъ.	Сонливость.	Неподдающе- ся вліянію гип- ноза.
Отъ 7 лѣтъ . .	26,5	4,3	13,0	52,1	4,3	—
» 7 до 14 л. .	55,3	7,6	23,0	13,8	—	—
» 14 » 21 г. .	25,2	5,7	44,8	5,7	8,0	10,3
» 21 » 28 л. .	13,2	5,1	36,7	18,3	17,3	1,9
» 28 » 35 л. .	22,6	5,9	34,5	17,8	13,0	5,9
» 35 » 42 л. .	10,5	11,7	35,2	28,2	5,8	8,2
» 42 » 49 л. .	21,6	4,7	29,2	22,6	9,4	12,2
» 49 » 56 л. .	7,3	14,7	35,2	27,9	10,2	4,4
» 56 » 63 л. .	7,3	8,6	37,6	18,8	13,0	14,4
» 63 » и выше.	11,8	8,6	38,9	20,3	6,7	13,5

Въ этой таблицѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ дѣтствѣ и юности всѣ субъекты подчиняются вліянію гипнотизированія, причемъ пропорція сомнамбулистовъ въ этомъ періодѣ очень велика (до 7 лѣтъ — 26,5%, а отъ 7 до

14—55,3%). Наоборотъ, въ старости замѣчается пониженіе% сомнамбулистовъ, хотя и здѣсь еще пропорція довольно велика, такъ какъ она колеблется между 7,3 и 11,8%, Что же касается вопроса объ относительной воспримчивости мужчинъ и женщинъ къ гипнозу, то, вопреки общепринятому мнѣнію, «эта пропорція почти тождественна для сомнамбулизма: 18,8% для мужчинъ и 19,4% для женщинъ» *); нѣсколько большая разниа замѣчается въ отношеніи лицъ, неподдавшихся вліянію гипнотизированія: 10,8% для мужчинъ и 6,6% для женщинъ. Но и здѣсь, въ виду недостаточности числа наблюденій и гипнотизированій, примѣнявшихся къ отдѣльнымъ личностямъ, нельзя выводить какихъ-либо заключеній, такъ какъ возможно, что тѣ субъекты, которые были въ началѣ занесены въ графу оставшихся безъ вліянія, при большемъ числѣ гипнотизированій могли быть усыплены. Форель **), напримѣръ, приводитъ письмо Бернгейма, который сообщилъ ему случай съ одною больною, которую Льебо не удавалось усыпить даже въ дѣтствѣ. «Послѣ двухъ безплодныхъ попытокъ,—разсказываетъ авторъ письма,—я говорю ей: «это рѣшительно все равно, спите вы или нѣтъ. Я буду вамъ магнетизировать животъ, грудь и желудокъ и, такимъ образомъ, прогоню боль». Я закрываю ей глаза и втеченіи 10 минутъ повторяю вышесказанное внушеніе. Боли исчезли безъ сна, хотя возобновились послѣ ужина. На другой день я повторилъ ту же процедуру съ тѣмъ же успѣхомъ. Къ вечеру боль снова появилась, но гораздо легче. Сегодня, когда я на-

*) Бони, «Гипнотизмъ», 5—6.

**) Forel, 27—28.

чалъ то же внушеніе, я вмѣстѣ съ исчезновеніемъ бо-
лей получилъ глубокой гипнотическій сонъ съ «амнезією».

«Вся суть во внушеніи, — прибавляетъ Бернгеймъ;
во всякомъ отдѣльномъ случаѣ должно найти пружину
(il faut trouver le joint), приводящую въ движеніе или
возбуждающую индивидуальную воспріимчивость каждаго»

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, одни субъ-
екты очень скоро поддаются гипнотизаціи, другіе же
требуютъ многихъ повтореній гипнотизированія и даже,
можетъ быть, существуютъ, — чего впрочемъ доказать не-
льзя, — и вовсе неспособные къ гипнозу. Въ практическомъ
отношеніи весьма важно опредѣлить заранѣе, безъ по-
мощи гипнотизированія, индивидуальную воспріимчивость
пациента... Съ этою цѣлью г. Охоровичъ изобрѣлъ особый
приборъ названный гипноскопъ. Послѣдній состоитъ
изъ магнитной ленты, свернутой въ трубу длиною до
5,5 стм., діаметромъ въ 3,4 стм., при вѣсѣ въ 169 грм.
Она, однако, не представляетъ собою вполне замнутаго
цилиндра, а имѣетъ продольную прорѣзь шириною около
1 стм. Этотъ магнитный цилиндрикъ, полюсы котораго
находятся по краямъ прорѣзи, надѣвается на палецъ
испытываемаго субъекта такимъ образомъ, чтобы послѣд-
няя покоилась на его ладонной поверхности. Характеръ
и интенсивность наблюдаемыхъ при этомъ впечатлѣній
служатъ указаніемъ не только способности къ гипнозу,
но даже и степени этой способности. Испытываемыя
явленія, начинающіяся въ одномъ или въ другихъ паль-
цахъ, могутъ выражаться въ аналгезіи, анестезіи, па-
раличѣ, контрактурѣ пальца или цѣлой руки и даже
могутъ доходить до сомнамбулизма.

Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ разсмотрѣніе
происхожденія этихъ вполне реальныхъ явленій, кото-

рыя одними считаются слѣдствіемъ внушенія, другіе же, напротивъ, видятъ въ нихъ специфическое дѣйствіе магнита, — это вопросъ, пока еще нерѣшенный. Но, если наше личное мнѣніе имѣетъ для читателя какое-нибудь значеніе, то, на основаніи сказаннаго въ VII главѣ первой части, нетрудно предвидѣть возможное съ нашей стороны заключеніе. X

II. Характеристика психическаго состоянія въ гипнозѣ. — Отношеніе пациента къ гипнотизеру. — Определеніе понятія «внушеніе».

Вопросъ, который намъ предстоитъ разсмотрѣть въ настоящей главѣ, представляетъ собою наиболѣе трудную часть психологіи. Трудность эта еще болѣе возрастаетъ вслѣдствіе недостатка положительныхъ данныхъ, которыя могли-бы служить хотя-бы только для маломальски сноснаго объясненія явленій, столь еще недавно включенныхъ въ область неудачнаго изслѣдованія. До сихъ поръ, оставаясь въ полномъ невѣдѣніи относительно психо-фізіологической природы гипнотическихъ явленій, мы принуждены ограничиваться разными догадками, построенными почти исключительно на аналогіяхъ. Поэтому, пусть читатель не сѣтуетъ на насъ, если столь интересный вопросъ, какимъ является психическое состояніе во время гипноза, не будетъ разсмотрѣнъ нами съ тою подробностью и тщательностью, какой онъ, по справедливости, заслуживаетъ.

Что гипнозъ представляетъ собою состояніе родственное обыкновенному сну, въ этомъ въ настоящее время почти не сомнѣваются. Главное же различіе между ними находятъ въ той довольно загадочной связи, которая суще-

ствуешь между гипнотизеромъ и субъектомъ. Но, помимо трудности объясненія этого явленія, сама по себѣ аналогія между сномъ и гипнозомъ въ сущности весьма мало способствуетъ выясненію вопроса—главнымъ образомъ въ виду того, что и обыкновенный сонъ до сихъ поръ еще не имѣетъ своей общепризнанной теоріи.

Намъ уже приходилось слегка касаться фізіологической теоріи сна *), поэтому не станемъ здѣсь возвращаться къ этому вопросу. Замѣтимъ только, что и гипнозъ стараются объяснить дѣятельностью мозга, рождающеюся подъ вліяніемъ угнетенія высшихъ центровъ сознанія, но отъ этого вопросъ нисколько не становится яснѣе. Говоря о причинахъ сна, фізіологи обыкновенно видятъ ихъ въ усталости. Но, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Форель, такое толкованіе явленія встрѣчаетъ массу неразрѣшимыхъ затрудненій, изъ которыхъ главными являются: всѣмъ извѣстный фактъ частой бессонницы вслѣдствіе сильной усталости; увеличеніе потребности сна въ зависимости отъ возрастанія числа часовъ, проводимыхъ въ немъ; независимость во многихъ случаяхъ чувства усталости, сонливости и дѣйствительнаго утомленія другъ отъ друга; наконецъ, сплошь и рядомъ наблюдаемое явленіе незасыпанія, несмотря на увеличивающуюся усталость, разъ только пропущено время сна.

Разныя попытки объясненія явленій гипнотизма вродѣ

*) «Пророческіе сны» (Въ очеркахъ «Вѣрить или не вѣрить»? «Прир. и Люди» за текущій годъ.

теорій: Румпфа ¹⁾, Прейера ²⁾, Шнейдера ³⁾, Эспинаса ⁴⁾, Проспера Депина ⁵⁾ и другихъ представляются или вовсе неудовлетворительными, или же не охватывающими всей совокупности гипнотическихъ явленій. Мы до сихъ поръ не можемъ найти удовлетворительныхъ объясненій общезвѣстнаго явленія воспріятія во снѣ нѣкоторыхъ впечатлѣній, относительно довольно слабыхъ, въ то время какъ другія, которыя, повидимому, должны были-бы оказывать на насъ довольно сильное дѣйствіе, вовсе не воспринимаются. Физіологическое измѣреніе глубины сна по силѣ звука, необходимаго для пробужденія спящаго, оказывается вовсе непримѣнимымъ къ нѣкоторымъ фактамъ. «Иная заботливая мать просыпается,—говоритъ Форель,—при малѣйшемъ движеніи своего ребенка, между тѣмъ какъ храпъ ея благовѣрнаго или другой привычный»—(можетъ быть и не привычный, лишь-бы неслишкомъ сильный)—«звукъ отнюдь не будитъ ее». Здѣсь, стало быть, наблюдается явленіе, аналогичное состоянію гипнотика, который слышитъ самыя слабыя слова гипнотизера, оставаясь глухимъ къ другимъ очень сильнымъ звукамъ. По Форелю и еще нѣкоторымъ авторамъ, это объясняется безсознательнымъ самовнушеніемъ точно такъ же, какъ и разныя другія приписываемыя обыкновенно привычкѣ обстоя-

¹⁾ Rumpf. Deutsche medic. Wochenschr. 1880.

²⁾ Preyer. Die Entdeck. des Hypnotismus. Berlin. 1881.

³⁾ Schneider. Die psych. Ursache der hypnotisch. Erscheinungen. Leipzig. 1880.

⁴⁾ Espinas. Du sommeil provoqué chez les hystériques... Bullet. de la Société d'antrop. de Bordeaux I. 1884.

⁵⁾ Despine. Etude scientif. sur le somnambulisme. Paris. 1880.

тельства, способствующія засыпанію. Сюда относятся: определенное время, положеніе и даже мѣсто,—условіе, давно подмѣченное въ практической жизни и сдѣлавшееся предметомъ ходячей истины, что на новомъ мѣстѣ не спится. Послѣднее, впрочемъ, обстоятельство, на нашъ взглядъ, скорѣе зависитъ не отъ самовнушенія, а отъ увеличенія числа мелкихъ, непривычныхъ впечатлѣній, сопровождающихъ засыпаніе, и, стало быть, отвлекая, мѣшающихъ наступленію сна.

Къ числу условій, способствующихъ возбужденію сонливости, принадлежатъ разныя монотонныя слуховыя и зрительныя раздраженія, какъ, напримѣръ, невыразительное чтеніе, обыкновенныя проповѣди, чтеніе «на сонъ грядущій» и т. д. Все это, въ связи съ удобнымъ положеніемъ тѣла, мракомъ, а также разными ассоціативными явленіями вродѣ зѣвоты, миганія, потягиванія и, въ особенности, непреодолимаго опусканія вѣкъ, увеличивающихъ субъективное ощущеніе сонливости,—способствуетъ также, какъ мы видѣли, и наступленію гипноза.

Но аналогія этимъ не ограничивается. Наблюдая за разнаго рода субъектами во время ихъ сна, мы замѣчаемъ, что въ то время, какъ одни, связь которыхъ съ вѣшнимъ міромъ очень тѣсна, спятъ очень чутко и при малѣйшемъ шорохѣ просыпаются, другіе, напротивъ, реагируютъ на чувствительныя раздраженія, разговариваютъ, отвѣчаютъ на вопросы, перестаютъ, по просьбѣ, храпѣть, совершаютъ самыя сложныя движенія, даже иногда встаютъ и работаютъ, и все это дѣлается, не просыпаясь. Такихъ субъектовъ, какъ замѣчено нѣкоторыми наблюдателями (Гейшдленъ, Бони, Бернгеймъ и др.), можно мало по малу перевести изъ нормальнаго сна въ гипнотическій.

Анализируя состояніе сознанія во снѣ, мы замѣчаемъ прежде всего, что въ этомъ состояніи не существуетъ опредѣленной границы между воспріятіями и представленіями, такъ какъ послѣднія приобрѣтають характеръ субъективныхъ воспріятій, другими словами, выражаются въ галлюцинаціяхъ. Эти обманы чувствъ, не обладая достаточной пластичностью и отчетливостью, могутъ оказывать на центральную нервную систему вліяніе, граничащее съ реальными впечатлѣніями, а иногда даже, вслѣдствіе отсутствія разумной критической оцѣнки, и болѣе сильное. Логика въ глубокомъ снѣ весьма рѣдко обнаруживаетъ свое вліяніе, а въ легкомъ — присутствіе ея хотя и замѣтно, но сильно ослаблено. Не то-ли же самое замѣчаемъ мы и во время гипноза? Тѣ же галлюцинаторныя представленія, только болѣе пластичныя, то же вліяніе ихъ на органы чувствъ, та же потеря критическаго анализа положеній. Но, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Форель, эти условія наиболѣе благопріятствуютъ воспріятію внушеній. Люди глубокоспящіе обыкновенно способны впадать въ глубокій гипнозъ, въ теченіи котораго воля ихъ всецѣло находится во власти гипнотизера. У нормально глубоко-спящихъ субъектовъ явленіе сомнамбулизма встрѣчается чаще всего. Въ это время спящій бродитъ по комнатѣ, разговариваетъ, совершаетъ разныя, нерѣдко довольно сложныя дѣйствія, подчасъ даже преступнаго характера, а по пробужденіи рѣшительно ничего не помнитъ. При легкомъ же снѣ амнезія рѣдко бываетъ полная. Здѣсь, стало быть, наблюдается то же самое, что и при глубокомъ и легкомъ гипнозѣ.

Что касается просыпанія, которое у нѣкоторыхъ субъектовъ можетъ совершаться къ извѣстному заранѣе опре-

дѣленному сроку, то это, подобно засыпанію, представляетъ тотъ же результатъ внушенія.

Для характеристики психическаго состоянія во время гипноза слѣдовало-бы разсмотрѣть состояніе памяти, чувствъ, интеллекта и т. д. Но, съ одной стороны, недостатокъ мѣста, которое намъ нужно экономить для послѣдующаго изложенія, съ другой—въ виду того, что изъ примѣровъ, приводимыхъ въ дальнѣйшихъ главахъ, читатель будетъ въ состояніи составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ вопросѣ, мы постараемся быть здѣсь возможно краткими.

Прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о чувствахъ во время гипноза, не упуская изъ виду фазъ такъ называемаго большого гипнотизма, которыя, хотя и рѣдко встрѣчаются, но имѣютъ большое теоретическое значеніе. У усыпленныхъ субъектовъ всѣ вообще чувства представляютъ переходы отъ анестезіи къ гиперестезіи. Самымъ, такъ сказать, устойчивымъ чувствомъ является слухъ, который, повидимому, до извѣстной степени бодрствуетъ даже во время летаргіи, когда, какъ думаютъ многіе, всѣ остальные чувства подавлены. При каталепсѣ мышечное чувство находится въ состояніи полной дѣятельности. Въ сомнамбулизмѣ же всѣ чувства болѣе или менѣе возбуждены. Термическая чувствительность повышается до такой степени, что больные, какъ говоритъ Брэдъ, ощущаютъ холодъ отъ самаго легкаго дуновенія на разстояніи нѣсколькихъ метровъ. Тактильная чувствительность, согласно Берже, почти удваивается. Обоняніе достигаетъ невѣроятной остроты, приближающей субъекта въ этомъ отношеніи къ собакамъ. Извѣстны случаи отыскиванія, по запаху, спрятанной перчатки, кусковъ изорванной визитной карточки, кото-

рую сомнамбулъ предварительно понюхаль (Тагюэ). Зрѣніе въ отношеніи остроты и величины поля иногда почти удваивается. Наконецъ, слухъ дѣлается подчасъ до такой степени тонкимъ, что субъектъ слышитъ, какъ рассказываетъ Азамъ, разговоръ въ нижнемъ этажѣ. Изслѣдованія Бони надъ остротою слуха при помощи прибора Дюбуа-Реймона, уничтожающаго возможность притворства со стороны испытуемыхъ, которые не могутъ знать, когда токъ замыкается и размыкается, дали, несмотря на малочисленность опытовъ, весьма интересные результаты. Сопоставленіе ихъ съ опытами того же ученаго надъ опредѣленіемъ времени реакціи на слуховыя и осязательныя ощущенія приводитъ къ заключенію, «что посредствомъ гипнотическаго внушенія можно увеличить остроту слуха и ускорить время реакціи на слуховыя и осязательныя ощущенія» *).

Относительно состоянія памяти въ сомнамбулизмѣ наблюденія показываютъ, что какъ во время этого сна, такъ и послѣ пробужденія, она имѣетъ много общаго съ памятью во время и послѣ обыкновеннаго глубокаго сна: та же амнезія по отношенію къ событіямъ во время сна и отсутствіе воспоминаній о томъ, что удалось субъекту припомнить во время сна. Въ бодрственномъ состояніи мы получаемъ массу впечатлѣній, которыя или вовсе не доходятъ до нашего сознанія **), или вскорѣ забыва-

*) Бони. «Гипнотизмъ», 50. Кромѣ того, можно посоветовать прочесть изслѣдованія того же автора: *Recherches experimentales sur les conditions de l'activite cerebrale etc.*, гдѣ читатель найдетъ и другія свѣдѣнія, напр., объ обонятельныхъ ощущеніяхъ и т. п.

**) См. объ этомъ наши статьи о предчувствіи и пророческихъ снахъ (очерки «Вѣрить или не вѣрить?»).

ются; но эти впечатлѣнія не пропадаютъ безслѣдно, а остаются въ мозгу въ скрытомъ состояніи, выплывая наружу только во снѣ — произвольно, а въ гипнозѣ — по желанію гипнотизера. Читатель, вѣроятно, помнитъ интересный примѣръ такого рода воспоминанія, приводимый Мори въ его классическомъ сочиненіи: «О снѣ и сновидѣніяхъ», гдѣ авторъ рассказываетъ, какъ онъ припомнилъ во снѣ имя одного человѣка, по справкамъ, оказавшагося смотрителемъ порта еще во времена дѣтства Мори. Въ pendant къ этому можно привести рассказъ Бине и Фере *) объ одной сомнамбулѣ. Последняя находилась въ кабинетѣ Шарко въ состояніи сомнамбулизма въ то время, когда туда вошелъ докторъ дѣтской больницы Парро. Спрошенная объ имени иностранца, сомнамбула назвала его совершенно вѣрно. Оказалось, что двухлѣтнимъ ребенкомъ она была въ госпиталѣ, гдѣ находился упомянутый врачъ. Въ качествѣ примѣра степени заминанія во время гипноза можно привести рассказъ Рише, который прочиталъ имъ же усыпленной г-жѣ В. стихи и затѣмъ разбудилъ ее. Она ничего не помнила, но, усыпленная снова, безошибочно повторила ихъ, разбуженная же — опять забыла. Вообще амнезія по пробужденіи, какъ отъ естественнаго, такъ равно и гипнотическаго сна, — явленіе постоянное. Но степень ея находится въ зависимости отъ глубины сна: при легкомъ снѣ пробужденіе только нѣсколько затираетъ, но не сглаживаетъ воспоминанія, которое исчезаетъ лишь въ послѣдствіи, при глубокомъ же — оно совершенно уничтожаетъ слѣды воспоминанія. Но при помощи спеціальнаго внушенія сохранить по пробужденіи память про-

*) Бине и Фере. «Жив. магнетизмъ», 151.

исходившаго во время гипноза, или путем пробужденія въ моментъ совершенія самого акта можно вызвать воспоминаніе. Сильная настойчивость и сосредоточеніе вниманія субъекта на припоминаніи одновременно съ употребленіемъ возбуждающаго средства, напр., магнита, «немало способствуетъ пробужденію воспоминанія» ¹⁾).

Переходя къ вопросу объ интеллектуальномъ состояніи, скажемъ мимоходомъ, что во время летаргіи, только подавляющей способность реагированія, по мнѣнію Бине и Фере, весьма вѣроятно присутствіе бодрствующей мысли, скрытой за инертной маской, въ каталепсѣи же и сомнамбулизмѣ «умъ субъекта бодрствуетъ и даетъ происхожденіе гипнотическимъ сновидѣніямъ» ²⁾). Бони говоритъ о состояніи ума загипнотизированнаго, что «тутъ мы встрѣчаемъ случай полного покоя мышленія; пока субъекту не сдѣлано внушенія, онъ находится въ состояніи настоящей умственной инерціи или, скорѣе, умственного покоя» ³⁾). Но такое состояніе продолжается только до внушенія, до интеллектуальнаго толчка, послѣ чего умственное бездѣйствіе прекращается, наступаетъ дѣятельность, которая можетъ оказаться очень значительною, быть можетъ, даже большею, чѣмъ въ нормальномъ состояніи» ⁴⁾). У гипнотиковъ «больше всего насъ поражала, — говоритъ Льебо, — сила ихъ дедукціи; къ какимъ-бы выводамъ ни привела ихъ умственная дѣятельность, ходъ ихъ разсужденій былъ скоръ и логиченъ», «и я вполне согласенъ съ этими словами», — прибавляетъ Бони. Къ вопросу о состояніи ума гипноти-

¹⁾ Бине и Фере. «Жив. магнетизмъ», 151.

²⁾ Ib. 153.

³⁾ Бони, «Гипнотизмъ», 105.

⁴⁾ Ibid. 106.

ковъ примыкаетъ другой: могутъ-ли они лгать? Питръ *) рѣшаетъ его въ положительномъ смыслѣ, передавая случай съ одной сомнамбулой, которая, совершивъ воображаемое, внушенное ей убійство своей подруги, предстала передъ мнимымъ судомъ и созналась только послѣ того, какъ ее, такъ сказать, «приперли къ стѣнѣ» уликами. Бони же не удавалось наблюдать на своихъ сомнамбулахъ лжи. Онѣ неизмѣнно отвѣчали на его обвиненія въ этомъ: «я не могла-бы лгать». Это разногласіе, очевидно, происходитъ вслѣдствіе различія личныхъ качествъ гипнотизированныхъ.

Выше, указывая на примѣръ матери, которая слышитъ во снѣ самый слабый крикъ или шорохъ своего ребенка, оставаясь глухою къ другимъ, болѣе сильнымъ звукамъ, и сопоставляя этотъ фактъ съ отношеніемъ загипнотизированнаго къ его гипнотизеру, мы упомянули, что это явленіе представляетъ собою результатъ внушенія. Пуазе и А. Бертранъ объясняютъ сношенія субъекта съ гипнотизеромъ тѣмъ, что онъ, засыпая, думаетъ о послѣднемъ. Къ этому мнѣнію присоединяются многіе современные ученые. «Субъектъ, — говоритъ Карпентеръ къ своей «Физиологіи ума», — питаетъ предвзятое убѣжденіе, что извѣстной индивидуальности предназначено имѣть на него спеціальное вліяніе». По мнѣнію Льебо, «онъ сохраняетъ въ своемъ умѣ идею того, кто его усыпляетъ, и подчиняетъ этой идеѣ свое накопленное вниманіе и свои чувства».

Нужно, однако, замѣтить, что приведенное мнѣніе не совсѣмъ вяжется съ нѣкоторыми наблюденіями, для объясненія которыхъ приходится прибѣгать къ большимъ

*) Pitres, «De la suggestion hypnotique». Bordeaux. 1884 P. 60.

потяжкамъ. Та странная «симпатія», которая обнаруживается между гипнотизеромъ и субъектомъ и испытывается послѣднимъ даже на разстояніи, еще ждетъ своего объясненія, и, можетъ быть, мы будемъ не далеки отъ истины, если предположимъ, что ключъ къ ней находится въ недавнихъ опытахъ Люиса, Роша и др. Но здѣсь не мѣсто вдаваться въ разсмотрѣніе этого вопроса. Мы ограничимся только краткимъ описаніемъ главнѣйшихъ симптомовъ сношенія загипнотизированнаго съ операторомъ.

Если сонъ достаточно глубокъ, то сомнамбула слышитъ только гипнотизера и никого кромѣ него. Льебо и Бони пришлось не разъ наблюдать, что усыпленный, кромѣ того, слышалъ только тѣ слова гипнотизера, которыя были обращены къ нему, все же, что относилось къ третьему лицу, не было вовсе воспринимлемо. Въ отношеніи другихъ чувствъ замѣчается то же явленіе. Было не разъ замѣчено, что, несмотря на всевозможныя предосторожности, субъектъ всегда узнавалъ, если къ нему прикасался гипнотизеръ. Это замѣчалось даже тогда, когда пациентъ думалъ, что послѣдняго нѣтъ въ городѣ. Такъ, въ приведенномъ въ предыдущей главѣ случаѣ съ m-lle А. Е., которая усыпляла себя при помощи словъ, съ внушенною ей вѣрою въ ихъ таинственную силу,—Бони вернулся въ Нанси безъ вѣдома пациентки и явился къ ней въ то время, когда она уже находилась въ гипнозѣ. Несмотря на эти предосторожности, больная тотчасъ же узнала своего гипнотизера.

Въ подобномъ состояніи пациентъ повинуется жестамъ послѣдняго и сохраняетъ позы, которыя онъ ему придаетъ. Согнутая или поднятая рука остается въ приданномъ ей положеніи точно также, какъ и остальные

члены; но если кто-нибудь другой вздумаетъ поднять эту руку, то она падаетъ, какъ безжизненное тѣло. Катаlepsія, по желанію гипнотизера, не говорящаго ни слова, прекращается, между тѣмъ какъ вздумай кто-нибудь другой привести въ этомъ состояніи какой-нибудь членъ въ движеніе, онъ встрѣтитъ непреодолимое сопротивленіе. Автоматическія движенія также прекращаются только по волѣ гипнотизера. Мало того, бывають случаи, что прикосновеніе посторонняго къ тѣлу пациента, даже, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, къ стулу, на которомъ онъ сидитъ, можетъ вызвать крайне непріятныя ощущенія и даже бурныя проявленія.

Говоря о состояніи вызываемой катаlepsіи, нельзя не отмѣтить мимоходомъ, что относительно этого явленія существуетъ весьма существенное разногласіе между школами — Сальпетріеръ и Нанси. Первая считаетъ доказательствомъ катаlepsической фазы сохраненіе приданнаго членамъ положенія, вторая же, напротивъ, признаетъ катаlepsію дѣломъ внушенія при помощи приданія члену извѣстнаго положенія и въ доказательство приводитъ тотъ фактъ, что это положеніе сохраняется только по волѣ гипнотизера.

Въ заключеніе, о сношеніи оператора съ усиленнымъ прибавимъ, что оно можетъ быть установлено, по желанію гипнотизатора, также и съ другимъ лицомъ, для чего усыпителю достаточно взять руку послѣдняго, положить ее на руку гипнотика и сказать, что между ними устанавливается такое же сообщеніе, какъ и съ гипнотизеромъ. Вотъ въ краткихъ чертахъ все существенное, касающееся вопроса о такъ называемомъ «избирательномъ» сомнамбулизмѣ и чувствительности, какъ называютъ нѣкоторые авторы связь, устанавли-

вающуюся между гипнотизеромъ и сомнамбуломъ. Къ этому, однако, нужно еще прибавить, что въ случаѣ самоусыпленія безъ мысли о комъ-либо никакого предпостенія по отношенію къ окружающимъ не замѣчается, — сомнамбуль воспринимаетъ внушенія отъ всѣхъ безразлично. То же внушеніе «безразличнаго сомнамбулизма» замѣчается, если усыпленіе производится по способу Шарко — посредствомъ прикосновенія къ темени, но не непосредственно рукою, а какимъ-нибудь предметомъ. Пациентъ бываетъ тогда вполне спокоенъ, кто-бы къ нему ни прикасался; всякій можетъ вызывать контрактуру, которая можетъ быть прекращена кѣмъ угодно; воспримчивость къ внушенію тоже не находится въ зависимости отъ чьего-либо индивидуальнаго вліянія.

Подобнаго рода факты «безразличнаго сомнамбулизма», вызываемаго прикосновеніями къ темени посредствомъ какой-нибудь вещи, считаются, — и, повидимому, не безъ основанія, — Парижскою школою однимъ изъ доказательствъ противъ объясненія ея противниковъ, стремящихся свести специфическое дѣйствіе на темя къ одному только внушенію.

Но, насколько легко получить состояніе безразличнаго сомнамбулизма, настолько же легко превратить его въ избирательный. Для этого, какъ увѣряютъ, достаточно только прикоснуться къ субъекту обнаженною частью тѣла. Интересенъ опытъ, сдѣланный Ш. Рише. «Въ то время, — говоритъ этотъ авторъ, — когда больная приведена въ сомнамбулическое состояніе растираніемъ темени какимъ-нибудь предметомъ, два экспериментатора, безъ всякаго противодѣйствія со стороны уснувшей, берутъ ее одинъ за одну, другой за другую руку. Вскорѣ больная начинаетъ жать руки экспериментато-

ровъ и болѣе не выпускаетъ ихъ. Специальная притягательная сила проявляется разомъ по отношенію къ обоимъ, причемъ больная оказывается какъ-бы раздвоенной. На долю каждого изъ экспериментаторовъ выпадаетъ симпатія одной только половины больной, и обладатель, напр., лѣвой руки встрѣчаетъ сопротивленіе, если желаетъ владѣть правою рукою, и наоборотъ» *).

Переходя затѣмъ къ явленіямъ внушенія, составляющимъ предметъ слѣдующей главы, скажемъ два слова о томъ, какъ опредѣляютъ ученые и безъ того, впрочемъ, общепонятный терминъ «внушеніе». Такъ какъ разногласія здѣсь не можетъ быть,—понятно, мы, держась раціоналистической точки зрѣнія, игнорируемъ взгляды «спиритовъ»,—то можно ограничиться какимъ нибудь однимъ опредѣленіемъ, взятымъ наудачу изъ перваго подвернушагося подъ руку сочиненія, а именно, Бине и Фере. «Внушеніе,—говорятъ эти авторы,—*есть процессъ, производящій нѣкоторое дѣйствіе на субъекта черезъ посредство его интеллекта*. Всякое внушеніе сводится, въ сущности, ~~въ~~ *вліянію идеи на субъекта*, и всякое внушенное дѣйствіе есть результатъ явленія идеации; здѣсь необходимо, однако, замѣтить, что идея—это призракъ (эпифеноменъ); взятая отдѣльно, она служитъ только указателемъ извѣстныхъ физиологическихъ процессовъ, которые одни лишь способны порождать матеріальные эффекты» **).

При объясненіи явленій внушенія нужно всегда помнить, что гипнозъ имѣетъ въ себѣ много родственнаго обыкновенному сну, и внушенные образы, идеи и по-

*) Приведено у Бине и Фере.

**) Ib. 183—4. Курсивъ авторовъ.

ступки представляют собою у загнипнотизированныхъ ничто иное, какъ вызванный и руководимый экспериментаторомъ сонъ» *).

Для того, чтобы это заключеніе стало еще болѣе очевиднымъ, пусть читатель припомнитъ нѣкоторыя самонаблюденія Мори надъ сномъ. Этотъ авторъ просилъ, чтобы, когда онъ вечеромъ заснетъ, вызвать у него какое-нибудь ощущеніе, послѣ чего, давъ образовать сновидѣнію, разбудить. Полученные результаты были вполне достойны вниманія. Когда Мори поднесли къ носу одеколонъ, ему приснилось, что онъ находится въ парфюмерномъ магазинѣ, потомъ, по ассоціаціи идей, ему представился Востокъ, Каиръ, парфюмерная Жана Фарина. Ущипнувъ спящаго въ затылокъ, вызвали представленіе о наложенномъ на голову нарывномъ пластырѣ; отсюда сновидѣніе перешло къ доктору, лечившему Мори въ дѣтствѣ. Приблизивъ къ тѣлу послѣдняго раскаленное желѣзо, вызвали образъ кочегара... **) Наконецъ, и слова, произносимыя при спящемъ, имѣютъ, какъ навѣрное многимъ приходилось наблюдать на себѣ, большое вліяніе на направленіе сновидѣній.

Всѣ эти явленія настолько близко напоминаютъ происходящее при гипнотизмѣ, что, обративъ на нихъ вниманіе читателя, мы со спокойною совѣстью можемъ перейти къ описанію явленій внушенія.

*) Ibid. 182.

**) Maury. «Sommeil et rêves», p. 127.

III. Явленія внушенія. — Обманы органовъ чувствъ. — Одностороннія и отрицательныя галлюцинаціи.

Въ этой главѣ, которая, какъ читатель можетъ судить по заглавію, должна обнимать весьма большой кругъ явленій, намъ, конечно, нѣтъ возможности разобратъ ихъ мало-мальски подробно, — на это понадобилось-бы по меньшей мѣрѣ въ нѣсколько разъ больше того мѣста, какимъ мы располагаемъ, — поэтому, что касается чисто физическихъ явленій, вызываемыхъ внушеніемъ, то мы остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя не были еще затронуты выше и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ особенный интересъ съ точки зрѣнія доказательства могущества внушенія, объ остальныхъ же той же категоріи явленійхъ прійдется лишь слегка упомянуть.

Въ числѣ фактовъ, на которые прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе читателя, въ виду особенной ихъ убѣдительности въ смыслѣ доказательства явленій гипнотизма даже для наиболѣе предубѣжденныхъ умовъ, на первомъ планѣ стоятъ тѣ органическія функціи, которыя при нормальныхъ условіяхъ находятся внѣ вліянія нашей воли, напримѣръ, скорость біенія сердца, приливы крови къ кожѣ, образованіе нарывовъ и т. п.

Уже давно, еще въ средніе вѣка, было замѣчено, что у нѣкоторыхъ субъектовъ по временамъ приливаетъ кровь къ нѣкоторымъ мѣстамъ поверхности тѣла, выступаетъ кровавый потъ, образуются на лбу, рукахъ и другихъ частяхъ тѣла красные знаки въ видѣ креста, ранъ Спасителя и т. д. Иногда эти знаки превращались въ настоящія, по временамъ источавшія кровь

язвы. Въ настоящее время всѣ подобныя явленія историческаго происхожденія уже не внушаютъ къ себѣ того суевѣрнаго ужаса и удивленія, съ какимъ относились къ нимъ въ тѣ времена. Теперь ихъ произвольно вызываютъ съ цѣлью изученія, и никому уже не прійдетъ въ голову считать эти такъ называемыя стигматическія явленія чѣмъ нибудь сверхъестественнымъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ вызваннаго внушеніемъ прилива крови къ заранѣе опредѣленнымъ участкамъ кожи.

Профессоръ Бурю и Бюро, а послѣ нихъ Мабиль производили опыты внушенія кровоточенія и кроваваго пота одному субъекту, страдавшему гемиплегіей и геміанэстезіей. Первый изъ названныхъ экспериментаторовъ написалъ тупымъ концомъ кинжала на обонхъ предплечьяхъ паціента свое имя и сказалъ послѣднему: «Сегодня вечеромъ, въ 4 часа, ты заснешь и будешь источать кровь на рукахъ, по тѣмъ линіямъ, которыя я только что обвелъ». Въ назначенное время субъектъ заснулъ, и на его лѣвой рукѣ буквы стали обрисовываться въ формѣ выпуклыхъ ярко-красныхъ линій, на которыхъ мѣстами выступали капельки крови, остальное же окружающее пространство сохранило обыкновенный блѣдный цвѣтъ. На правой, парализованной сторонѣ, напротивъ, не оказалось никакихъ слѣдовъ. Эти буквы, которыя мало по малу блѣднѣли, были еще видны черезъ 3 мѣсяца. *) Мабиль у того же субъекта вызвалъ простымъ приказаніемъ истеченіе крови изъ

*) A. Bouru «La grande hystérie chez l'homme» etc. Paris 1886. Приводится у многихъ авторовъ: Бони, Бине и Фере и др.

рукъ. Шарко съ его учениками удавалось посредствомъ внушенія производить накожные воспаленія, напоминающія ожоги, что достигалось въ теченіи нѣскольکو-часоваго періода инкубаціи. Бони приводитъ случай внушенной везикаціи (образованіе нарыва), сдѣланной фармацевтомъ изъ Шармы, Фокашономъ. Опытъ производился въ присутствіи Бернгейма, Льежуа, Бони, Льебо, Симона и другихъ. Экспериментаторъ наложилъ сзади лѣваго плеча субъекта почтовые марки, покрытыя гумми. На этотъ квадратъ, который субъектъ не могъ достать рукою, были наклеены полоски липкаго пластыря и повязка. Спѣшимъ напомнить читателю, что липкій пластырь, состоящій изъ деревяннаго масла, окиси свинца, свиного сала и банифоли, никакими нарывными свойствами не обладаетъ. Впрочемъ, для контроля подобный же квадратъ почтовыхъ марокъ съ идентичною перевязкою былъ наклеенъ на руку другаго субъекта и въ теченіи 18 часовъ не произвелъ ни малѣйшей красноты. На другой день, по истеченіи 20 часовъ, у испытуемаго субъекта перевязка была снята, и подъ нею оказался оплотнѣвшій и омертвѣлый эпидермисъ бѣловато-желтаго цвѣта, съ сильно покраснѣвшими и вздутыми краями. Черезъ нѣкоторое время развились небольшіе пузырьки, выдѣлявшіе гнойную жидкость. У той же особы Фокашомъ внушеніемъ вызвалъ черезъ нѣсколько дней на рукѣ пузырь. Фотографіи, снятыя въ разные періоды везикаціи, были представлены Обществу фізіологической психологіи.

Но еще гораздо раньше, въ ноябрѣ 1840 г., аналогичный опытъ былъ произведенъ итальянскимъ медикомъ Преджальмини, который наложилъ одной сомнамбулѣ на совершенно здоровую кожу кусокъ бумажки,

съ написаннымъ на ней рецептомъ, и получилъ нарывъ. Дюмонпалье производилъ у истеричныхъ мѣстную гиперемію (приливы крови) и повышеніе температуры на нѣсколько градусовъ въ мѣстахъ, заранѣе обозначенныхъ. Бони внушеніемъ вызывалъ у Элизы Ф. повышеніе общей температуры тѣла, безъ внушенія лихорадки, на $0,4^{\circ}$ въ теченіе часа и десяти минутъ (опытъ не былъ оконченъ).

Подобныхъ примѣровъ можно-бы было привести множество, и притомъ гораздо болѣе поразительныхъ, хотя, быть можетъ, и не столь научно обставленныхъ, какъ только что приведенные; но съ точки зрѣнія возможности они нѣсколько не должны внушать къ себѣ сомнѣнія, такъ какъ были уже не разъ повторены при самой разнообразной обстановкѣ. Тѣмъ не менѣе, дорожа мѣстомъ, мы принуждены даже въ ущербъ живости изложенія отказаться отъ приведенія здѣсь весьма интереснаго разсказа де-Муссо относительно сеанса знаменитаго магнетизера Регаццони. Скажемъ только, что послѣдній достигалъ при помощи внушенія (онъ, конечно, объяснялъ это иначе) вздутія до невѣроятныхъ размѣровъ груди у очень молоденькой дѣвушки, безъ причиненія ей малѣйшей боли. Дюпоте описываетъ случай внушенія женщинѣ беременности, и, дѣйствительно, животъ у нея раздуло, какъ у настоящей беременной. Посредствомъ внушенія можно вызвать отдѣленіе пота, слезъ, молока и т. п.; выдѣленіе слезъ нетрудно вызывать по произволу то изъ одного, то изъ другаго глаза; можно останавливать дѣйствіе разныхъ нарывныхъ пластырей и т. п. Словомъ, какъ говоритъ Бони, «нѣтъ органической функціи, которая-бы не подчинялась внушенію».

Но прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, касающемуся чисто психическихъ явленій, скажемъ еще нѣсколько словъ относительно вліянія внушенія на сердцебіеніе. Опытъ, о которомъ мы хотимъ говорить, совершался надъ упоминавшейся выше сомнамбулой Элизой Ф. въ лабораторіи профессора Бони. Наложивъ на лучевую артерію паціентки сфигмографъ Марей, опредѣлили сначала число пульсацій въ минуту во время бодрствованія, потомъ въ теченіи гипнотическаго сна и, наконецъ, подъ вліяніемъ внушенія. Во все время опыта «не было ни измѣненія эмоціональнаго состоянія субъекта, ни перемѣны ритма дыханія,—явленіе происходило, очевидно, подъ простымъ и чистымъ вліяніемъ внушенія». Вотъ результаты этого опыта. Передъ гипнотическимъ сномъ число біеній сердца равнялось 96 въ минуту, во время сна—98,4. Субъекту было сказано: «Обратите вниманіе хорошенько: ваше сердце бьется менѣе быстро, менѣе быстро, еще менѣе быстро». Послѣ настойчиваго въ теченіи нѣкотораго времени увѣренія пульсъ сталъ замѣтно замедляться по мѣрѣ того, какъ внушеніе дѣлалось со все возрастающимъ удареніемъ. Среднее число біеній сердца, отмѣченное при этихъ условіяхъ сфигмографомъ, равнялось 94,4. Послѣ возвращенія къ нормальному состоянію сердце дѣлало 102 удара въ минуту. Опять было сдѣлано внушеніе, но уже не замедленія, а ускоренія, и получено 115,5 пульсацій. По пробужденіи число ихъ равнялось 100,2.

Мы не станемъ приводить здѣсь другихъ опытовъ надъ вліяніемъ внушенія на измѣненіе частоты біенія сердца, такъ какъ и этого одного примѣра вполне достаточно для характеристики высказаннаго положенія. Гораздо интереснѣе въ данномъ случаѣ объясненіе всѣхъ

описанныхъ выше явленій измѣненія органическихъ функцій.

Вообще говоря, считается, что сердце не подчиняется вліянію воли; но, судя по нѣкоторымъ фактамъ, извѣстнымъ въ литературѣ *), мнѣніе это, повидимому, основано на данныхъ, не имѣющихъ общаго значенія и никогда не бывшихъ достаточно хорошо провѣренными. Оказывается, что нѣкоторые субъекты могутъ по произволу ускорять біеніе сердца; существуютъ также факты замедленія пульсацій, но такъ какъ они связаны съ замедленіемъ дыханія, стало быть, представляютъ собою явленія вторичныя, то ихъ нельзя сопоставлять съ вышеприведеннымъ опытомъ надъ Элизою Ф. Вообще, до сихъ поръ не было приведено случаевъ непосредственнаго замедленія сердцебіенія. Сличеніе кривыхъ, отмѣченныхъ сфигмографомъ, при произвольномъ и вызванномъ внушеніемъ ускоренія, кромѣ того, показываетъ, что онѣ неодинаковы. Анализируя явленія, наблюдаемыя въ томъ и другомъ случаяхъ, сличая ихъ съ данными, касающимися замедленія сердцебіенія посредствомъ внушенія, Бони пришелъ «къ тому заключенію, что въ случаѣ Элизы воля субъекта, послушно повинуваясь сдѣланному ей внушенію, вліяла прямо на задерживающій центръ сердца, то возбуждая, то парализуя его, и производя въ первомъ случаѣ замедленіе, а во второмъ ускореніе пульса» **).

Что касается другихъ описанныхъ выше явленій измѣ-

*) См. объ этомъ работы Тарханова, Pflüger's Archiv, 1884; Frei, Müller's Archiv, 1845; Wendling, Thèse de Strasbourg, 2-e serie № 759, 1864; E. F. Weber, Archives générales de médecine, 1881, и др.

**) Бони, 33.

ненія вегетативныхъ функцій, то вліяніе на нихъ внушенія можетъ быть до извѣстной степени понято изъ сопоставленія состоянія человѣка, сосредоточивающаго вниманіе на «какой-нибудь части своего тѣла, усиленно думающаго о ней въ теченіи извѣстнаго времени, подвергающаго магнетическимъ пассамъ». Этого бываетъ вполне достаточно, говорить Бони въ своей докторской диссертациі *), «чтобы испытать въ ней трудно описуемыя ощущенія: бѣганіе мурашекъ, теплоту, пульсацію и т. п. Справедливость этого факта можетъ быть подтверждена разсмотрѣніемъ кропотливыхъ описаній экспериментаторовъ-гомеопатовъ; еще болѣе поразительныя доказательства справедливости этого представляютъ знаменитые мистики среднихъ вѣковъ, которыхъ лобъ, руки и ноги подвергались, въ часы экстаза, приливомъ крови, выдѣляли кровавый потъ и даже служили мѣстомъ образованія настоящихъ язвъ». Фере **) удалось доказать, что истеричныя даже въ бодрствennomъ состояніи могутъ достигать измѣненія объема данной части тѣла при помощи простаго сосредоточиванія на ней вниманія, т. е., другими словами, у субъектовъ съ повышенной чувствительностью одно представленіе явленія уже оказываетъ вліяніе на сосудодвигательную систему.

Послѣ этого, не останавливаясь на эффектныхъ опытахъ съ разными видами катаlepsii (дряблостью, восковидной и тетанической) ***) и другими физическими

*) De l'habitude en général. Montpellier. 1856. 22.

**) Ch. Feré, Bull. Soc. de biologie, 1886, p. 399.

***) Последняя характеризуется «окоченностью», доходящей иногда до того, что субъекта можно положить, какъ бревно, головою на одинъ стулъ, ногами на другой

явленіями, вызываемыми внушеніемъ; минуя точно также анестезію, въ частности, столь поражающую публику анальгезію,—обо всемъ этомъ читатель могъ себѣ составить хотя слабое понятіе по разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ указаніямъ,—мы прямо перейдемъ къ тѣмъ психическимъ явленіямъ, происхожденіе которыхъ также кроется во внушеніи. При этомъ мы не станемъ останавливаться на ихъ теоріи, а ограничимся лишь приведеніемъ примѣровъ разнаго рода обмановъ чувствъ, сопровождая ихъ только самыми необходимыми теоретическими соображеніями. Но само собою понятно, что цитировать безчисленные примѣры галлюцинацій, которыя вызываются разными экспериментаторами, — это значило-бы,—какъ справедливо говорятъ Боне и Фере,—описывать всѣ формы, которыя проходитъ кусокъ глины въ рукахъ лѣщика. «Нѣтъ того чувства, которое подъ вліяніемъ всемогущаго внушенія не было-бы способно подвергаться самымъ разнороднымъ обманамъ. Въ своемъ изложеніи мы постараемся показать это, насколько возможно короче, отводя болѣе мѣста лишь тѣмъ изъ примѣровъ, которые помимо представляемаго ими теоретическаго интереса могутъ еще служить довольно яркою иллюстраціею, способною хоть сколько-нибудь скрасить сухость остальнаго изложенія. Сначала мы скажемъ по нѣскольку словъ относительно вліянія внушенія на каждое изъ чувствъ въ отдѣльности.

Изъ нихъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, зрѣніе, внушенные обманы котораго, начиная съ самыхъ, такъ сказать, невинныхъ иллюзій, могутъ доходить до не-
оставляя все тѣло на вѣсу и кладя даже нѣкоторую тяжесть на него, причемъ контрактура все-таки не прекращается.

вѣроятныхъ, чудовищныхъ галлюцинацій. Субъекту внушаютъ, напримѣръ, что находящійся передъ нимъ стулъ, настоящіе размѣры, видъ и форму котораго онъ прекрасно знаетъ, представляетъ собою стулъ великана, и гипнотикъ совершенно ясно видитъ этотъ необычайный стулъ, удивляется его громаднымъ размѣрамъ, но нисколько не сомнѣвается въ реальности явленія. Иллюзія можетъ быть доведена до того, что лицо, какъ-бы оно ни было намъ близко, какъ-бы мы его хорошо не знали, до того измѣняетъ подъ вліяніемъ внушенія свой видъ, что мы совершенно не въ состояніи узнать его и принимаемъ то за нашего заклатаго врага, то за любимую особу, то даже вовсе не за человѣка, а за собаку, за какой-нибудь неодушевленный предметъ. По желанію экспериментатора, убогая конурка превращается въ роскошный дворецъ, садъ, озеро, улицу,—во что угодно; прекрасное палаццо видоизмѣняется въ рыбацью хижину, съ небольшими разбитыми окнами, заклеенными кое-гдѣ бумагой или заткнутыми тряпками... Иллюзія, или, вѣрнѣе, даже галлюцинація до того сильна, что на впечатлительнаго субъекта совершившееся превращеніе оказываетъ иногда очень сильное вліяніе: внушенное богатство вызываетъ пріятное самодовольное выраженіе, веселость; разореніе же, бѣдность, напротивъ, приводятъ въ уныніе, вызываютъ слезы. Подобнаго рода иллюзіи и галлюцинаціи могутъ длиться неопредѣленно долгое время отъ мгновенія до цѣлаго дня недѣли и болѣе, въ зависимости отъ желанія экспериментатора.

Боне и Фере приводятъ интересный примѣръ, сообщенный имъ Лондомъ, который внушилъ одной истеричной сомнамбулѣ, что на клише, въ дѣйствительности изо-

бражавшемъ видѣ Пиреней, находится ея портретъ, снятый съ нея, когда она была совершенно голая. Проснувшись и случайно замѣтивъ клише, на которомъ она увидала себя въ такомъ неприличномъ видѣ, пациентка сильно раздражилась и разбила пластинку. Но съ послѣдней были уже сняты два другихъ клише. Съ тѣхъ поръ прошло уже два года, а пациентка какъ только увидитъ негативъ, начинаетъ топтать ногами отъ гнѣва, до сихъ поръ видя себя тамъ голою *).

Не нужно, однако, забывать, что въ подобныхъ опытахъ благоразуміе должно удерживать отъ слишкомъ продолжительныхъ внушеній, могущихъ оказаться небезопасными для здоровья пациента.

Что касается степени отчетливости галлюцинаторныхъ образовъ, то въ этомъ отношеніи между разными авторами существуетъ значительное разногласіе. Но въ то время, какъ одни не признаютъ за внушенными видѣніями той степени ясности, которою характеризуется воспріятіе реальныхъ ощущеній, другіе, напротивъ, считаютъ ихъ вполне согласными съ впечатлѣніемъ дѣйствительности и даже иногда болѣе ясными. И тѣ, и другіе имѣютъ свои основанія, и надо полагать, каждая сторона права по отношенію наблюдавшихся ею явленій, которыя, вѣроятно, не всегда имѣютъ одинаковую степень отчетливости. Такъ, напримѣръ, если субъектъ, которому внушено, что на совершенно чистомъ листѣ бумаги находится цѣлый рядъ многозначныхъ чиселъ, ихъ не только дѣйствительно увидитъ, но и совершенно вѣрно выведетъ сумму (Бабинскій), то не подлежитъ сомнѣнію,

*) Binet et Fere. Le magnétisme animale. 178.

что представлѣніе должно быть очень ясно, иначе могла-бы произойти ошибка въ сложномъ вычисленіи. Когда же, какъ рассказываетъ Бони, субъектъ только мало по малу сталъ различать внушенное ему видѣніе епископа *), подобно тому, какъ это бываетъ съ людьми близорукими или при разсматриваніи отдаленныхъ предметовъ, то тутъ, очевидно, галлюцинація не имѣла достаточной отчетливости. Но названный авторъ распространяетъ это заключеніе на вообще всѣ внушенныя галлюцинаціи, которыя, онъ думаетъ, «не имѣютъ реальности и отчетливости объективнаго образа, такъ что воображеніе субъекта, весьма вѣроятно, играетъ здѣсь большую роль» **). Такой выводъ былъ сдѣланъ Бони, на основаніи опытовъ надъ «калькированіемъ» галлюцинаторныхъ образовъ. Давъ паціенту карандашъ, экспериментаторъ просилъ его обвести контуры внушенной собаки, полишинеля, птицы. Субъекты были взяты не умѣющіе рисовать, и, какъ нетрудно было предвидѣть, результаты получились весьма неудовлетворительные, изъ которыхъ напсійскій профессоръ выводилъ заключеніе о неотчетливости видѣній. Но, несмотря на все уваженіе къ авторитету почтеннаго ученаго, мы считаемъ приведенные опыты совершенно неубѣдительными, такъ какъ, если взять всѣмъ знакомый физическій приборъ, извѣстный подъ именемъ камеры-люциды, посредствомъ которой можно обводить на бумагѣ контуры предмета, вовсе на него не взглядывая, то, не смотря на безусловную отчетливость отраженія объекта, неумѣющій вовсе рисовать,

*) Бони, 83.

**) Ibid. 82.

безъ предварительнаго обсужденія, представить болѣе или менѣе сносное изображеніе только весьма простыхъ предметовъ, такіе же сложные, какъ собака, полишинель и т. п., окажутся весьма мало сходными съ дѣйствительностью.

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, вредъ-ли полученная неточность очертаній въ упомянутыхъ опытахъ Бони зависѣла отъ неотчетливости галлюцинаторныхъ образовъ. Впрочемъ, и самъ авторъ въ концѣ концовъ признаетъ «весьма труднымъ» дать относительно этого вопроса окончательный отвѣтъ, и, «быть можетъ,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ произвести новые опыты при иныхъ условіяхъ» *).

Слѣдующимъ послѣ зрѣнія чувствомъ, которому въ дѣлѣ удостовѣренія реальности явленій мы довѣряемъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ какому-нибудь другому, является, по нашему мнѣнію, осязаніе. Если мы говоримъ: «я самъ своими глазами видѣлъ», то не слѣдуетъ въ то же время забывать, что «Оома невѣрный», который до тѣхъ поръ не убѣдился, пока не ощупалъ, представляетъ собою и въ наши времена столь обыкновенное явленіе, которое учредители художественныхъ выставокъ всегда бываютъ вынуждены принимать во вниманіе, ставя передъ нѣкоторыми картинами, особенно выдающимися въ отношеніи сродства съ дѣйствительностью, барьеры для огражденія отъ этихъ «ощупываній». Но внушеніе способно лишить насъ и этого довольно примитивнаго средства опредѣленія реальности нѣкоторыхъ явленій, разстроивъ или парализовавъ всѣ роды назоной чувствительности одновременно или

*) Ibid.

порознь. Объ уничтоженіи осязанія мы здѣсь говорить не станемъ, а скажемъ только объ его обманахъ. Въ числѣ послѣднихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ галлюцинаціи пораненій. Субъектъ весьма тщательно описываетъ, насколько это допускаетъ его личный опытъ, тѣ ощущенія страданій, какія, по его мнѣнію, соотвѣтствуютъ характеру раны. При этомъ обыкновенно осязательное ощущеніе сопровождается зрительнымъ: гипнотикъ видитъ кровь, описываетъ глубину и форму раненія... Въ зависимости отъ этого онъ предпринимаетъ и соотвѣтственныя мѣры: бинтуетъ, носитъ повязку и т. д.

Мышечное и внутреннее чувство, имѣющія много общаго съ осязаніемъ, подвергаются тѣмъ же внушеннымъ иллюзіямъ и галлюцинаціямъ. Внушивъ субъекту, что онъ держитъ въ рукахъ желѣзную подкову, ему предлагаютъ ее сломать, и несмотря на всѣ усилія, руки не въ состояніи преодолѣть воображаемое препятствіе. Столь, казалось-бы, не подлежащая произволу чувства голода или жажды могутъ быть внушаемы совершенно независимо отъ дѣйствительныхъ потребностей субъекта, который послѣ самаго сытнаго обѣда, по желанію экспериментатора, съ жадностью набрасывается на пищу... Мало того, у гипнотика можно путемъ внушенія вызвать полное извращеніе общаго чувства, внушая самыя несообразныя идеи вродѣ, напримѣръ, того, что, по пробужденіи, все тѣло его будетъ изъ масла, сахара, стекла и т. д., что въ желудкѣ или груди пациента находится громадный мечъ; въ зависимости отъ характера внушенія, бѣдняга способенъ испытывать самое тягостное ощущеніе и боязнь, что вотъ-вотъ онъ растаетъ отъ тепла или воды, разобьется въдребезги,

что ему нельзя согнуться, не поранивъ себя и т. д. И это все происходит съ совершенно здоровыми, отнюдь не сумасшедшими людьми! Право, подобные примѣры невольно должны наводить на мысль о возможности большихъ неожиданностей во взглядахъ на природу многихъ психическихъ болѣзней...

Что касается слуха, вкуса и обонянія, то и по отношенію къ этимъ чувствамъ внушеніе способно играть не менѣе чудесную роль. Мы слышимъ разные несуществующіе звуки, знакомые голоса дѣлаются для насъ совершенно чужими, насъ оскорбляютъ, призываютъ къ себѣ какія-то невидимки и т. д. Внушивъ субъекту, что данный ему кусокъ селедки представляетъ ананасъ, варенье, а чернило—прекраснѣйшее вино, мы вызываемъ въ немъ соотвѣтственное вкусовое и обонятельное ощущенія. Гипнотика можно заставить ѣсть самыя невозможныя, безусловно несѣдобныя вещества съ такимъ наслажденіемъ, какъ будто внушеніе дѣйствительно передало имъ весь вкусъ тѣхъ кушаній, которыя они изображаютъ, и, наоборотъ, то, что субъекту чрезвычайно нравилось, можетъ вызывать въ немъ рвоту и т. д. Сѣрнистый углеродъ или водородъ, амміакъ и другія не менѣе непріятно или рѣзко пахнущія вещества могутъ казаться тончайшими духами, а несуществующіе предметы способны издавать отвратительнѣйшее зловоніе, словомъ, всѣ наши чувства «покорны» внушенію. Но для того, чтобы это заключеніе могло быть въ глазахъ читателя облечено въ болѣе конкретную форму, мы позволимъ себѣ привести здѣсь пару примѣровъ, рассказавъ ихъ по возможности ближе къ словамъ самихъ экспериментаторовъ.

Профессоръ Ш. Рише въ «Revue philosophique», за

мартъ 1883 г., приводитъ интересное наблюденіе*) надъ однимъ сомнамбуломъ Сl., которому не только удавалось внушить цѣлый рядъ галлюцинацій, но одновременно съ ними измѣнять и сознаніе личности, замѣняя ее другою.

«Я говорю ему:—разсказываетъ экспериментаторъ,— «Тебѣ 6 лѣтъ, ты дитя, ступай играть съ мальчиками!» и онъ встаетъ, прыгаетъ, дѣлаетъ движеніе, будто вынимаетъ изъ кармана шары, надлежащимъ образомъ ставитъ ихъ въ рядъ, измѣряетъ рукою разстояніе, старательно прицѣливается, бѣжитъ снова поставить ихъ въ рядъ и такимъ образомъ безконечно продолжаетъ свою игру съ расторопностью, вниманіемъ, точностью, поразительными подробностями. Онъ также играетъ «въ ловитки», въ saute-mouton, послѣдовательно прыгая, каждый разъ увеличивая разстояніе, черезъ одного или двухъ воображаемыхъ товарищей съ такой легкостью, на которую онъ не былъ-бы способенъ, по причинѣ болѣзни, въ состояніи бодрствованія.

«Я говорю ему: «Вы—молодая дѣвушка». Онъ скромно опускаетъ голову, открываетъ ящикъ, вынимаетъ оттуда салфетку, дѣлаетъ видъ, что шьетъ. Когда онъ достаточно нашьется, онъ идетъ къ столу, на которомъ онъ пальцами поколачиваетъ, какъ-бы играя піано.

«Я говорю ему: «Вы генералъ во главѣ вашей арміи». Онъ выпрямляется, кричитъ: «Впередъ», наклоняетъ свое тѣло, какъ-бы онъ находился верхомъ на лошади.

«Я говорю ему: «Вы честный и святой священникъ». Лицо его озаряется, онъ возноситъ очи къ небу, ходитъ взадъ и впередъ, читая свой требникъ, осѣняясь крест-

*) Приведено у Бернгейма.

нымъ знаменіемъ и все это дѣлаетъ съ такимъ серьезнымъ видомъ дѣйствительности, что отнимаетъ всякую идею о притворствѣ.

«Я преобразовываю его въ животное: «Вы—собака». Онъ становится на четвереньки, лаетъ, дѣлаетъ видъ, что кусаетъ, и не оставляетъ своего положенія, пока я не возвращу ему сознаніе своей естественной личности, или пока не придамъ ему другой.

«Во всѣхъ этихъ видоизмѣненіяхъ личности, которыя легко вызываются у многихъ сомнамбулистовъ, проглядываетъ личный характеръ субъекта: каждый выполняетъ свою роль со свойствами ему лично присущими, съ способностями, которыми онъ располагаетъ.

«Сі., который по природѣ своей—человѣкъ боязливый и несловосхотливый, выполняетъ свою роль почти пантомимой, говоритъ мало. Когда ему придаютъ личность, превосходящую его средства, онъ тщетно старается ее реализовать. Однажды я ему говорю: «Вы—адвокатъ, вы обладаете свободной рѣчью, вы краснорѣчивы. Вотъ передъ вами обвиняемый. Защищайте его, вы на судѣ». Онъ становится, поднимаетъ руки и начинаетъ: «Осужденный, котораго я обязанъ защищать...» Дальше онъ не идетъ, что-то бормочетъ, останавливается пристыженнымъ, голова его склоняется, онъ засыпаетъ, какъ-бы изъ силъ выбившись отъ невозможности продолжать свою роль».

Тотъ же авторъ рассказываетъ другой примѣръ подобнаго превращенія личности, касающійся одной почетной матери семейства г-жи Л. Но мы приведемъ изъ этого наблюденія наиболѣе характерную часть. Подъ вліяніемъ внушенія дама испытала рядъ превращеній въ архіепископа, крестьянку, актрису... Вотъ какъ опи-

сываетъ ее Риге въ роли послѣдней: «Движенія ся изъ прежнихъ грубыхъ и неуклюжихъ, соотвѣтствовавшихъ понятію о крестьянкѣ, превратились въ легкія и игривыя»...

Читая описаніе подобныхъ фактовъ, не одному изъ читателей, быть можетъ, приходитъ въ голову мысль: «А, вѣдь, какіе же простаки эти ученые, что не могутъ даже отличить столь очевиднаго притворства».

Дѣйствительно, кто самъ не имѣлъ случая видѣть что-нибудь подобное, долженъ придти къ такому заключенію, хотя, если вспомнить наши сновидѣнія, въ которыхъ намъ приходится играть самыя несообразныя роли, совершать преступленія и т. п., то наше заключеніе относительно неискренности сомнамбулъ уже не будетъ столь рѣшительнымъ. Если же разсматривать факты, касающіеся внушеннаго измѣненія сознанія нашего я, въ совокупности съ другими наблюденіями, въ которыхъ симуляція не можетъ имѣть мѣста, то наше недовѣріе начнетъ понемногу уступать, тѣмъ болѣе, что, какъ мы увидимъ ниже, симуляція можетъ быть легко обнаружена.

Въ числѣ наблюдаемыхъ у гипнотиковъ явленій, которыми подражать слишкомъ трудно, если даже не невозможно, должно обратить вниманіе на измѣненіе почерка, въ зависимости отъ внушенія субъекту разныхъ страстей, состояній, измѣненій его возраста и т. д. Изслѣдованіе образчиковъ письма при этихъ различныхъ превращеніяхъ личности паціента показываетъ, что всѣ эти измѣненія въ общемъ согласны съ данными графологій *), столь тонкаго знакомства съ которой у всѣхъ

*) Опредѣленіе по почерку характера человѣка, его настроенія и т. д.

наблюдаемыхъ субъектовъ самый даже скептически настроенный умъ предположить не можетъ.

Другимъ доказательствомъ дѣйствительности превращеній личности подѣ влияніемъ внушенія служатъ такъ называемыя одностороннія галлюцинаціи. Но прежде, чѣмъ говорить о нихъ, мы считаемъ не безполезнамъ привести здѣсь пришедшій намъ въ голову фактъ, о которомъ рассказываютъ Бине и Фере *). Эти экспериментаторы внушили г-жѣ Х., что она превращена въ знакомаго ей мужчину. Послѣ нѣкотораго сопротивленія она совершенно вошла въ свою роль, стала закручивать усы, подражать его движеніямъ и т. д. Когда же ее спросили, знакома-ли ей г-жа Х., то сначала она какъ будто стала втупикъ, потомъ пожала съ презрѣніемъ плечами и сказала: «Ахъ, да, истеричная!» — «Какого вы о ней мнѣнія?» — «Это глупая голова». — Хотя этотъ случай, конечно, ничего не доказываетъ, тѣмъ не менѣе, онъ довольно характеренъ...

До сихъ поръ мы говорили о такихъ галлюцинаціяхъ, гдѣ всѣ чувства субъекта участвовали во введеніи его въ заблужденіе относительно дѣйствительности. Но могутъ быть случаи, когда внушеніемъ удастся достигнуть весьма интереснаго въ психологическомъ отношеніи явленія, извѣстнаго подѣ именемъ односторонней галлюцинаціи. Субъекта можно заставить видѣть только однимъ глазомъ, слышать однимъ ухомъ и т. д. разныя воображаемыя явленія, въ то время какъ другой симметричный органъ ничего подобнаго не ощущаетъ или, какъ это было въ опытахъ Дюмонпелье, испытываетъ особую галлюцинацію. Такъ, загипнотизировавъ истерич-

*) «Жив. магнетизмъ», 229.

ную, экспериментаторъ говорить ей въ правое ухо, что погода прекрасная, а въ лѣвое, что идетъ дождь, и, въ зависимости отъ этого, одна сторона лица выражаетъ удовольствіе, улыбается, на другой же рисуется досада. Говоря въ правое ухо о праздникѣ, на которомъ веселятся молодые дѣвушки и парни, а въ лѣвое подражая лаю собакъ, вызываютъ соотвѣтственное впечатлѣніе: лѣвое мозговое полушаріе, воспринимая черезъ правое ухо представленіе о праздникѣ, производитъ на правой сторонѣ лица веселое выраженіе, улыбку удовольствія, въ то время, какъ правое полушаріе, получившее черезъ лѣвое ухо непріятное представленіе, приводитъ лѣвую сторону лица въ состояніе, соотвѣтствующее вызванной эмоціи *).

Это удивительное явленіе, подражаніе которому, если и возможно, то только для нѣкоторыхъ, весьма немногихъ субъектовъ и то — послѣ довольно долгаго упражненія, представляетъ собою, какъ думаетъ Дюмонпалье, доказательство функціональной независимости мозговыхъ полушарій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣетъ значеніе въ смыслѣ убѣжденія нѣкоторыхъ скептиковъ относительно реальности внушенныхъ галлюцинацій. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ останавливаться на психологической сторонѣ одностороннихъ галлюцинацій и другихъ близкихъ къ нимъ явленій. Къ этому вопросу мы еще вернемся въ особомъ очеркѣ, теперь же позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на слова Тэна, который высказываетъ мнѣніе о присущей намъ

*) Société de biologie 1882, p. 786. — Berillon. De l'indépendance fonctionnelle de deux hémisphères cérébraux. Thèse de Paris, 1884, p. 175 et seq.

способности сближенія возникающаго въ умѣ образа или идеи съ дѣйствительнымъ предметомъ или дѣйствиємъ. Это сближеніе бываетъ иногда до того тѣсно, что всякая граница между представленіемъ и дѣйствительностью исчезаетъ. Такая мысль была еще ранѣе Тэна высказана Д. Стюартомъ Миллемъ *). «Немного найдется людей,—говоритъ послѣдній,—которые могли-бы смотрѣть безъ страха съ высоты маяка или какой-нибудь высокой башни, хотя при этомъ никто изъ нихъ не сомнѣвается въ своей безопасности». «Когда нашъ взглядъ быстро переносится съ высоты на землю,—замѣчаетъ Тэнъ **),—то мы внезапно воображаемъ себя низвергнутыми внизъ, и это представленіе леденитъ нашу кровь, такъ какъ на нѣкоторый, хотя и неощутимый моментъ, намъ дѣйствительно кажется, что мы падаемъ,—и мы инстинктивно отбрасываемся назадъ» ***). Такимъ образомъ,

*) Philosophie de l'esprit humain, t. I. p. 107.

**) De l'intelligence, t. I. p. 89.

***). Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Тэна относительно *реализаціи* представленія, считаемъ, однако, необходимымъ замѣтить, что это явленіе болѣе сложно и не допускаетъ возможности приведеннаго объясненія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ «Человѣкъ и животныя», мы сдѣлали намекъ на другое толкованіе этого явленія (отскакиванія назадъ отъ обрыва и т. п.). Къ сожалѣнію, здѣсь не мѣсто вдаваться въ психологическую его оцѣнку, тѣмъ не менѣе, мы позволимъ себѣ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, здѣсь дѣло скорѣе не въ представленіи себя низвергнутымъ внизъ, а боязни оцутиться въ этомъ положеніи, вслѣдствіе инстинктивнаго сознанія возможности нарушенія равновѣсія между двигательными и задерживающими центрами мозга. Страхъ передъ опасностью можетъ дѣйствовать на подобіе *выжестія посредствомъ сомнѣнія*, парализуя задерживающіе центры. Въ этомъ, по нашему мнѣ-

допустивъ во всякомъ представленіи присутствіе галлюцинаторнаго элемента, только и ожидающаго благоприятныхъ условій для своего развитія, намъ становится исполнѣ понятнымъ та легкость, съ какою вызываются галлюцинаціи во время гипноза. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ-ли быть болѣе благоприятныя условія для обращенія представленія въ высшую его степень, галлюцинацію, какъ въ гипнозѣ, когда умъ паціента находится въ совершенно пассивномъ состояніи и, благодаря этому, обладаетъ наибольшею пластичностью? Иногда эта пассивность и, такъ сказать, недостатокъ инициативы, облегчая, по замѣчанію многихъ экспериментаторовъ, внушеніе галлюцинацій, дѣлають ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе конкретными, а, стало быть, недостаточно отчетливыми (вслѣдствіе ихъ отвлеченности) и лишаютъ возможности примѣненія такъ называемыхъ неопредѣленныхъ внушеній. Поясимъ это примѣромъ. «Положимъ, — говоритъ д-ръ Токарскій *), — дѣлаете вы внушеніе, что на рукѣ у спящаго сидитъ птица. Если, сдѣлавъ такое внушеніе, вы спросите, видитъ-ли онъ птицу, то, конечно, получите въ отвѣтъ:

— «Вижу.

— «Какая это птица?

«Отвѣта нѣтъ. Птица на рукѣ сидитъ, но неизвѣстно, какая. Вы этого не сказали, и загниготизированный

нію, кроется «притягательная» сила всѣхъ этихъ обрывовъ etc., если съ нихъ долго смотрѣть внизъ, «очарованіе» животныхъ змѣями, наконецъ, даже многія безпричинныя попытки къ самоубійству послѣ продолжительнаго сосредоточенія мысли на «возможности сумасбродной идеи» (во время, напримѣръ, бритья «чикнуть» по артеріи и т. д.).

*) Архивъ Психіатріи. 1888 г. XI, № 3, стр. 8—9.

знаетъ только, что онъ видитъ птицу, а не что-нибудь другое.

«Скажите, что это воробей, и спросите далѣе:

— «Какого онъ цвѣта?

«И опять нѣтъ отвѣта. Всѣ знаютъ, какого цвѣта воробей, знаетъ это и спящій, но не различаетъ цвѣта воробья, сидящаго у него на рукѣ, потому что это ему не внушено. Если вы будете настаивать относительно цвѣта, то чаще всего получите отвѣтъ очень неопредѣленный.

— «Что-то темное... не могу разсмотрѣть».

Но бываютъ случаи, когда пациентъ проявляетъ большую самостоятельность въ дѣлѣ облеченія неопредѣленной идеи въ конкретную форму. Бони рассказываетъ объ одной модисткѣ, которой, во время ея сна, онъ внушилъ, что, по пробужденіи, «она увидитъ нѣчто очень хорошее, что ей очень понравится, и что она будетъ весьма довольна». Оказалось, что пациентка увидѣла прекрасный садъ, въ которомъ гуляли дамы, одѣтыя въ великолѣпныя платья и т. п. Въ другой разъ ей было внушено, что она захочетъ сдѣлать что-то очень смѣшное, и больной пришла въ голову довольно дѣтская идея одѣть своимъ платкомъ статуэтку. Съ другими субъектами подобные опыты неопредѣленныхъ внушеній совершенно не удаются.

Для того, чтобы покончить съ положительными галлюцинаціями, скажемъ еще нѣсколько словъ объ условіяхъ воспріятія галлюцинаторныхъ образовъ. Объ этомъ вопросѣ читатели могли уже составить себѣ нѣкоторое понятіе по нашему очерку: «Дѣйствительное и мнимое» *), но, въ виду важности предмета, мы не считаемъ себя

*) «Вѣрить или не вѣрить?» — «Природа и Люди».

вправѣ обойти его здѣсь молчаніемъ. Тѣмъ не менѣе, недостатокъ мѣста принуждаетъ насъ ограничиться лишь самыми краткими указаніями на факты, заслуживающіе наибольшаго вниманія со стороны интересующихся подобными вопросами.

Общее заключеніе, къ какому приходятъ Бине и Фере, авторы, весьма тщательно изучавшіе условія воспріятія галлюцинаторныхъ видѣній, — сводится къ тому, что «воображаемый предметъ... воспринимается при тѣхъ же условіяхъ, какъ если-бы онъ былъ реальнымъ» *).

Прежде, чѣмъ описывать изслѣдованія названныхъ ученыхъ въ области такъ называемой галлюцинаторной оптики, мы должны упомянуть о галлюцинаціи, которую авторы называютъ «портретною». Сущность ея заключается въ томъ, что если гипнотику внушить, что, проснувшись, онъ увидитъ на совершенно бѣломъ, ничѣмъ, повидимому, неотличающемся отъ остальныхъ кусковъ картонѣ фотографію, то субъектъ всегда съумѣетъ найти ее среди остальныхъ. При этомъ онъ замѣтитъ даже, если мнимая фотографія повернута «вверхъ ногами» или обернута къ нему заднею стороною.

Очевидно, что галлюцинаторный образъ «ассоціируется съ какой-нибудь наружной примѣтою», для обыкновеннаго глаза неуловимой. Доказательствомъ этого предположенія служитъ тотъ фактъ, что галлюцинантъ можетъ отличить мнимую фотографію только на строго определенномъ разстояніи, дальше котораго картонъ кажется ему не сѣрымъ, какъ это было-бы съ дѣйствительною фотографіею, а совершенно бѣлымъ. Если же онъ будетъ смотрѣть на картонъ въ поставленный по

*) Бине и Фере. 241.

глазамъ бинокль, то разстояніе соответственно увеличивается.

Исслѣдованія, произведенныя Бизе и Фере, съ цѣлью опредѣленія измѣненій, которыми сопровождается данная галлюцинація, подъ вліяніемъ разныхъ оптическихъ приборовъ, имѣли своимъ исходнымъ пунктомъ извѣстный опытъ англійскаго физика Брустера, который добился удвоенія галлюцинаторнаго образа, заставивъ больного надавить пальцемъ глазное яблоко и тѣмъ самымъ вывести оптическія оси глазъ изъ ихъ взаимнаго нормальнаго положенія. Видоизмѣняя или, вѣрнѣе, совершенствуя этотъ опытъ посредствомъ примѣненія поставленной передъ однимъ глазомъ призмы, которая должна производить то же отклоненіе предмета, также получили удвоеніе галлюцинаторныхъ видѣній. Примѣняя предварительно поставленный по глазамъ, — что безусловно необходимо, — бинокль, который подносился къ субъекту то объективомъ, то окуляромъ, — достигали удаленіе или приближеніе фантома. Лупа постоянно, а микроскопъ очень часто увеличиваютъ галлюцинаторные образы, но не прибавляютъ подробностей. Въ зеркалѣ получаютъ отъ галлюцинацій симметричныя образы. Телескопъ «переворачиваетъ» фиктивное изображеніе, подобно реальному. Призма исландскаго шпата, которая удваиваетъ разсматриваемые съ ней предметы, не терять своихъ свойствъ и по отношенію къ внушеннымъ образамъ. Наконецъ, примѣняя экранъ, можно, въ зависимости отъ субъекта и момента опытовъ, получить разные результаты: галлюцинаторное видѣніе то закрывается экраномъ, то переносится на его поверхность, то остается безъ всякаго измѣненія, такъ какъ пациентъ продолжаетъ видѣть фиктивный предметъ и за заслономъ.

Само собою понятно, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо таинственномъ видѣніи сквозь непрозрачную среду, а происходитъ лишь продолженіе галлюцинаціи *). Въ заключеніе, нужно еще сказать о способности галлюцинаторныхъ видѣній давать послѣдовательные образы. На всѣхъ этихъ явленіяхъ, не желая повторяться, мы здѣсь не будемъ долѣе останавливаться. Замѣтимъ только, что, по заявленію Бине и Фере, опыты съ разными оптическими приборами были поставлены такимъ образомъ, что субъекты никакъ не могли угадать, какое должно произойти измѣненіе въ характеръ видѣнія.

Бернгеймъ, изслѣдованія котораго дали результаты, несогласные съ выводами названныхъ ученыхъ, держится того взгляда, что галлюцинаторный образъ представляетъ собою «изображеніе мозговое, психическое, а не физическое, которое не проходитъ черезъ периферическій зрительный аппаратъ, не имѣетъ объективной реальности, не подчиняется законамъ оптики, а только однимъ прихотямъ воображенія» **).

Не находя возможнымъ входить здѣсь въ разборъ этого спора относительно взгляда на природу галлюцинаторныхъ видѣній, позволимъ себѣ только замѣтить, что, если въ изслѣдованіяхъ Бине и Фере не были иногда соблюдены всѣ предосторожности, на которыя указываетъ Бернгеймъ, тѣмъ не менѣе, вопросъ все-таки продолжается оставаться открытымъ, и очень можетъ быть, что, судя по неодинаковости результатовъ опытовъ у

*) Причины неодинаковости результатовъ были выяснены въ упомянутомъ очеркѣ.

**) Бернгеймъ. I, 123.

одного и того же экспериментатора, придется, въ концѣ концовъ, допускать въ отдѣльныхъ случаяхъ то одно, то другое толкованіе, въ зависимости отъ разныхъ условій.

Кончая настоящую главу, мы еще должны въ короткихъ словахъ сказать здѣсь объ отрицательной галлюцинаціи или, какъ ее иначе называютъ, систематической анестезіи. Сущность этого явленія, наблюдаемаго у глубокихъ сомнамбуловъ, заключается въ томъ, что во время гипноза имъ можно внушить не видѣть, по пробужденіи, даннаго предмета, не слышать и не видѣть извѣстнаго лица и т. п. Отрицательная галлюцинація можетъ быть полная, когда данный предметъ или лицо не воспринимаются ни однимъ изъ чувствъ, или только частичная, когда запрещеніе наложено на какое-нибудь одно—два чувства. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

«Г-жѣ Д..., изъ моего отдѣленія, — рассказываетъ Бернгеймъ *), — я внушаю, въ присутствіи двухъ дамъ изъ города, посѣтившихъ госпиталь, — что, по своемъ пробужденіи, она меня не будетъ ни видѣть, ни слышать; я не буду тамъ присутствовать. Пробужденная, она меня ищетъ. Какъ ни старался я показать себя, какъ ни трубилъ ей на ухо, что я тамъ; щипалъ ее руку, которую она быстро отдергивала, не находя причины этого ощущенія. Присутствовавшія дамы говорятъ ей, что я здѣсь, что говорю съ ней; она меня не видитъ и думаетъ, что эти дамы насмѣхаются надъ ней».

«22 іюля 1885 г. я усыпляю въ своей лабораторіи m-Ne L., — говоритъ Бони *), — чтобы изслѣдовать время

*) Бернгеймъ. 48.

**) Бони. 89—91.

реакціи на осязательныя ощущенія; во время ея сна, я внушаю ей, что послѣ пробужденія она не будетъ видѣть г. Х., который находился съ нами въ лабораторіи. И дѣйствительно, послѣ ея пробужденія г. Х. исчезъ для нея; она удивляется тому, что не видитъ его, и говоритъ о немъ, какъ объ отсутствующемъ (напримѣръ: «г. Х.! у него видъ сумасшедшаго!» и т. п.); г. Х. говоритъ ей, она его не слышитъ; но, когда онъ ударяетъ по столу, она слышитъ шумъ и спрашиваетъ, откуда онъ?»

«Однажды мы внушили, — рассказываютъ Бине и Фере *), — одной гипнотизированной больной, что она не будетъ видѣть Ф..., хотя и будетъ слышать его голосъ. Проснувшись, больная слышитъ голосъ невидимаго Ф..., оглядываетъ всю залу и спрашиваетъ насъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Шутя, мы ей говоримъ: «Ф... умеръ, но душа его здѣсь, и она-то съ вами разговариваетъ»... Скоро снова раздался голосъ Ф...; онъ говоритъ, что умеръ въ прошлую ночь, и что тѣло его перенесли въ анатомическій театръ; больная складываетъ руки, лицо ея становится грустнымъ. Она спрашиваетъ, когда похоронятъ его; она желаетъ быть на похоронахъ. «Бѣдный молодой человѣкъ!» — говоритъ она, — «онъ не былъ дурнымъ». Снова слышится голосъ Ф.... Желая опредѣлить, какъ велико можетъ быть легковѣріе больной, онъ начинаетъ стонать, жалуется, что его тѣло подвергли вскрытію и пр. Сцена становится тяжелою. Подъ вліяніемъ волненія больная опрокидывается назадъ, у нея появляются начальные признаки припадка...».

Эти опыты можно разнообразить до безконечности.

*) Бине и Фере. 335—336.

Внушивъ, напимѣрь, субъекту, что кого-нибудь изъ присутствующихъ онъ не долженъ видѣть и слышать, а только чувствовать прикосновенія, можно предѣлать передъ нимъ цѣлый рядъ фокусовъ, которые даже и не слишкомъ легковѣрный готовъ будетъ принять за проявленіе спиритизма или чего-нибудь въ этомъ родѣ, въ особенности, если позаботиться объ уничтоженіи воспоминанія о гипнотизированіи *). Въ самомъ дѣлѣ, достаточно «невидимкѣ» залѣзть подъ столъ и, приподнявъ его на спинѣ, пройти по комнатѣ, чтобы установить фактъ «левитаціи» стола; взявъ въ руки гитару и сдѣлавъ на ней нѣсколько аккордовъ, получаемъ музыкальный концертъ «духовъ»; прикасаясь рукою къ разнымъ частямъ тѣла пациента, нетрудно вызвать въ немъ увѣренность, что онъ испыталъ прикосновеніе «невидимыхъ рукъ» и т. д. Для того же, чтобы увѣрить субъекта въ возможности «матеріализаціи» нѣкоторыхъ частей тѣла «духовъ», достаточно только предварительно внушить загипнотизированному, что черезъ столько-то минутъ онъ приобрететъ способность видѣть, положимъ, руку даннаго лица, которая, однако, вскорѣ опять должна сдѣлаться невидимой, и т. д. Мистификацію можно продолжить, сдѣлавъ отпечатки «матеріализованной руки» на глинѣ, оставивъ на бумагѣ факсимиле «духа» и т. п. Если же къ отрицательнымъ галлюцинаціямъ присоединить еще и внушенныя положительныя, то у насъ получится полный искусственный спиритическій сеансъ.

Въ заключеніе настоящей главы намъ слѣдовало-бы сказать еще нѣсколько словъ относительно природы от-

*) Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

рицательной галлюцинаціи, но, къ сожалѣнію, это вопросъ еще нерѣшенный. «Выраженіе «отрицательная галлюцинація», которымъ мы, въ Нанси, обозначаемъ это явленіе, — говоритъ Бернгеймъ, — критиковалось гг. Бине и Фере. «Это названіе особенно неудачно выбрано, — говорятъ эти авторы, — такъ какъ дѣло вовсе не идетъ о галлюцинаціяхъ. Понять это разстройство чувствительности можно только, приравнявъ его къ систематическимъ двигательнымъ параличамъ... Какъ въ отношеніи руки, такъ и глаза, дѣло идетъ объ явленіи запрещенія, которое вызываетъ «систематичный параличъ» (*Revue philosophique*, январь. 1885). Мои достопочтенные противники, мнѣ кажется, заслуживаютъ того же упрека, какой мнѣ дѣлаютъ, плохо понявъ природу и значеніе явленія».

«Создавъ образъ отсутствующаго лица, я вызываю галлюцинацію зрѣнія. Сдѣлавъ невидимымъ лицо или вещь, я не произвожу паралича зрѣнія: субъектъ видитъ всѣ предметы, за исключеніемъ того, который, по внушенію, невидимъ ему; я стеръ въ его мозгу чувственный образъ, я нейтрализовалъ или сдѣлалъ отрицательной перцепцію этого образа: я называю это отрицательной галлюцинаціею. Въ обоихъ случаяхъ психическія или психо-чувственные явленія одного и того же порядка: въ обоихъ случаяхъ я вызываю галлюцинацію».

«Нельзя не обратить вниманія также и на то обстоятельство, что во всѣхъ сложныхъ галлюцинаціяхъ, какъ искусственныхъ, такъ и естественныхъ, оба явленія нераздѣлимы. Въ то время, какъ сумасшедшій воображаетъ себя въ тюрьмѣ со всею ея обстановкою, онъ, однако, не видитъ окружающихъ его дѣйствительныхъ предметовъ и людей, что, впрочемъ, весьма понятно,

иначе-бы не могла существовать галлюцинація тюрьмы, — очевидно, что дѣйствительные чувственные образы изглажены его мозгомъ.

«Развѣ можно утверждать, что изъ этихъ двухъ порядковъ явленій только одинъ первый составляетъ галлюцинацію, а второй — не галлюцинація? Выраженіе «отрицательная галлюцинація» кажется мнѣ вполне отвѣчающимъ психическому механизму явленія, которое имѣетъ связь съ положительною галлюцинаціей». *)

Для насъ съ вами, читатель, терминологія не имѣетъ, конечно, большаго значенія, а потому вдаваться въ специальное разсмотрѣніе основаній предпочтенія того или другого термина не было-бы смысла. Но такъ какъ уясненіе психологической стороны явленія имѣетъ весьма существенное значеніе, и оставаться безъ всякаго, хотя-бы даже невѣрнаго понятія объ его сущности крайне неудобно, то мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на фактъ, который очень часто встрѣчается въ жизни, а именно, на тотъ случай, когда предметъ, буквально почти находящійся у насъ «подъ носомъ», долгое время ускользаетъ отъ вниманія, хотя мы его ищемъ, все кругомъ его переворачиваемъ, а онъ, между тѣмъ, лежитъ на виду. Въ подобныхъ случаяхъ, представляющихъ собою ту же, только болѣе слабо выраженную, самородную отрицательную галлюцинацію, мы, надо полагать, имѣемъ дѣло съ бессознательнымъ самовнушеніемъ, бессознательною предвзятою мыслью, что даннаго предмета здѣсь нѣтъ. Эта отрицательная перцепція предмета или, если такъ можно выразиться, бессознательная анперцепція

*) Bernheim. De la suggestion et de ses applic. à la thérapeutique. Deuxième éd. p. 64—6; русскій пер. стр. 50.

образа, который мы яко-бы не можемъ видѣть, можетъ быть вызвана или путемъ отвлеченія вниманія отъ предмета, сталъ быть, возбужденіемъ дѣятельности другихъ, сосѣднихъ участковъ мозга,—или же только бездѣятельностью участка мозга, соотвѣтствующаго опредѣленному чувственному воспріятію даннаго образа. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тою несовершенною отрицательною галлюцинаціею, которая можетъ быть какъ самородною, такъ и внушенною; во второмъ—съ настоящею, хорошо выраженною. Можно еще предположить, что бездѣятельность опредѣленныхъ мозговыхъ участковъ не составляетъ непремѣннаго условія, но можетъ быть замѣнена скрытымъ, пассивнымъ и безсознательнымъ воспріятіемъ. Какъ-бы то ни было, но образъ предмета, въ положительной или отрицательной формѣ, долженъ занимать въ мозгу строго опредѣленное мѣсто. Употребляя грубое сравненіе, его можно приравнять къ печати или сдѣланному ею сургучному или иному слѣпку.

Высказывая эти теоретическія соображенія о психической сторонѣ отрицательныхъ галлюцинацій, считаемъ долгомъ предостеречь читателя отъ излишняго къ нимъ довѣрія, такъ какъ высказанныя предположенія составляютъ наше личное мнѣніе, отвѣтственность за которое всецѣло должна лежать на насъ.

IV. Постъ-гипнотическія явленія. — Внушеніе на опредѣленный срокъ, — на яву и въ состояніи сомнамбулическаго бодрствованія. — Амнезія. — Ретроактивныя галлюцинаціи. — Мысленное внушеніе.

Еще въ предыдущей главѣ намъ не разъ приходилось говорить о галлюцинаціяхъ, которыя являются по про-

бужденіи субъекта, если ему во время сна было сдѣлано объ этомъ внушеніе. Вообще, реализація всѣхъ вызываемыхъ въ гипнозѣ явленій можетъ быть отложена на время, непосредственно слѣдующее за пробужденіемъ, или еще на болѣе отдаленное. Для этого достаточно внушить субъекту во время гипнотическаго сна, что данное дѣйствіе, данная галлюцинація должны произойти въ состояніи бодрствованія. Всѣ подобныя явленія, называемыя постъ-гипнотическими, имѣютъ, какъ нетрудно догадаться, громадное практическое значеніе. Правда, они удаются далеко не со всѣми, но «при извѣстной настойчивости и повтореніи ихъ можно добиться,—какъ утверждаетъ Форель,—почти у всѣхъ глубоко спящихъ субъектовъ, а иногда даже у лицъ, выдающихъ лишь въ состояніе гипноза безъ амнезіи» *).

Въ виду того, что намъ уже отчасти приходилось касаться постъ-гипнотическихъ галлюцинацій, мы не станемъ удѣлять имъ отдѣльнаго мѣста въ настоящей главѣ; для характеристики же всей совокупности постъ-гипнотическихъ явленій, приведемъ здѣсь пару примѣровъ, въ которыхъ внушенное дѣйствіе связано съ разнаго рода обманами чувствъ.

Профессоръ Форель рассказываетъ слѣдующій случай, на которомъ мы имѣемъ возможность наблюдать цѣлый рядъ постъ-гипнотическихъ явленій. «Когда вы проснетесь,—внушалъ ученый усыпленному,—то увидите меня въ яркочерномъ одѣяніи и съ двумя рогами на головѣ. Кромѣ того, жены моей, которая сидитъ возлѣ меня, больше въ комнатѣ не будетъ, а мѣсто, гдѣ теперь находится дверь, будетъ совершенно закрыто обоями, такъ

*) Форель. 41.

что вы будете вынуждены уйти черезъ другую дверь». Я говорю еще о многомъ другомъ и заставляю больного трижды зѣвнуть и проснуться. Субъектъ просыпается, открываетъ глаза, нѣкоторое время третъ ихъ, точно желая прогнать туманъ, смотритъ на меня, начинаетъ хохотать и снова начинаетъ тереть глаза. «Чему вы смѣетесь?» — «Да вы весь въ красномъ и вдобавокъ у васъ на головѣ два рога» и т. д. «Жена ваша ушла!» — «А гдѣ же она сидѣла?» — «На этомъ стулѣ». — «Видите вы этотъ стулъ?» — «Да». Я предлагаю ему ощупать стулъ; онъ дѣлаетъ это неохотно и щупаетъ вокругъ да около моей жены, то заявляя, что ощупываетъ стулъ, то увѣряя, что ощущаетъ какое-то невидимое препятствіе (это зависитъ отъ того, какимъ самовнушеніемъ онъ дополнилъ внушенныя ему явленія). Затѣмъ, онъ собирается уходить, но не можетъ найти двери и видитъ только обои даже въ то время, когда прикасается къ двери. Если я при этомъ дверь открываю, то иллюзія можетъ исчезнуть, либо не исчезнуть, и въ послѣднемъ случаѣ ему кажется, что образовавшееся отверстіе выполнено обоями, самой же двери онъ продолжаетъ не видѣть» *).

Въ данномъ примѣрѣ внушенное дѣйствіе, — выйти изъ комнаты, — не представляя ничего необыкновеннаго, хотя нельзя сказать того же о самихъ условіяхъ, при которыхъ оно совершалось, — могло быть выполнено очень легко и безъ сопротивленія. Но не всегда приходится имѣть дѣло съ такого рода случаями. Если внушенное дѣйствіе отличается нѣкоторою странностью, противорѣчить нравственному облику субъекта или его

*) Ibid. 43—44.

желаніямъ, то, въ зависимости отъ впечатлительности послѣдняго, въ немъ или происходитъ внутренняя борьба съ внушеніемъ, иногда, но рѣдко, оканчивающаяся побѣдою благоразумія, — или же онъ выполняетъ внушенное дѣйствіе безъ сопротивленія. Если спросить такого субъекта о причинѣ его поступка, то характеръ отвѣта будетъ согласоваться съ образованіемъ и темпераментомъ пациента. Одни говорятъ: «Меня что-то толкало къ этому, я чувствовалъ, что почему-то долженъ такъ поступать»; другіе: «Вотъ пришла въ голову фантазія — я и сдѣлалъ». Наконецъ, третьи пытаются, насколько это возможно, подыскать разумное основаніе для своего поступка. Существуютъ и такіе субъекты, которые во время выполненія внушенія «имѣютъ видъ настоящихъ сомнамбуловъ: взоръ ихъ неподвиженъ, движенія полны автоматизма; когда внушеніе исполнено, особенности эти теряются», они утрачиваютъ всякое воспоминаніе о совершенномъ и заявляютъ, что только-что проснулись. «Еслио пыть, — прибавляетъ Форель *), — дѣлается съ человѣкомъ, не имѣющимъ понятія о гипнотизмѣ и потерявшемъ въ гипнозѣ представленіе о продолжительности сна, то человѣкъ этотъ, по моему глубокому убѣжденію, никогда и не заподозритъ, что виновникъ и поощритель дѣйствія — никто иной, какъ гипнотизеръ».

Борьба между внушеннымъ побужденіемъ и личными желаніями пациента, совершающаяся въ немъ по побужденію, тянется иногда очень долго и много, какъ говорятъ, «стоитъ» больному «крови». Иногда для того, чтобы исполнить какое-нибудь довольно нелѣпное внушеніе, вродѣ стремленія сказать какое-нибудь ничего

*) Ibid., 43.

не значущее слово, пожать руку, хлопнуть по плечу и т. п.,—субъектъ, послѣ долгой бесплодной борьбы, возвращается за нѣскольکو верстъ. Одна, напริมѣръ, сомнамбула пришла къ экспериментатору и сказала: «Не знаю, зачѣмъ я сюда пришла, у меня гости, мнѣ нѣтъ времени, на дворѣ прескверная погода, грязь, а я пришла... Можетъ быть, и это — слѣдствіе магнитизма?».

Бернгеймъ *) внушилъ одному молодому человѣку стать, по пробужденіи, ногами на столъ. Онъ долгое время смотрѣлъ на послѣдній, но въ концѣ концовъ уваженіе къ присутствующимъ взяло верхъ, и внушеніе не было исполнено. Другому субъекту, S..., было внушено взять серебряную ложку, которую онъ увидитъ сзади себя на стулѣ. При этомъ въ комнатѣ никого не будетъ, т. е. вѣрнѣе, онъ никого не долженъ видѣть. Однако S... не обернулся и потому ложки не увидѣлъ; тѣмъ не менѣе, идея о кражѣ проявилась въ желаніи взять со стола часы, къ которымъ онъ даже прикоснулся, но потомъ сказалъ: «Нѣтъ, это воровство» и отдернулъ руку. Въ другой разъ, когда внушеніе было сдѣлано болѣе повелительно, опытъ вполне удался. Субъектъ сказалъ: «Ей, ей, тѣмъ хуже!» и положилъ ложку въ карманъ. Иногда, совершивъ внушенную кражу, пациентъ даже выбрасываетъ украденный предметъ,—до того ему противно всякое напоминаніе о совершенномъ воровствѣ.

Что касается вопроса о продолжительности постъ-гипнотическихъ явленій, то, въ зависимости отъ субъекта, силы и характера внушенія, они могутъ длиться отъ нѣсколькихъ секундъ до нѣсколькихъ часовъ и даже

) Бернгеймъ, 39.

дней, что, впрочемъ, бываетъ рѣдко. Докторъ Левинсонъ *) рассказываетъ даже такой случай съ одной пациенткою Льебо. Эта молодая дѣвушка, хорошая сомнамбула, получивъ два года назадъ отъ доктора ванъ-Рентергема изъ Амстердама фиктивную розу въ подарокъ, снесла ее домой, поставила въ воду и продолжаетъ мѣнять послѣднюю ежедневно. Роза продолжаетъ до сихъ поръ сохранять свой цвѣтъ и запахъ, чего, къ сожалѣнію, съ настоящими никогда не бываетъ. Дѣвушка объясняетъ это необыкновенное явленіе тѣмъ, «что это, вѣроятно, такой особенный, растущій въ Голландіи, сортъ розъ», и это обстоятельство ее очень восхищаетъ».

Одною изъ разновидностей постъ-гипнотическаго внушенія является такъ называемое *suggestion à échéance*, т. е. внушеніе на опредѣленный срокъ. Субъекту, положимъ, говорятъ: «Черезъ 13 дней, въ 10 ч. утра, вы придете ко мнѣ въ госпиталь», — и онъ, дѣйствительно, въ это время приходитъ, несмотря на то, что, проработавъ наканунѣ исполненія внушенія цѣлую ночь на желѣзоплавильномъ заводѣ и заснувъ только въ 6 часовъ утра, онъ долженъ былъ проснуться уже въ 9 часовъ и пройти 3 километра. Этотъ довольно жестокій опытъ былъ сдѣланъ Берггеймомъ.

Срокъ, назначенный для выполненія внушенія, опредѣлить нельзя. Бони говоритъ: «Что касается меня, я не сомнѣваюсь, что внушенія могутъ осуществляться даже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ» **). Извѣстны случаи

*) Форель. «Гипнотизмъ» Русскій переводъ, стр. 44. выноски.

**) Бони. 118.

осуществившагося внушенія черезъ 172 дня и черезъ годъ.

14 іюля 1884 г., усыпивъ m-Ne A. E., Бони сдѣлалъ ей слѣдующее внушеніе: «1 января 1885 г., въ 10 ч. утра, вы увидите меня; я приду поздравить васъ съ новымъ годомъ; затѣмъ, поздравивши васъ, я исчезну».

Въ назначенный день и часъ она находилась въ своей комнатѣ, когда услышала стукъ въ двери. Она сказала: «Войдите» и, къ крайнему своему удивленію, увидѣла Бони, который поздравилъ ее съ новымъ годомъ. Профессоръ былъ въ лѣтнемъ платьѣ, — томъ самомъ, которое было на немъ надѣто въ то время, когда дѣлалось внушеніе. Такой несоотвѣтственный сезону костюмъ крайне удивилъ m-Ne A. E., но она не имѣла даже времени сказать объ этомъ, такъ какъ Бони сейчасъ же ушелъ. Она немедленно подошла къ окну, чтобы видѣть, какъ онъ будетъ садиться въ экипажъ, но не увидѣла его болѣе.

Разсказывая объ этомъ подругѣ и другимъ лицамъ, между прочимъ, д-ру Льебо, и узнавъ отъ нихъ, что Бони въ это время не было въ Парижѣ, она продолжала все-таки увѣрять, что видѣла его, несмотря даже на его собственныя увѣренія въ противномъ *).

Въ другомъ опытѣ, произведенномъ Льежуа въ клиникѣ Льебо надъ Полемъ М., кромѣ галлюцинацій, субъекту было внушено и извѣстное дѣйствіе. Вотъ полный текстъ этого внушенія. «Черезъ годъ, въ этотъ же день, вамъ придетъ въ голову сдѣлать слѣдующее: вы придете утромъ къ г. Льебо. Вы ска-

*) Ibid.

жете, что въ теченіе года ваши глаза были такъ здоровы, что должны поблагодарить его и г. Льежуа. Вы выразите благодарность тому и другому и попросите у нихъ позволенія поцѣловать ихъ, на что они охотно согласятся. Послѣ этого вы увидите, что въ кабинетъ доктора войдутъ собака и ученая обезьяна, причемъ одна будетъ нести другую. Онѣ начнутъ дѣлать тысячу ужимокъ и прыжковъ, что васъ очень позабавитъ. Спустя пять минутъ, вы увидите, что придетъ цыганъ съ ручнымъ медвѣдемъ. Этотъ человѣкъ обрадуется, найдя свою собаку и обезьяну, которыхъ онъ считалъ потерянными, и, чтобы повеселить публику, онъ заставитъ танцовать своего медвѣдя, сѣраго американскаго медвѣдя, большаго, но весьма добраго, который васъ не испугаетъ. Когда этотъ цыганъ будетъ собираться уходить, вы попросите г. Льежуа дать вамъ десять сантимовъ, какъ подаеніе собакѣ, которая будетъ собирать деньги, и вы отдадите ей сами эти сантимы».

Само собою понятно, что опытъ былъ обставленъ такъ, чтобы сомнамбулу никто не могъ сообщить, что и когда должно произойти.

Въ назначенный день, равнѣ 9 часовъ, Льежуа пришелъ къ Льебо и прождалъ у него до половины десятаго, послѣ чего ушелъ, думая, что опытъ не удался. Но въ десять минутъ одиннадцатаго Поль М. пришелъ къ Льебо и сталъ его, согласно внушенію, благодарить: «онъ лучше помнитъ этотъ часъ, онъ, который никогда объ этомъ не думалъ». Затѣмъ паціентъ освѣдомился о Льежуа, — не придетъ-ли онъ? Тѣмъ временемъ вернулся Льежуа, за которымъ было послано. Поль поблагодарилъ его почти также, какъ и Льебо. Послѣ этого началась галлюцинація, прошедшая во всѣхъ

подробностяхъ согласно внушенію, но медвѣдя паціентъ не видѣлъ, точно также какъ не выполнилъ внушенія поцѣловать обоихъ экспериментаторовъ.

Погрузивъ Поля М., послѣ окончанія опыта, въ состояніе сомнамбулизма, Льежуа сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ относительно причинъ неточности исполненія внушенія. Думая, что опытъ былъ произведенъ въ 9 ч., Льежуа спросилъ усыпленного, почему онъ опоздалъ?

— Нѣтъ, сударь, — отвѣчалъ Поль, — это вы ошибаетесь... Тогда было десять минутъ одиннадцатаго, я и пришелъ въ этотъ часъ.

Неучастіе въ галлюцинаціи медвѣдя и неисполненіе внушенія — поцѣловать обоихъ экспериментаторовъ Поль М. объяснилъ тѣмъ, «что это ему сказали только одинъ разъ, а все остальное внушеніе повторили дважды» *).

Громадное значеніе срочныхъ внушеній очевидно, и мы не станемъ теперь говорить объ этомъ. Большинство сомнамбуловъ обыкновенно заявляютъ, что они всегда могутъ отличить то, что они дѣлаютъ по внушенію, отъ совершаемаго по собственной инициативѣ. Но это далеко не всегда вѣрно, и, во всякомъ случаѣ, подобное ощущеніе участія въ ихъ дѣйствіяхъ посторонней воли всегда можетъ быть уничтожено тѣмъ же внушеніемъ. Одна интеллигентная особа, которая говорила, что у ней «душа проникается чѣмъ-то чуждымъ» всякій разъ, когда ей приходится находиться подъ вліяніемъ скрытаго внушенія, была загипнотизирована Форелемъ, который внушилъ ей — сдѣлать ему одинъ вопросъ и при

*) Бони. 118—120.

этомъ прибавилъ: «Вы не имѣете ни малѣйшаго подозрѣнія, что я вамъ это сказалъ во время сна; вы сами уже давно хотѣли спросить меня объ этомъ. А теперь считайте до 6 и проснитесь». Внушеніе было исполнено, и когда паціенткѣ замѣтили, что ея вопросъ могъ быть внушеннымъ, она сказала: «О, нѣтъ, я положительно не могу ошибиться въ этомъ,—это была мысль совершенно самостоятельная».

Мало того, субъекта можно посредствомъ внушенія заставить забыть, что его гипнотизировали и онъ хотя подъ присягой покажетъ, что никогда не былъ усыпляемъ; другими словами, амнезія можетъ быть распространена не только на происходившее во время сна, но и на самый фактъ усыпленія. Тотъ же экспериментаторъ приводитъ случай, когда, желая произвести безболѣзненное извлеченіе зуба, больному была внушена анестезія. Но это несовсѣмъ удалось, и онъ проснулся, кричалъ и т. д. «Когда зубъ былъ извлеченъ,—разсказываетъ Форель,—я спокойно продолжалъ внушеніе, что онъ спитъ очень хорошо, что онъ рѣшительно ничего не почувствовалъ, что онъ по пробужденіи все это забудетъ, что онъ не испытывалъ никакой боли». И дѣйствительно, больной потомъ разсказывалъ постороннимъ, что извлеченіе зуба было совершенно безболѣзненно.

Но не слѣдуетъ думать, что внушеніе можетъ быть сдѣлано только во время гипнотическаго сна: оно возможно въ особомъ промежуточномъ состояніи между сномъ и бодрствованіемъ, называемомъ Бони «сомнамбулическимъ бодрствованіемъ», и на яву, т. е. когда субъектъ находится въ совершенно нормальномъ состояніи. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо, чтобы онъ отли-

чался очень большою впечатлительностью, или же былъ-бы, какъ говорятъ, «выдрессированъ» предварительными усыпленіями, число которыхъ очень неопредѣленно: иногда бываетъ достаточно двухъ, трехъ и даже одного усыпленія. У такихъ подготовленныхъ субъектовъ внушеніе можетъ вызывать тѣ же явленія, какъ и во снѣ: контрактуры, автоматическія движенія, измѣненія чувствительности, разнаго рода галлюцинаціи, амнезію, мутацизмъ *) и т. д. Существуютъ даже индивиды, которые, какъ говоритъ Бернгеймъ, только въ состояніи бодрствованія способны къ внушеніямъ, во время же сна послѣднія бываютъ недействительны **). Восприимчивость къ внушеніямъ на яву можно вызвать внушеніемъ же у загипнотизированнаго, до того этимъ свойствомъ необладавшаго (Форель).

Чрезвычайно интересенъ вопросъ о состояніи души во время внушенія,—безразлично, будетъ-ли оно сдѣлано во снѣ, или на яву. Всѣ согласны съ тѣмъ, что она бодрствуетъ, хотя измѣнена. Но каково это измѣненіе?—Относительно этого вопроса мнѣнія расходятся, что, какъ справедливо замѣчаетъ Форель, происходитъ вслѣдствіе догматизма, желанія систематизировать явленія. Льежуа считаетъ необходимымъ выдѣлить состояніе души во время бодрствованія изъ общаго ряда гипнотическихъ явленій и придумалъ для него особое названіе—первое или первичное состояніе ***), въ которомъ субъектъ вполне бодрствуетъ и совершенно

*) Замѣна въ произношеніи однихъ буквъ другими.

**) De la suggestion . . . р. 57.

***) Это названіе придумано по аналогіи со вторымъ состояніемъ, которымъ Азамъ обозначалъ второе состояніе

нормаленъ, за исключеніемъ относящагося къ предмету внушенія. Вотъ какъ онъ описываетъ это состояніе *): «Субъектъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго признака сна; глаза его открыты, движенія свободны, онъ говоритъ, ходитъ, дѣйствуетъ, какъ всѣ люди, онъ принимаетъ участіе въ разговорѣ, отвѣчаетъ на возраженія, обсуждаетъ ихъ, дѣлаетъ часто удачныя возраженія; повидимому, онъ совершенно въ нормальномъ состояніи, исключая одного пункта, надъ которымъ тяготѣетъ запрещеніе экспериментатора».

Къ этой характеристикѣ Бони считаетъ нужнымъ прибавить потерю памяти по отношенію къ только-что сдѣланнымъ внушеніямъ, тогда какъ для остального она вполнѣ сохранена. У нѣкоторыхъ субъектовъ замѣчается особая форма гипноза, при которомъ субъектъ остается съ открытыми глазами; у другихъ наблюдается состояніе помраченія (*fascination* — Бремо), весьма близкое къ сну съ открытыми глазами; наконецъ, у третьихъ замѣчается очарованіе (*charme*), какъ называлъ Льебо состояніе, близкое къ сомнамбулическому бодрствованію. Отвергая терминъ Льежуа, какъ незаключающій въ себѣ никакого указанія на душевное со-

души своей паціентки Фелиды, отличавшейся двойственностью сознанія во время бодрствованія. Жизнь этой паціентки дѣлилась на два періода: нормальный и второй, въ теченіи которыхъ она была то однимъ лицомъ, то другимъ, поочередно. Во второмъ состояніи она помнила происходившее съ нею въ нормальномъ періодѣ, но, во время послѣдняго, не имѣла понятія о второмъ состояніи. Возвращаясь къ нормальному періоду, она продолжала жить съ того момента, на которомъ застигло ее второе состояніе, какъ будто его вовсе не было.

*) Liégeois. De la suggestion hypnotique etc., p. 60.

стояніе субъекта, Бони считаетъ свое малоизученное сомнамбулическое бодрствованіе не только радикально отличнымъ отъ гипнотическаго сна, но отличаетъ его отъ помраченія, очарованія и неполнаго гипноза. Что касается Дельбефа, то онъ предполагаетъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ обыкновеннымъ сомнамбулическимъ сномъ, но съ открытыми глазами. По ассоціаціи идей, внушеніе вызываетъ здѣсь, по его мнѣнію, новый гипнозъ.

Форель, какъ мы уже сказали, считаетъ всѣ эти мнѣнія невѣрными, въ виду присущаго имъ стремленія къ обобщенію многообразныхъ явленій подъ одну какую-нибудь категорію. Для многихъ случаевъ гипнотическихъ и постъ-гипнотическихъ внушеній мнѣніе Дельбефа можетъ быть примѣнимо, такъ какъ тутъ возможно образованіе самовнушенія гипноза, при неподвижномъ взглядѣ и возможности полной амнезій. Но оно не можетъ быть распространено на всѣ случаи внушенія на яву, сложность которыхъ, въ зависимости отъ разныхъ индивидуальныхъ и иныхъ условій, очень велика. Форель подмѣтилъ, что чѣмъ сложнѣе и неопредѣленнѣе внушеніе, тѣмъ состояніе ближе къ гипнозу, и, наоборотъ, чѣмъ внушеніе короче, проще и естественнѣе, тѣмъ оно ближе къ бодрствованію. На примѣрахъ это, впрочемъ, будетъ яснѣе видно.

Внушивъ одной женщинѣ въ состояніи бодрствованія, что она болѣе не можетъ шевельнуть поднятую вверхъ руку, и видя, что внушеніе подѣйствовало, названный ученый быстро начинаетъ прибавлять внушеніе за внушеніемъ: «Сюда приближается левъ; вы его видите; онъ хочетъ насъ растерзать, — вотъ онъ уходитъ. Темнѣетъ. Свѣтитъ луна. Взгляните на эту

большую рѣку съ тысячами рыбъ. Все ваше тѣло одеревенѣло, вы не въ состояніи двинуться съ мѣста» и т. д. Всѣ эти впечатлѣнія вихремъ пробѣгаютъ въ сознаніи нашей пациентки, и состояніе ея души приближается къ состоянію души въ гипнозѣ; она видитъ это точно во снѣ».

Той же самой сидѣлкѣ въ другой разъ онъ внушилъ, чтобы она, сообщая ежедневно ассистенту о состояніи беспокойной больной Луизы Ц., постоянно называла ее Линою Ц., и при этомъ произнося слова «господинъ докторъ», совершенно безсознательно чесала себѣ рукою правую сторону лба. Внушеніе ежедневно выполнялось исполнѣ точно. Но такая странная по отношенію только къ одному слову парафазія очень смущала женщину, такъ что въ концѣ концовъ для того, чтобы избѣжать постоянной обмолвки, она стала говорить г-жа Ц. «Можно-ли допустить,—говоритъ Форель,—что она впадаетъ въ *condition prime* только въ моментъ произнесенія извѣстнаго имени и совершенія упомянутаго акта? Вѣдь она исполнѣ бодрствуетъ и разсуждаетъ весьма здраво». Столь же, по мнѣнію этого ученаго, очевидна невозможность примѣненія термина Льежуа и къ тѣмъ субъектамъ, которые подолгу сопротивляются внушенію, какъ это, наиримѣръ, было съ однимъ студентомъ, порывавшимся въ теченіе цѣлой недѣли сходить къ профессору, чтобы хлопнуть его по плечу. «Неужели и онъ,—говоритъ Форель,—въ теченіи цѣлой недѣли работалъ, слушалъ лекціи, спалъ и т. д. въ состояніи «*condition prime*»? *)».

Въ заключеніе мнѣній о состояніи души во время гип-

*) Форель. 52—54

нотическихъ внушеній намъ нужно сказать еще нѣсколько словъ относительно вопроса, какимъ образомъ пытаются объяснить исполненіе срочныхъ постъ-гипнотическихъ внушеній. Возбуждая этотъ вопросъ, мы не предполагаемъ предложить читателю его рѣшеніе, — до сихъ поръ у насъ еще нѣтъ общепризнаннаго объясненія, — но, сознавая важность вопроса, мы считаемъ неудобнымъ обойти его молчаніемъ.

Извѣстно, что, если загипнотизированнаго субъекта, которому сдѣлано срочное внушеніе, спросить, что ему предстоитъ сдѣлать, то онъ исполнѣ точно сообщитъ, въ чемъ состояло внушеніе, хотя въ нормальномъ состояніи онъ не имѣетъ объ этомъ ни малѣшаго понятія. Отсюда многіе (Бернгеймъ, Форель и др.) выводятъ заключеніе, что подвергнутый внушенію все время объ этомъ думаетъ, но безсознательно, или, какъ говорятъ, мысль о внушенномъ актѣ все время находится въ скрытомъ состояніи. Въ обыкновенномъ снѣ многіе субъекты могутъ проснуться въ заранѣе опредѣленный часъ, другіе же много разъ въ теченіе ночи вскакиваютъ и смотрятъ на часы. Изъ этого мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностью заключать о состояніи ума на яву у гипнотизированнаго въ отношеніи внушенія.

Что касается вопроса о способности гипнотиковъ измѣрять время *in abstracto*, то Бине и Фере считаютъ болѣе вѣроятнымъ допустить, что «проявленіе галлюцинаціи въ назначенный моментъ опредѣляется напередъ и обусловливается внѣшнимъ обстоятельствомъ», уничтоженіе котораго можетъ оставить галлюцинацію навсегда въ скрытомъ состояніи.

Въ опытахъ Бони и Бернгейма названные ученые указываютъ на существованіе отличительныхъ призна-

ковъ дней, на которые назначено выполненіе внушенія «первая среда въ октябрѣ, первое января. Эти даты быть можетъ, и служатъ *примтой* для больной,—все равно, какъ если-бы ей сказали: когда я буду бить въ ладоши, вы будете галлюцинировать». Впрочемъ, Бине и Фере весьма основательно считаютъ этотъ вопросъ открытымъ *).

Перейдемъ теперь къ весьма важному въ практическомъ отношеніи явленію внушенія фактовъ, никогда въ дѣйствительности не существовавшихъ. Бернгеймъ назвалъ это явленіе ретроактивною галлюцинаціею.

Противъ этого термина многіе не безъ основанія возстаютъ, считая его не отвѣчающимъ сущности явленія, гдѣ дѣло идетъ не о реальномъ воспріятіи и даже не о воспоминаніи послѣдняго. Это явленіе нѣсколько приближается къ тому, что въ психологіи извѣстно подъ именемъ *парамнези* или ложной памяти. Разница тутъ въ томъ, что въ то время, какъ въ ретроактивной галлюцинаціи никакая дѣйствительность не отвѣчаетъ внѣшнему воспоминанію, при парамнези происходитъ перенесеніе въ прошедшее комплекса реальныхъ, наблюдаемыхъ въ настоящемъ явленій.

Поясимъ это примѣрами. Если, пріѣхавъ въ какую-нибудь мѣстность, гдѣ вы никогда не бывали прежде, прочитавъ новую книгу, услышавъ только-что сочиненную оперу и т. д.,—вамъ покажется, что вы это видѣли, читали, слышали, то это будетъ примѣромъ парамнези. Это чрезвычайно интересное явленіе, играющее весьма важную роль въ нашей жизни, не входящее въ программу настоящей работы,—о немъ намъ при-

*) Бине и Фере. 262.

дется говорить въ особомъ очеркѣ, а потому, сдѣлавъ сравненіе, мы уже не вернемся болѣе къ парамнезін.

Когда же, подѣ влияніемъ внушенія, вы, положимъ, станете съ убѣжденіемъ увѣрять, что личность, которую вы, можетъ быть, впервые увидѣли, совершила нѣсколько дней тому назадъ убійство вашего ребенка, вдобавокъ, пожалуй, еще и не существовавшего никогда или находящагося въ вождельнномъ здравіи, — то это будетъ случай такъ называемой ретроактивной галлюцинаціи. Последняя можетъ быть и самородною, но это случается только у душевнобольныхъ, которые зачастую обвиняютъ себя или другихъ въ разныхъ мнимыхъ преступленіяхъ. У здоровыхъ же психически людей она является обыкновенно внушевною, причеиъ внушеніе ретроактивныхъ галлюцинацій можетъ быть сдѣлано и въ состояніи бодрствованія. Изъ многихъ примѣровъ приведемъ здѣсь только два, которые пришлось наблюдать Форелю. Однажды, указывая на совершенно незнакомаго паціенткѣ челоѣка, профессоръ сказалъ: «Вы знаете этого господина: съ мѣсяць тому назадъ онъ на вокзалѣ у васъ укралъ кошелекъ и съ нимъ скрылся и т. д.». Послѣ нѣкотораго вначалѣ удивленнаго, но пристальнаго разсматриванія, она стала «какъ будто» припоминать и въ концѣ концовъ дошла до того, что стала увѣрять, что въ кошелькѣ было 20 франковъ, и требовала наказанія преступника. Въ другомъ случаѣ, съ восьмилѣтнимъ мальчикомъ, котораго профессоръ демонстрировалъ въ Цюрихѣ на собраніи юристовъ, ребенокъ сталъ, послѣ внушенія, клятвенно увѣрять, что одинъ изъ почтенныхъ юристовъ укралъ восемь дней тому назадъ у него платокъ, а потомъ указалъ даже мѣсто и часъ происшествія. Пять минутъ спустя, тотъ

же ребенокъ, но подъ вліяніемъ противоположнаго внушенія, «съ такимъ же апломбомъ и клятвами отрекся отъ того, что только что съ увѣренностью показывалъ» *).

Этимъ фактовъ, полагаемъ, достаточно, чтобы дать понятіе о громадномъ значеніи ретроактивныхъ галлюцинацій.

Наконецъ, чтобы покончить съ важнѣйшими явленіями, наблюдаемыми при гипнозѣ, скажемъ еще нѣсколько словъ о мысленномъ внушеніи. Здѣсь, конечно, мы не будемъ касаться не только его теоріи, но даже и самыхъ фактовъ; приведемъ только самое незначительное число, чтобы не оставлять читателя въ совершенномъ невѣдѣніи относительно столь важнаго вопроса, Основаніемъ для такого, какъ можетъ, пожалуй, показаться, игнорированія этого интереснаго вопроса служить прежде всего его сложность, вслѣдствіе которой здѣсь пришлось-бы касаться многихъ явленій, которыя имѣютъ весьма отдаленное отношеніе къ гипнотизму и, однако, не могутъ быть замалчиваемы; да-лѣе,—не всѣми признанная реальность мысленнаго воздѣйствія (хотя это непризнаніе уже теперь не имѣетъ никакого научнаго значенія и объясняется скорѣе такъ называемою неохобіею нѣкоторыхъ ученыхъ) и, наконецъ, нежеланіе повторять то, о чемъ мы говоримъ въ особомъ очеркѣ, специально посвященномъ вопросу о телепатіи и телефаніи **). Итакъ, приведемъ только нѣсколько самыхъ короткихъ примѣровъ.

М-лле Луизѣ А... было сообщено во время гипноза,

*) Форель, 59 - 60.

**) «Вѣрить или не вѣрить?» «Природа и Люди».

что съ нею будутъ говорить умственно. Д-ръ Льебо положилъ на лобъ субъекта свою руку и сосредоточилъ мысли на вопросѣ: «Когда вы выздоровѣете»? Губы сомнамбулы внезапно задвигались, и она явственно произнесла: «Скоро». Ее попросили повторить, въ чемъ состоялъ вопросъ, и она буквально повторила его. Точно такимъ образомъ ее спросили, возвратится-ли она на будущей недѣлѣ. «Быть можетъ»,—отвѣчала пациентка. Вопросъ она опять повторила безошибочно. Затѣмъ, было написано на бумагѣ: «Мадемуазель, пробуждаясь, увидитъ свою черную шляпу окрашенную въ красный цвѣтъ». Записка была показана всѣмъ, послѣ чего экспериментаторы, Льебо и Гюэта, наложили руки на лобъ пациентки и умственно прочитали фразу. Галлюцинація по пробужденіи была полная *).

Нужно, однако, замѣтить, что, хотя прикосновеніе очень облегчаетъ передачу мысли, но оно вовсе необязательно. Послѣдняя можетъ передаваться и на разстояніи, иногда громадномъ. Гипнозъ тоже вовсе не непремѣнное, но благопріятное условіе, такъ какъ мысленное внушеніе прекрасно удается и въ бодрственномъ состояніи. Для сужденія о разнообразіи опытовъ, производившихся надъ умственнымъ внушеніемъ разныхъ дѣйствій, приведемъ здѣсь наудачу нѣсколько текстовъ внушеній.

«Лина должна снять браслетъ со своей лѣвой руки и одѣтъ на правую; — взять зонтикъ, стоящій около корзины съ бумагою, и раскрыть его; — вынуть платокъ изъ лѣваго бокового кармана господина Н. М. и положить въ карманъ его брата; — пойти и остановить

*) Бони, 136 — 137.

маятникъ у часовъ; — написать на бумагѣ свое имя карандашомъ, лежащимъ на рояли; — взять картонку отъ шляпы барона Н., перенести ее въ сосѣдную комнату и положить на диванъ» и т. д. и т. д. При этомъ, многіе опыты были довольно сложны, напримѣръ, взять, по пробужденіи, изъ библіотеки одного изъ экспериментаторовъ второй томъ сочиненія «Bibliotheca magica», открыть 365 страницу и прочесть двѣ строчки оттуда *).

Подобныхъ опытовъ въ настоящее время сдѣлано десятки и сотни тысячъ въ разныхъ обществахъ экспериментальной психологіи во всѣхъ государствахъ Европы и Америки. Но мы объ этомъ вопросѣ болѣе распространяться здѣсь не будемъ, а отсылаемъ къ упомянутому очерку, гдѣ читатель найдетъ также и указаніе литературы предмета.

V. Симуляція и способы ея обнаруженія. — Врачебное примѣненіе гипнотизма и его опасности.

Изъ всего сказаннаго въ предыдущихъ главахъ читатель могъ себѣ составить кое-какое понятіе объ явленіяхъ гипнотизма. Правда, многое, по разнымъ причинамъ, осталось даже не упомянуто, отъ чего пожалуй, пострадалъ интересъ изложенія, но, что касается сомнѣній въ реальности этихъ явленій, то, послѣ всего сказаннаго, полагаемъ, объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе, какъ показалъ опытъ, встрѣ-

*) Studien aus dem Gebiete der Geheimwissenschaften Zweiter Theil. Experimentalpsychologie und Experimentalmetaphisik, von Dr. Carl du Prel, Leipzig, 1891, 20—22.

чаются случаи, въ которыхъ экспериментаторъ легко можетъ быть введенъ въ заблужденіе относительно наблюдаемыхъ явленій, если не сохранить строгаго критическаго отношенія къ себѣ и другимъ во все время опытовъ. Существуютъ люди,—истеричные и, такъ называемые естественные лгуны, страдающіе ретроактивными самовнушенными галлюцинаціями,—которые безсознательно симулируютъ гипнозъ. Такіе господа «играютъ гипнозомъ», прибавляя къ нему собственныя самовнушенія, подчиняясь иногда только тѣмъ внушеніямъ, которыя лучше отвѣчаютъ ихъ минутному настроенію, а это въ большинствѣ случаевъ совпадаетъ съ наиболѣе театральными и фантастическими внушеніями. Тутъ экспериментаторъ, не желающій попасть впросакъ, долженъ быть постоянно «на-чеку».

Бываютъ также люди, которые, по своей ограниченности, воображаютъ, что для врача желательно, чтобы они, если не заснули въ дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, притворились спящими, и они, въ самомъ дѣлѣ, изъ «угодливости» притворяются.

Наконецъ, попадаются и такіе субъекты, которые изъ ложнаго стыда увѣряютъ, что они не спали, а нарочно притворялись, или же утверждаютъ это на томъ основаніи, что у нихъ не было полной амнезій, что же касается явленій внушенной каталепсій и т. п., то это было дѣломъ ихъ личнаго желанія или нежеланія. Но противъ послѣдней категоріи субъектовъ самое лучшее средство—повтореніе опыта, во время котораго имъ можно сдѣлать предложеніе доказать сохраненіе свободы ихъ воли.

Впрочемъ, бываютъ случаи, одинъ изъ которыхъ, приводимый Форелемъ, мы здѣсь расскажемъ, — гдѣ

играетъ роль чужое скептическое отношеніе, дѣйствующее подобно настоящему внушенію. Субъектъ, котораго профессоръ зналъ за хорошаго сомнамбула, способнаго впадать въ глубокой гипнозъ, подъ вліяніемъ вопросовъ одного недовѣрчиваго врача, однажды со слезами на глазахъ объявилъ въ присутствіи послѣдняго, что всѣ явленія гипноза, начиная со сна, анестезіи и т. п. и кончая постъ-гипнотическими дѣйствіями, были дѣломъ симуляціи. Форель, который былъ убѣжденъ, что это неправда, не выразилъ, однако, сомнѣнія въ истинѣ словъ больного. Сдѣлавъ ему выговоръ и потребовавъ съ него клятву больше ничего подобнаго не дѣлать, что онъ «съ глубокимъ умиленіемъ общалъ», профессоръ снова его загипнотизировалъ въ присутствіи врача, который имѣлъ, такимъ образомъ, случай самъ наблюдать явленія анестезіи и др. «Это, — заключаетъ Форель, — послужило гипнотизированному въ успокоеніе, а врачу — въ поученіе».

Наконецъ, нужно еще упомянуть о сознательномъ, въ виду какихъ-нибудь цѣлей, притворствѣ; но это, какъ справедливо замѣчаютъ Бине и Фере, легче всего обнаружить экспериментатору, имѣющему въ своемъ распоряженіи массу комбинацій опытовъ, основанныхъ на данныхъ физики, фізіологіи и патологіи.

Въ главѣ о галлюцинаціяхъ мы уже упоминали объ опытахъ съ призмой обыкновеннаго или исландскаго шпата, съ луною, биноклемъ, телескопомъ и т. д. Во всѣхъ этихъ опытахъ, если ихъ вести съ разными предосторожностями, устраняющими возможность опредѣленія свойствъ оптическихъ и акустическихъ приборовъ, нетрудно поймать симулянта. Напримѣръ, зная, что галлюцинаторный образъ долженъ при томъ или

другомъ положеніи призмы отклониться въ извѣстную сторону, казаться раздвоеннымъ, учетвереннымъ и т. д., достаточно только замаскировать призму и заставить смотрѣть черезъ нее галлюцинирующаго, чтобы по его отвѣтамъ заключить, притворяется-ли онъ, или дѣйствительно видитъ внушенный образъ.

Не желая повторять здѣсь того, что уже было говорено выше относительно опытовъ Бине и Фере, скажемъ только о примѣненіи магнита съ цѣлью обнаруженія симуляціи. Послѣдній, какъ извѣстно, обладаетъ свойствомъ трансферта и поляризаціи *). Дѣло въ томъ, что при одностороннихъ галлюцинаціяхъ, когда субъекту внушено, положимъ, видѣть образъ только однимъ глазомъ, слышать однимъ ухомъ и т. д., достаточно совершенно незамѣтно для гипнотика поднести къ нему замаскированный магнитъ, о свойствахъ котораго онъ къ тому же можетъ и не знать вовсе, — чтобы галлюцинація исчезла въ этомъ глазу или ухѣ и перешла на другой симметричный органъ. Точно такое же явленіе переноса наблюдается и при каталептическомъ состояніи. Придавъ, положимъ, при особой формѣ каталепсіи, или, согласно Бине и Фере, каталептоиднаго состоянія, правой рукѣ паціента какое-нибудь положеніе, связанное съ извѣстнымъ напряженіемъ мышцъ, мы получимъ, какъ извѣстно, «застываніе» ея въ этомъ положеніи. Если теперь приблизить къ субъекту маг-

*) Нѣкоторые, впрочемъ, съ этимъ несогласны; но, по нашему мнѣнію, это отрицаніе специфическаго дѣйствія магнита представляетъ собою одну изъ крайностей взятыхъ защитниковъ теоріи, сводящей всѣ явленія гипнотизма исключительно къ одному только внушенію и несомнѣнно согласной даже съ фактами.

нить, то правая рука начнетъ опускаться и принимаетъ положеніе, въ какомъ до этого находилась лѣвая, а эта послѣдняя поднимется и приметъ ту же позу, какая была первоначально придана правой рукѣ.

Поляризація, производимая магнитомъ, выражается, на примѣръ, въ томъ, что субъектъ, которому внушена какая-нибудь положительная или отрицательная (двусторонняя) галлюцинація, при приближеніи магнита, не испытываетъ ее: если ему внушено видѣть несуществующее, онъ перестаетъ видѣть;—не слышать чьего-нибудь голоса,—онъ начинаетъ его различать; по удаленіи же магнита внушеніе опять начинаетъ дѣйствовать. Внушенная амнезія тоже прекращается отъ дѣйствія магнита и восстанавливается послѣ его удаленія и т. д.

Существуютъ и другіе приемы обнаруженія симуляціи. Если, на примѣръ, на вытянутую руку каталептика, начинающую обыкновенно (по Вине и Фере) опускаться черезъ 10—15 минутъ, наложить барабанчикъ для полученія на цилиндрѣ аппарата Марей кривыхъ мелкихъ дрожаній, а на грудь—пневмографъ для записыванія дыхательныхъ движеній, то въ зависимости отъ того, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, — настоящимъ гипнотикомъ или симулянтomъ, — на цилиндрѣ получается и разный характеръ кривыхъ. Каталептизированная рука медленно опускается и не дрожитъ, давая на приборѣ совершенно правильную прямую, а кривая дыханія выражаетъ тотъ же спокойный характеръ. Напротивъ, у субъекта, который пытается подражать каталептической неподвижности, усталость въ связи съ усиленіемъ сохранить приданное положеніе, — обнаружится въ крайне неправильныхъ кривыхъ. При этомъ въ началѣ, когда силы еще позволяютъ поддерживать руку безъ особен-

наго напруженія, и другія кривыя спокойны, но вскорѣ начинаются колебанія, постепенно усиливающіяся...

Какъ видитъ читатель, способовъ обнаруженія симуляціи довольно много, но это только часть тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ экспериментаторъ. Въ сочиненіи, подобныхъ настоящему, приходится главнымъ образомъ заботиться о полнотѣ картины явленій гипноза и возможно меньшемъ обремененіи фактами, имѣющими только теоретическій интересъ, но не прибавляющими ничего существеннаго къ понятію о томъ или иномъ явленіи. Тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе упрека въ оставленіи безъ вниманія нѣкоторыхъ фактовъ, могущихъ казаться важными въ дѣлѣ обнаруженія симуляціи, упомянемъ еще о переносѣ посредствомъ магнита разнаго рода внушенныхъ движеній отъ одного симметричнаго органа въ другой, напримѣръ, перемѣщенія импульса письма изъ правой руки въ лѣвую;—далѣе, о такъ называемой двигательной поляризаціи, заключающейся въ томъ, что какое-нибудь внушенное автоматическое движеніе, подъ вліяніемъ магнита, прекращается или поляризуется;—затѣмъ объ эмоціональной поляризаціи, когда внушенное желаніе,—положимъ, ударить извѣстное лицо,—превращается въ нѣжное чувство, стремленіе поцѣловать;—объ явленіи дополнительной окраски галлюцинаторныхъ образовъ, подъ вліяніемъ того же магнита и т. д. Наконецъ, скажемъ еще о довольно эффектномъ опытѣ, основанномъ на способности нѣкоторыхъ субъектовъ впадать при сильномъ звукѣ, напримѣръ, отъ удара въ гонгъ,—въ каталепсію. Последняя, однако, при этомъ не наступаетъ, если къ больному поднести магнитъ, который уничтожаетъ реальное воспріятіе, вызывая отрицательную галлюцинацію.

Этихъ фактовъ мы считаемъ достаточнымъ для составленія довольно яснаго понятія о средствахъ къ обнаруженію симуляціи. Перейдемъ теперь къ врачебному примѣненію гипнотизма.

Въ одномъ случаѣ пациентомъ является 72-хъ-лѣтній алкоголикъ, страдавшій кромѣ того ревматизмомъ въ поясницѣ, «который согнулъ его въ три погибели». Это былъ неисправимый пьяница и зачинщикъ всякихъ интригъ, направленныхъ противъ усилій врача ввести начала воздержанія среди алкоголиковъ. Бернгеймъ давно махнулъ на него рукою, но въ 1887 г. попробовалъ, однако, загипнотизировать его. Субъектъ оказался очень впечатлительнымъ, и въ нѣсколько сеансовъ общее его настроеніе радикально измѣнилось. Интриги исчезли, какъ по волшебству, и вскорѣ онъ самъ просилъ вычеркнуть изъ его дневного раціона водку, которая ему до этого времени давалась, какъ неисправному пьяницѣ. Вскорѣ подъ вліяніемъ внушенія исчезъ и ревматизмъ. Больной сдѣлался очень воздержнымъ и вскорѣ вступилъ въ общество трезвости, котораго онъ сталъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ. Когда онъ, простудившись, снова заболѣлъ ревматизмомъ, то послѣдній уже послѣ трехъ сеансовъ исчезъ безслѣдно, и больной, несмотря на свои 72 года, сталъ работать усерднѣе, чѣмъ когда-либо. Внушеній воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ больше не понадобилось, и больной сталъ совершенно инымъ, обновленнымъ человекомъ.

Приведенный примѣръ, хотя и принадлежать къ наиболѣе удачнымъ случаямъ, тѣмъ не менѣе, какъ замѣчаетъ Форель *), «подобные результаты достигаются

*) Forel, 87.

у большинства больныхъ, которые впадаютъ въ достаточную степенъ сомнамбулизма; во многихъ случаяхъ простой гипотаксией можно также получить много случаевъ излеченія и улучшенія».

VI. Общее значеніе внушенія. — Его педагогическое примѣненіе. — Значеніе внушенія съ юридической точки зрѣнія. — Злоупотребленія. — Преступныя внушенія и средства къ ихъ раскрытію и предотвращенію.

Подходя къ концу нашего очерка явленій гипнотизма, намъ остается остановиться еще на значеніи ученія о внушеніи по отношенію къ его вліянію на измѣненіе свойствъ человѣческой души. Мы постараемся въ краткихъ чертахъ обрисовать ту роль, какую играетъ внушеніе въ многообразныхъ процессахъ нашей духовной жизни, которые обыкновенно стараются подвести подъ разные законы логики, этики, эстетики, политической экономіи и социологіи.

Въ настоящемъ сочиненіи, программа, характеръ и даже размѣры котораго опредѣляются извѣстнымъ кругомъ читателей, конечно, не приходится слишкомъ углубляться въ разсмотрѣніе чрезвычайно важнаго и необыкновенно обширнаго вопроса объ общественномъ значеніи внушенія. Здѣсь мы можемъ слегка коснуться его, скорѣе только намѣтивъ тѣ изъ основныхъ пунктовъ интересующаго насъ вопроса, которые, хотя, благодаря недостатку данныхъ относительно механизма нормальной психической дѣятельности, еще и далеки до полного освѣщенія, но по которымъ, тѣмъ не менѣе, уже и теперь можно себѣ составить общую картину будущихъ примѣненій внушенія.

Читатель, вѣроятно, не забылъ тѣхъ громкихъ возгласовъ: «Долой авторитеты! Долой предрассудки!» которые еще такъ сравнительно недавно раздавались въ лучшей, наиболѣе искренней и честной части нашей печати, всецѣло проникнутой стремленіемъ къ истинѣ, но за то и ослѣпленной собственнымъ увлеченіемъ, носившимъ подчасъ характеръ молодого, ничѣмъ не обуздываемого задора. Между тѣмъ, можетъ-ли что-нибудь быть ошибочнѣе и даже нелѣпнѣе этого стремленія къ ниспроверженію авторитетовъ? Вѣдь, отрицая значеніе и поклоненіе общепризнанному авторитету, проповѣдники свободы убѣжденія, сами того не замѣчая, отличались (хотя и съ добрыми намѣреніями) крайнею нетерпимостью къ чужому мнѣнію, несогласному съ ихъ направленіемъ. Съ запальчивостью, глухою къ возраженіямъ противоположнаго лагеря, они преслѣдовали поклоненіе дѣйствительно великимъ умамъ и вполне искренно думали, что и въ самомъ дѣлѣ цѣль ихъ—ниспроверженіе авторитетовъ—могла быть достигнута. Но эти поборники свободы мнѣнія совершенно забывали самую простую, всеѣмъ извѣстную истину, что наши личныя убѣжденія и симпатіи складываются задолго до того момента, когда мы вполне владѣемъ критическимъ анализомъ, и что часто никакія усилія ума не въ состояніи побороть авторитета какой-нибудь няньки, которая еще въ дѣтствѣ нашептала намъ о разной чертовщинѣ. Много-ли найдется людей, которыя, не вѣря въ сверхъестественныя силы, согласятся переночевать на кладбищѣ? А тѣ, которые это сдѣлають, развѣ могутъ сказать, «положа руку на сердце», что они свободны отъ всякихъ убѣжденій, симпатій и принциповъ, основанныхъ на томъ иногда неуловимомъ вліяніи окружающей среды или нѣкото-

рыхъ личностей, которое имѣетъ мало общаго съ требованіями логики? Стало быть, ниспровергая вполнѣ заслуженные авторитеты, мы все-таки не можемъ освободиться изъ-подъ власти чужого вліянія, которое къ тому же далеко не всегда благотворно... «Не давая себѣ въ томъ отчета, — говоритъ Льебо *), — приобретаешь моральныя и политическія понятія, фамилные, расовыя предразсудки и т. п., впитываешь въ себя идеи, которыя составляютъ вокругъ тебя атмосферу». Существуютъ социальныя и религіозныя принципы, которые нерѣдко вовсе не согласуются съ требованіями разсудка, въ которые, однако, «вѣришь и которые охраняешь, какъ свое собственное благо Эти принципы принадлежали предкамъ; они становятся даже національными, они плотью передаются отъ отцовъ къ сыновьямъ; разрушить ихъ убѣжденіемъ невозможно, какъ ни доказывай ихъ ложность, а силою — опасно. У людей можно встрѣтить мысли, приобретенныя подражаніемъ, которыя, какъ-бы абсурдны онѣ ни были, составляютъ съ ними цѣлое и подъ конецъ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе путемъ инстинкта».

Будетъ-ли когда-нибудь гипнотизмъ, эта, по выраженію Дюрана, интеллектуальная и моральная ортопедія, примѣняться въ воспитательныхъ домахъ и исправительныхъ заведеніяхъ, — это покажетъ будущее, хотя нѣкоторыя попытки дѣлались уже и въ настоящее время; но что подобное примѣненіе внушенія возможно, это не подлежитъ сомнѣнію. «Только тотъ, кто не понялъ сущности внушенія, — говоритъ Форель, — пугливо отступаетъ передъ подобною мыслью». Кому же она ясна, тотъ пой-

*) Приведено у Бернгейма, 96.

метъ, что кромѣ искорененія скверныхъ привычекъ, дурныхъ наклонностей и несимпатичныхъ чертъ характера ребенка, словомъ, такъ сказать, воспитательной терапіи, внушеніе можетъ имѣть и профилактическое значеніе.

Мы знаемъ, что наряду съ родителями, воспитателями, учителями, которые могутъ дѣлать съ дѣтьми, что имъ угодно, которыхъ дѣти уважаютъ, любятъ и поступаютъ согласно ихъ желанію, словомъ, вполне подчиняются умѣлому внушенію, — существуютъ другіе, самыя благія намѣренія которыхъ разбиваются о непослушаніе, встрѣчаютъ постоянно противорѣчіе, парализуются недовѣрчивымъ отношеніемъ къ воспитателю. Все это происходитъ, конечно, не отъ врожденныхъ недостатковъ дѣтей, какъ нѣкоторые думаютъ, потому что у подобныхъ наставниковъ всѣ дѣти оказываются непослушными, а отъ отсутствія педагогическаго такта воспитателя, который своимъ неровнымъ обращеніемъ, жалобами, постоянными напоминаніями, бранью за неуважительное отношеніе къ собственному авторитету, вѣчнымъ крикомъ и безсильнымъ гнѣвомъ достигаетъ совершенно противоположныхъ результатовъ. Нужно съумѣть поставить себя такимъ образомъ, чтобы мысль о непослушаніи никогда даже и не могла возникнуть въ умѣ ребенка; послѣдній будетъ совершенно безсознательно повиноваться внушенію, которое не должно, однако, переходить извѣстныя границы. Слѣдуетъ помнить, что, дѣйствуя на душу ребенка безъ разумныхъ убѣжденій, а только при помощи одного внушенія, можно лишить его самостоятельности, усилить до опасныхъ размѣровъ естественную склонность къ авторитету.

Какъ видитъ читатель, мы все время говорили о внушеніи въ состояніи бодрствованія, не касаясь вопроса

о примѣненіи усыпленія съ цѣлью воспитательною. Но, не отрицая значенія гипнотизированія въ умѣлыхъ рукахъ въ вышеупомянутомъ терапевтическомъ (т. е. исправительномъ) смыслѣ, мысль о гипнотическомъ усыпленіи съ цѣлями чисто педагогическими для насъ лично крайне несимпатична; къ тому же она осложняется и разными другими соображеніями. Впрочемъ, какъ показываетъ опытъ, и исправительное значеніе гипноза можетъ быть сильно ограничено. Форель рассказываетъ, напримѣръ, объ одномъ мальчикѣ, который былъ усыпленъ съ цѣлью исправленія его отъ лѣни. Въ теченіи нѣкотораго времени внушеніе дѣйствовало, ребенокъ сдѣлался прилежнымъ. Но потомъ лѣнь опять взяла свое. Тогда его хотѣли снова загипнотизировать; но мальчикъ наотрѣзъ отказался вторично подвергнуться этой операціи, такъ какъ внушенное прилежаніе было для него очень тяжело и непріятно,—это было неестественное, а вынужденное занятіе. Между тѣмъ, само собою понятно, главная изъ цѣлей педагогіи—это вырабатывать въ ребенкѣ любовь къ труду, а не сознаніе чего-то тяжелаго, непріятнаго, но неизбѣжнаго...

Этимъ мы закончимъ разсмотрѣніе вопроса о педагогическомъ значеніи внушенія и перейдемъ къ судебно-медицинскому примѣненію послѣдняго.

Всякому извѣстно, что существуютъ лица съ такъ называемою слабою волею, которые, независимо отъ ихъ ума и образованія, совершенно не въ состояніи сопротивляться вліянію окружающихъ, и, наоборотъ, встрѣчаются субъекты, которые способны съ неотразимою силою подчинить себѣ другихъ людей. «Это,—какъ говоритъ Форель,—великіе гипнотизеры по природѣ». Они часто, если недостаточно добросовѣстны, злоупотребляютъ сво-

имъ вліяніємъ. Типичнымъ представителемъ подобнаго сорта людей былъ Наполеонъ, много лѣтъ дурачившій Европу и въ особенности поляковъ. Бисмаркъ нѣкоторые причисляютъ къ той же категоріи людей. Всякій пользующійся успѣхомъ ораторъ дѣйствуетъ на толпу силою того же внушенія. Вообще, въ жизни субъекты, обладающіе большею или меньшею степенью способности дѣйствовать «магнетически» на окружающихъ, въ особенности женщинъ, довольно нерѣдки, и уголовная хроника даетъ намъ уже не мало примѣровъ злоупотребленія этою способностью.

Гипнозомъ возможно пользоваться съ разными преступными цѣлями, причемъ гипнотизированный можетъ быть какъ жертвою преступленія, такъ и его орудіемъ *). Гипнотику очень легко внушить подписать какой угодно вексель, поддѣлать чью-нибудь подпись, составить желаемое завѣщаніе, сдѣлать ложное показаніе, совершить убійство и т. д., и при этомъ никому и въ голову не придетъ обвинять во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ настоящаго ихъ виновника. Гипнотизированному можно внушить полную амнезію по отношенію ко всему, могущему скомпрометировать дѣйствительнаго преступника. Мало того, при нѣкоторой ловкости послѣдняго, возможно обставить дѣло такимъ образомъ, что помимо заявленія исполнителя преступнаго внушенія объ его личной, яко-бы ни отъ кого независимой инициативѣ, можно приобрѣсти увѣренность въ томъ, что мотивы преступленія кроются въ его выгоды, личной мести, ненависти и т. п. Мы не станемъ здѣсь приводить примѣры подобнаго рода примѣненія гип-

*) Lilienthal, Der Hypnotismus und das Strefrecht.

роза, такъ какъ это совершенно излишне, — читатель и самъ можетъ представить себѣ ту массу преступлений, источникомъ и средствомъ совершенія которыхъ можетъ быть гипнозъ. При этомъ одни только ретро-активные галлюцинаціи сколько способны надѣлать зла! Субъекту можно внушить, что онъ самъ или кто-нибудь другой совершилъ мнимое или дѣйствительное преступленіе. Тогда, въ первомъ случаѣ, мало того, что истинный преступникъ, отъ котораго отвлечено вниманіе правосудія, имѣетъ возможность скрыть слѣды преступления или даже просто уйти отъ заслуженной кары, но легко можетъ произойти роковая судебная ошибка, жертвою которой падетъ невинный. Извѣстно Тисса-Эсларское дѣло, гдѣ исчезновеніе 14-лѣтней христіанской дѣвушки было, на основаніи показаній еврейскаго мальчика, приписано убійству фанатическою сектою евреевъ. Этотъ до крайности темный процессъ, закончивавшійся оправданіемъ подсудимыхъ, произвелъ въ свое время большой шумъ, и многие до сихъ поръ пролжають думать, что участіе въ этомъ дѣлѣ евреевъ не было опровергнуто.

Бернгеймъ считаетъ показаніе мальчика-еврея дѣломъ внушенной ему судебнымъ слѣдователемъ ретро-активной галлюцинаціи. Не находя возможнымъ останавливаться здѣсь на изложеніи остроумныхъ соображеній этого автора, замѣтимъ только, что съ психологической точки зрѣнія заключеніе Бернгейма представляется вѣроятнымъ. Впрочемъ, предоставляя судить объ этомъ самому читателю, отсылаемъ его къ сочиненію названнато автора *), а сами перейдемъ къ

*) Бернгеймъ, 207 и слѣд.

разсмотрѣнію вопроса о средствахъ къ раскрытію и предотвращенію злоупотребленій гипнотизмомъ съ преступными цѣлями.

Признавая, что «загипнотизированный, впавшій въ достаточно глубокой сонъ, *можетъ* быть предметомъ какого угодно преступления», Форель находитъ, что «наибольшую пользу въ смыслѣ огражденія интересовъ личности принесло-бы сколь возможно полное ознакомленіе массъ съ гипнотизмомъ и съ опасностями, которыя онъ можетъ представить». Нельзя, однако, не замѣтить, что это средство обоюдоострое... Въ числѣ другихъ частныхъ мѣръ предосторожности Бони и Бернгеймъ предлагаютъ упоминавшіяся выше условія гипнотизированія, къ которымъ относится между прочимъ присутствіе третьяго лица. Наивность этого предложенія по отношенію къ злоумышленникамъ слишкомъ очевидна, чтобы стоило о ней распространяться.

Въ числѣ условій, благопріятствующихъ защитѣ личности отъ преступныхъ покушеній при помощи гипнотизма, указывается, не безъ основанія, на непостоянство и неоднобразіе картины гипноза, при которомъ возможна неполная амнезія, неожиданное пробужденіе, воспоминаніе о происходившемъ при помощи самовнушенія или при послѣдующихъ усыпленіяхъ субъекта другимъ лицомъ, возможность предохранительнаго внушенія неподчиненія ничьему гипнотизированію, кромѣ извѣстныхъ лицъ и т. д. Но противъ всѣхъ этихъ средствъ самозащиты можно очень многое возразить.

Не говоря уже о томъ, что существуютъ субъекты, способные впадать въ глубокой сомнамбулизмъ съ полнѣйшею амнезіею и выполняющіе постъ-гипнотическія дѣйствія, воображая, что дѣйствуютъ по собственной волѣ,

такъ какъ стараются разными способами скрыть свое преступленіе (Форель), — даже и въ случаѣ припоминанія въ послѣдствіи мотивовъ преступленія, виновникъ его, можетъ быть, уже успѣетъ обезпечить свою безопасность, тѣмъ болѣе, что, мы знаемъ, какъ часто совершаются преступленія съ гораздо меньшими предосторожностями. Что касается того мнѣнія, будто преступникъ можетъ быть легко открытъ, если загипнотизировать субъекта, то не слѣдуетъ забывать, что при тѣхъ чисто шаблонныхъ способахъ производства слѣдствія, какіе обыкновенно практикуются, мысль о возможности чужаго внушенія можетъ возникнуть крайне рѣдко. Кромѣ того, вѣдь, если можно предлагать внушеніе исключительной способности усыпленія только нѣкоторыми лицами, то не слѣдуетъ забывать, что и преступникъ можетъ обезпечить себя тѣмъ же способомъ...

Въ случаяхъ ретроактивныхъ галлюцинацій, говорить, можно, при извѣстной ловкости, путемъ внушенія дополнить фантастическое описаніе новыми фиктивными подробностями и, такимъ образомъ, яко-бы убѣдиться въ ложности предыдущихъ показаній. Но, не говоря уже о томъ, что для этого необходимо возникновеніе подозрѣнія, котораго можетъ и не быть, такимъ путемъ, строго говоря, нельзя ничего доказать, кромѣ развѣ способности субъекта къ внушенію, такъ какъ тутъ возможно смѣшеніе дѣйствительныхъ фактовъ съ внушенными.

Резюмируя все сказанное, нельзя согласиться съ тѣмъ положеніемъ, будто, какъ говоритъ Форель, небольшое число преступленій, совершаемымъ при помощи гипнотизма, объясняется тѣмъ, что «гипнотизеры ин-

стинктивно предчувствуютъ это», т. е. опасности, представляемая гипнотизмомъ по отношенію къ возможности раскрытія преступленій. Скорѣе, по нашему мнѣнію, небольшое число «гипнотическихъ» преступленій объясняется недостаточнымъ распространеніемъ свѣдѣній о гипнотизмѣ, а также недѣйствительностью во многихъ случаяхъ внушенія для совершенія преступления и рѣдкостью благоприятныхъ условій для примѣненія этого новаго «культурнаго способа совершенія злодѣйствъ».

Что внушеніе можетъ быть иногда недѣйствительно, объ этомъ мы уже имѣли случай говорить, и чѣмъ необычайнѣе требованія съ точки зрѣнія этики или общепринятыхъ правилъ общежитія, тѣмъ труднѣе его выполнение.

Вотъ тѣ общія условія, отъ которыхъ, согласно Форелю, зависитъ выполнение внушенія:

1) Сила индивидуальной восприимчивости къ внушенію.

2) Продолжительность вліянія, производимаго внушеніемъ на мозгъ гипнотизированнаго.

3) Степень гипнотическаго воспитанія или дрессировки.

4) Глубина сна (который, благодаря процессу диссоціаціи, ослабляетъ силу сопротивленія нормальной души, что особенно имѣетъ значеніе при внушеніи дѣйствій во время сна).

5) Тождественность внушенія, т. е. то свойство его, когда оно по возможности удачно, точно и энергично формулируетъ дѣйствіе, которое желаютъ вызвать, — другими словами: психическое вліяніе гипнотизера.

6) Нормальная индивидуальность гипнотизированнаго

т. е. степень его этического и эстетического развитія, сила его воли, его воспитаніе и т. д.

7) Психическое состояніе гипнотизированнаго во время сеанса и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ условій упоминаемое въ пунктѣ 6-мъ наиболѣе важно, такъ какъ человѣкъ съ гибкою совѣстью, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, легче поддается преступному внушенію, чѣмъ человѣкъ честный. Но, какъ видитъ читатель, усиленіе его противодѣйствія преступному вліянію весьма трудно поддается или даже вовсе не зависитъ отъ нашего желанія.

Такимъ образомъ, общій выводъ, къ какому мы должны прійти относительно значенія внушенія съ точки зрѣнія юридической, сводится къ довольно грустному заключенію о нашемъ почти полномъ безсиліи въ этомъ отношеніи.

Что же касается уголовной отвѣтственности за преступленія, совершаемыя при помощи гипнотизма, то нужно-ли говорить, что тутъ слѣдуетъ строго различать гипнотизера, т. е. дѣйствительнаго преступника, отъ субъекта, его пассивнаго орудія, котораго всѣ почти единогласно приравниваютъ въ этомъ отношеніи къ душевно-больному. Но нужно, однако, оговориться, что сюда не слѣдуетъ причислять тѣхъ субъектовъ, которые «для храбрости» или уничтоженія отвѣтственности добровольно позволяютъ усыпить себя, чтобы совершить преступленіе подъ вліяніемъ гипноза.

VII. *Свобода воли.*—*Заключение.*—*Литература гипнотизма.*

Нашъ очеркъ можно считать оконченнымъ. Оглянемся же теперь на минуту назадъ и посмотримъ, какое значеніе можетъ имѣть открытіе гипнотизма по отношенію къ психологіи вообще. Тѣ нѣсколько словъ, которыя мы хотимъ сказать относительно вопроса о свободѣ воли, въ сущности, читатель могъ уже давно прочесть между строкъ, и если мы хотимъ повторить ихъ вслухъ, то это происходитъ только вслѣдствіе нашей неувѣренности въ томъ, сдѣлали-ли мы въ достаточной степени возбудить къ себѣ вниманіе читателя.

Въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли послѣ того, что было говорено о внушеніи по отношенію къ нашимъ страстямъ, мыслямъ, всему нашему внутреннему міру, всей нашей дѣятельности,—говорить о какой-то свободѣ воли? Если и прежде еще были весьма глубоко-мысленные философы, отрицавшіе существованіе, какъ чего то эссенціональнаго, то въ настоящее время открытіе гипнотизма сдѣлало признаніе этой свободы совершенно невозможнымъ. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что понятіе о свободѣ воли есть только фикція, созданная нашимъ воображеніемъ на основаніи наблюденія плохо или вовсе не анализированныхъ явленій, или, какъ мѣтко выразилъ ту же мысль Спиноза, — «иллюзія свободной воли, ничто иное, какъ незнаніе мотивовъ нашихъ дѣйствій».

Такимъ образомъ, старый споръ детерминистовъ съ защитниками свободы воли получилъ, благодаря откры-

тію явленій внушенія, совершенно новое и неожиданное направленіе, устраниющее возможность какихъ-либо сомнѣній относительно его исхода. Намъ приходится или отвергнуть существованіе внушенія, или отказать въ реальности понятія о мыслительной и волевой свободѣ, которая сводится къ самовнушенію, т. е. «къ дѣйствию и воздѣйствию нашихъ мозговыхъ силъ (нервныхъ силъ вообще), которыя доходятъ до нашего сознанія лишь въ кульминаціонный моментъ своего проявленія» *). Нужно-ли говорить, какое изъ этихъ двухъ положеній имѣетъ болѣе основаній для его предпочтенія?

И такъ, стало быть, съ открытіемъ внушенія старая метафизическая школа психологій должна, наконецъ, уступить мѣсто новой, такъ называемой экспериментальной психологій. Въ противоположность своей предшественницѣ, считающей свое существованіе чуть-ли не тысячелѣтіями, въ теченіи которыхъ она не продвинулась въ дѣлѣ разрѣшенія разныхъ вопросовъ нашего самопознанія ни на волосъ впередъ, новая школа сдѣлала такъ много въ тотъ крайне незначительный промежутокъ своего существованія, во время котораго стали учреждаться въ разныхъ городахъ Стараго и Новаго Свѣта общества экспериментальной психологій, дѣятельность ея оказалась настолько плодотворною, что отнынѣ не можетъ быть даже и рѣчи о какой либо борьбѣ между метафизическимъ и экспериментальнымъ методами. Въ настоящее время, если и существуетъ расколъ въ направленіи воззрѣній на природу психической дѣятельности человѣка, то основанія его во всякомъ случаѣ методологическія... Тѣ два теченія,

*) Forel, 69.

матеріалистическое и спиритуалистическое, на которые раздѣлились изслѣдованія въ области психологiи, исключительно основаны на одномъ только различii въ толкованiи явленiй. Но и здѣсь нетрудно предвидѣть, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Матеріалистическое направленiе, котораго до сихъ поръ держалась наука, имѣетъ за собою слишкомъ плодотворное прошлое, чтобы можно было сомнѣваться въ его истинности. Тѣ факты, которые яко-бы противорѣчатъ современному научному міровоззрѣнiю, въ дѣйствительности, доказываютъ не невѣрность самаго направленiя, а только, что мы еще очень мало знаемъ природу...

Заслуга спиритуалистовъ заключается, конечно, не въ предлагаемомъ ими міросозерцанiи, которое, по нашему глубокому убѣжденiю, претавляетъ собою плодъ недоразумѣнiя, основаннаго на недовѣрiи къ собственной умственной силѣ по отношенiю къ раціональному объясненiю загадочныхъ явленiй, — а лишь въ томъ, что приверженцы этого направленiя обладаютъ достаточною энергiею, чтобы путемъ неослабной пропаганды своихъ идей обращать вниманiе науки на до сихъ поръ игнорированную область «чудеснаго». Смѣло можно сказать, что, когда представители научнаго міра перестанутъ считать зазорнымъ для себя изученiе окультизма, когда они вооружатся въ достаточной степени гражданскимъ мужествомъ, чтобы признать свое знанiе недостаточнымъ для объясненiя всѣхъ явленiй человѣческой природы, и возьмутся за ихъ изслѣдованiе по строго обдуманному научному методу, *тогда спиритизмъ перестанетъ существовать, такъ какъ сила его въ нашемъ незнанiи и отсутствiи мужества признать это.*

Давно-ли еще было, что занятіе врача гипнотизмомъ считалось чуть не признакомъ слабоумія, и, однако, теперь этотъ гипнотизмъ не только добился официальнаго своего признанія, но даже даетъ намъ въ руки могущественное средство къ изслѣдованію многихъ другихъ, считающихся пока отверженными, явленій чело-вѣческой природы.

Кто-то сказалъ, что наука во времена Месмера, выливая изъ корыта мутную воду, въ которой купался ребенокъ — гипнотизмъ, выбросила и его вмѣстѣ съ нею. Но этотъ ребенокъ не умеръ, его кое-кто приютилъ, и онъ развился въ цвѣтущаго юношу, подающаго большія надежды. Мало того, сами помои, оставшіяся послѣ купанія, тоже, оказывается, не пропали безслѣдно. Они оросили почву, гдѣ стали проростать нѣсколько извѣстныхъ въ древности, но впослѣдствіи, благодаря неблагопріятнымъ условіямъ, загложія растенія. Такимъ образомъ, наша обязанность заключается въ томъ, чтобы умѣлымъ, основаннымъ на научныхъ данныхъ уходомъ культивировать эти интересныя растенія, не допуская эксплуатаціи ихъ людьми, плохо знакомыми наукою и ея методами, или даже простыми шарлатанами.

Каковы-бы ни были наши теоретическія воззрѣнія на природу гипнотизма и внушенія, но тѣ блестящіе практическіе результаты, къ какимъ привело насъ ихъ изученіе, даютъ основаніе думать, что путь нашъ вѣренъ. Правда, болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ вопросѣ о природѣ внушенія окажется необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, но они не будутъ касаться самого направленія, а только, пожалуй, придется ту тропинку, которая идетъ параллельно теперешнему главному пути, расширить и присоединить къ послѣднему,

сдѣлавъ, такимъ образомъ, и всю дорогу шире и провозоспособнѣе. А для этого намъ только хорошенько придется помнить слова Клода Бернара, говорившаго, что «результаты опыта слѣдуетъ принимать въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются, съ ихъ непредвидѣнными и случайными явленіями».

Помня свое обѣщаніе представить перечень сочиненій по гипнотизму, упомянемъ здѣсь нѣсколько изъ нихъ, заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, наибольшаго вниманія. При этомъ нельзя, однако, не оговориться, что при той массѣ сочиненій, которыя постоянно обогащаютъ и безъ того крайне обширную литературу этого предмета, очень трудно сдѣлать выборъ, противъ котораго не нашлось-бы возраженій, въ зависимости отъ требованій и направленія читателя... Но мы, во всякомъ случаѣ, постараемся дать указанія на сочиненія разнаго направленія, чтобы читатель могъ ознакомиться съ вопросомъ разностороннѣе. Для облегченія же выбора по отношенію къ частнымъ требованіямъ читателя, мы разобьемъ сочиненія на три рубрики: исторію, теорію и примѣненіе гипнотизма. Но само собою понятно, что такого строгаго дѣленія быть не можетъ, и читатель въ теоретическихъ сочиненіяхъ найдетъ какъ исторію вопроса, такъ и примѣненіе гипнотизма, и наоборотъ. При названіяхъ болѣе старыхъ сочиненій мы проставляемъ годъ.

Исторія гипнотизма.

L. Figuier. Les mystères de la science.

Durand (de Gros). Le merveilleux scientifique.

Un Initié. Mystères des sciences occultes.

Deleuze. Histoire du magnétisme animal 1813.

Maury. La magie et l'astrologie dans l'Antiquité et au Moyen âge.

Kiesewetter. Geschichte des Neuren Occultismus.
Цѣнный библиотечный указ.

Можно еще указать на общія сочиненія по исторіи медицины:

Sprengel. Histoire de la médecine.

Bouchut. Hist. de la médecine etc.

Haeser. Lehrbuch der Geschichte der Medicin.
Кромѣ того, можно назвать работу Р. Richet въ *Nouvelle Revue*, 1-го août 1882, и Ш. Рише: «Сомнамбулизмъ, демонизмъ» ..

Теорія гипнотизма.

Форель. Гипнотизмъ, его значеніе и примѣненіе.

Бони. Гипнотизмъ. 2 изд.

Вундт. Гипнотизмъ и внушеніе.

Крафтъ-Эбингъ. Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнотизма.

Левинсонъ. Бесѣды о гипнотизмѣ.

Бине и Феръ. Животный магнетизмъ. Переводъ неважный.

Ш. Рише. Клиническій очеркъ большой истеріи или истеро-эпилепсін.

Мочутковскій. Объ истерическихъ формахъ гипноза.

Gilles de la Tourette. L'hypnotisme et les états analogues au point de vue...

Тархановъ. Гипнотизмъ и внушеніе.

Bernheim. De la suggestion et de ses applic. à la thérap. 3 ed. Рус. пер. «О внушеніи и пр.» очень плохъ, мѣстами даже невозможенъ.

Liebault. Le sommeil provoqué et les états analogues.

— Thérapeutique suggestive, son mécanisme...

Pitres. Des Suggestions.

Moll. Der Hypnotismus. 2-te Aufl.

Schmidkunz. Psychologie des Suggestions.

Azam. Hypnotisme, double conscience et altérations de la personnalité.

Bottey. Le magnétisme animal.

L. Sicard. Contribution à l'étude de l'hypnotisme et de la suggestion.

Brullard. Considérations générales sur l'état hypnotique.

Barth. Le sommeil non naturel...

Delboeuf. Une visite à la Salpêtrière и др. преимущественно въ Rev. phylos.

Baretti. Le magnétisme animal étudié sous le nom de force neurique.

Du-Prel. Experimentalpsychologie und Exp.-metaphysik. 2-я часть. Studien aus dem Gelüchte der Geheimwissenschaften (Первая — Thatsachen und Proleme — также прочтется съ интересомъ).

Gurney, Myers, Podmore. Les hallucin. telepathiques.

K. Gerster und K. Du-Prel. Professor Dr. E. Mendel in Berlin und der Hypnotismus.

Прейеръ. Объясненіе чтенія мыслей...

Gurney. Telepathie.

Chazorain et Dècle. Les courants de la polarité dans l'aimant et dans le corps humain.

Rochas. Le fluides magnétiseurs.

— Les forces non définies.

Bonaventura. Die Mysterien des Schlafs u. d. Magnetismus. 1856.

Debay. Die Myster. des Schlaf. u. d. Magnet. 1855.

Glaser. Zurechnungsfähigkeit, Willeusfreiheit Gewissen u. Strafe.

Perels. Vorträge üb. Sinnesempfindungen... 1876.

Что касается вопроса о гипнотизмѣ животныхъ, то отсылаю къ главѣ VIII первой части этой книжки.

Примѣненіе гипнотизма.

Liégeois. De la suggestion hypnotique dans ses rapports avec la droit civil et le droit criminel.

Lilienthal. Der Hypnotismus und das Srafrecht.

P. Garnier. L'automatisme somnambulique devant tribuneaux

Hagen. Ueber Sinnestäuschungen in Berug auf Psych., Heilkun. u. Rechtspflege.

Alphaudery. La thérapeutique morale et la suggestion.

Deplats. Applications thérapeutiques de l'hypnotisme et de la suggestion.

Fontin et Ségard. Les éléments de médecine suggestive.

Vizioli. La thérapeutique suggestive.

Токарскій. Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія.

Общую библиографію гипнотизма читатель найдетъ у *Dessoir'a* въ «*Bibliographie des modernen Hypnotismus*» 1888, гдѣ указываются важнѣйшія сочиненія, вышедшія до 1888 г.

Изъ періодическихъ изданій назовемъ: «Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи», «Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи», «Вопросы философіи и психологіи». Изъ иностранныхъ, кромѣ разныхъ *Comptes-rendus* и другихъ, мѣстами цитированныхъ изданій въ подобномъ родѣ, назовемъ: «*Revue de l'hypnotisme*», «*Mémoires de la Société de Biologie*», «*Archives de neurologie*», «*Revue philosophique*», «*Annales des sciences psychiques*», «*Revue de Biologie*», «*Annales médico-psychologiques*». «*Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft*», «*Centralblatt für Nervenheilkunde u. Psychiatrie*», «*Neurologisches Centralblatt*», «*Zeitschrift für Hypnotismus*». Для полноты прибавимъ еще «*Physische Studien*», «*Sphinx*» и «*Ребусъ*», но рекомендовать ихъ не можемъ, особенно послѣдній.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Ч А С Т Ь I.

Исторія вопроса о гипнотизмѣ и внушеніи.

Стр.

I. Оккультизмъ въ древности и его отношеніе къ современному гипнотизму и внушенію	3
II. Теологическое толкованіе явленій гипнотизма и внушенія у древнихъ народовъ. — Магія и медицина по отношенію къ философій.	21
III. Внушеніе въ Средніе Вѣка. — Демонизмъ и изгнаніе бѣсовъ. — Чудесныя исцѣленія	43
IV. Метафизическая философія въ эпоху гуманизма и ея вліяніе на появленіе идей животнаго магнетизма	58
V. Антонъ Месмеръ, его теорія и отношеніе къ ней во Франціи XVIII вѣкѣ. Открытіе искусственнаго сомнамбулизма маркизомъ Шастне де-Пюизегюромъ и каталепсін съ транспозиціей чувствъ Патетеномъ. — Абатъ Фарія	82
VI. Позитивное направленіе. — Гипнотизмъ по теоріи Брада. — Изученіе гипнотическихъ явленій въ Сальпетриерѣ. — Шарко и его школа. — Характеристика трехъ фазъ большого гипноза. — Нансійская школа. — Теорія внушенія. — Сопоставленіе взглядовъ обѣихъ школъ	105
VII. Опыты барона Рейхенбаха, повѣрка ихъ въ Лондонскомъ Обществѣ Психическихъ Исслѣдованій	

и наблюдёнія Люиса и Роша. Значеніе этихъ и нѣ-
которыхъ другихъ недавшихъ опытовъ для теоріи
гипнотизма. 125

VIII. Исторія гипнотизма у животныхъ 144

ЧАСТЬ II.

Теоретическое и практическое значеніе гипнотизма.

I. Способы гипнотизированія и пробужденія. —
Классификація гипнотическихъ явленій и характери-
стика степеней гипноза. — Восприимчивость къ гипно-
тизированію 155

II. Характеристика психическаго состоянія въ гип-
нозѣ. — Отношеніе пациента къ гипнотизеру. — Опре-
леніе понятія «внушеніе» 171

III. Явленія внушенія. — Обманы органовъ чувствъ. —
Одностороннія и отрицательныя галлюцинаціи 191

IV. Постъ—гипнотическія явленія. — Внушеніе на
опредѣленный срокъ, — на яву и въ состояніи сомнам-
булическаго бодрствованія. — Амнезія. — Ретроактивныя
галлюцинаціи. — Мысленное внушеніе. 221

V. Симуляціи и способы ея обнаруженія. — Вра-
чебное примѣненіе гипнотизма и его опасности 240

VI. Общее значеніе внушенія. — Его педагогическое
примѣненіе. — Значеніе внушенія съ юридической точки
зрѣнія. — Злоупотребленія. — Преступныя внушенія и
средства къ ихъ раскрытію и предотвращенію 247

VII. Свобода воли. — Заключение. — Литература гип-
нотизма 258

Будин

Онѣгинъ. Ром. въ стих. А. С.
18 стр.; ц. 15 к. съ пер. 25 к.

Сочиненія Гр. Л. Н. Толстого:

Много-ли человѣку земли нужно; цѣна
коп., съ перес. 10 к.

Смерть Ивана Ильича; ц. 10 к., съ
перес. 15 к.

Плоды просвѣщенія. Ком. въ 4-хъ д.;
цѣна 15 коп., съ перес. 25 к.

Сочиненія В. И. Немировича-Дан- ченко:

По закону. Романъ. 220 стр.; цѣна
руб. съ перес. 1 р. 20 к.

Въ огнѣ. Повѣсть изъ послѣдней рус-
ско-турецкой войны; ц. 1 р. съ перес.
р. 30 к.

Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. 7-е изд. 507 стр.;
ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 к.

Въ потьмахъ. Разказы, 270 стран.;
цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к.

Восемьдесятъ героинь. 244 стр.; цѣна
руб., съ перес. 1 р. 20 к.

Сполохи. 195 стр.; ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Разошлись. Повѣсть 171 стр.; цѣна
руб., съ перес. 1 р. 20 к.

Бѣломорье и Соловки. Воспоминанія
и разказы; изданіе 4-е, 348 стр.; цѣна
руб. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 к.

Ведьма Рудокопъ. Повѣсть для дѣ-
тей старшаго возраста; съ 4-мя рис.,
200 стр.; ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Контрабандисты. Романъ съ 80 рис.,
256 стр.; ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Сочиненія П. Лѣтнева:

На волосѣхъ. Романъ; 238 стр.; цѣна
1 руб., съ перес. 1 р. 20 к.

Бархатные когти. Романъ въ 2-хъ ч.,
237 стр.; цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к.

Поперекъ дороги. Повѣсть. 263 стр.;
цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к.

Сочиненія Г. Ѳ. Квитки-Основья- ненко:

Томъ первый—драматическія сочине-
нія; цѣна 35 коп., съ перес. 50 коп.

Томъ второй—малороссійскія повѣсти.
684 стр.; цѣна 75 коп., съ перес. 1 р.

Полное собраніе сочиненій И. П. Мятлева:

Съ портр. и биографіей. 656 стр.; цѣна
1 р., съ перес. 1 р. 35 к.

Сочиненія Ф. Шиллера:

Племянникъ-дядя. Комедія въ 3-хъ д.;
перев. съ нѣмецкаго Гомберга; ц. 15 к.,
съ перес. 25 к.

Разбойники. Трагед. переводъ съ нѣ-
мецкаго; ц. 25 к., съ перес. 35 к.

Вильгельмъ Телль. Драма въ 5 д.;
перев. съ нѣмецкаго Гомберга; ц. 25 к.,
съ перес. 35 к.

Коварство и Любовь. Трагедія въ
5-ти д., перев. Гомберга; ц. 25 к., съ
перес. 35 к.

Орлеанская дѣва. Трагедія въ 5-ти д.
переводъ съ нѣмецкаго; ц. 25 к. съ пе-
рес. 35 к.

Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Траге-
дія въ 5-ти дѣйств., переводъ съ нѣмец.;
ц. 25 к., съ перес. 35 к.

Сочиненія Г. Лессинга:

Натанъ Мудрый. Переводъ съ нѣмец-
каго; цѣна 25 коп., съ перес. 35 к.

Молодой ученый. Переводъ съ нѣ-
мецк. Гомберга. Ком. въ 3-хъ д.; ц. 25 к.
съ перес. 35 к.

Минна фонъ-Бернгельмъ. Переводъ
съ нѣмецк. Гомберга, ком. въ 5-ти д.; ц.
25 к., съ перес. 35 к.

Эмилія Галотти. Трагедія въ 5-ти
дѣйств., переводъ съ нѣмецк.; ц. 25 к.,
съ перес. 35 к.

Шейлокъ (Венеціанскій купецъ). Др.
въ 5 дѣйств. В. Шекспира. 173 стр.; ц.
25 к., съ перес. 35 к.

Эмиль Золя. Этюдъ В. Библикова, съ
приложеніемъ повѣсти „Та, которая
меня любитъ“. 47 стр.; цѣна 25 к., съ
перес. 35 к.

Сочиненія Бьернстьерне-Бьернсона:

По Божьему пути. Романъ, переводъ
съ норвежск. М. Лучицкой. 607 стр.;
цѣна 35 к., съ перес. 55 к.

Драмы: 1) Леонарда, драма въ 4-хъ
дѣйств. 2) Новая система, др. въ 5-ти
дѣйств. 333 стр.; цѣна 35 к., съ перес.
50 коп.

Повѣсти и разказы: „Орлиное гнѣ-
здо“, „Веселый малый“, „Арне“, „Бу-
ланный“, „Вѣрность“ и „Загадка жизни“. 441 стр.; цѣна 35 коп., съ пересылкою
50 к.

Новыя вѣянія. Романъ. 2 тома. 683
стр.; цѣна 70 к., съ перес. 1 р.

При требованіи различныхъ сочиненій не менѣе какъ на 1 рубль за пересылку не взимается.

Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и рассказы. А. В. Крулова; 300 стр.; цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к.

Свои-Чужіе. Романъ А. В. Крулова; 257 стр.; ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Стихотворенія. Г. И. Аристова, 122 стр. цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

Сочиненія Г. Сенкевича:

Повѣсти и рассказы. «Напрасно», «Старый слуга», «Гани», «очерки углемъ», «Янко-музыкантъ», «Пойдемъ за нимъ» и «Фонаричикъ». 417 стр.; цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Безъ догмата. Романъ. 404 стр.; цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Повѣсти и рассказы. «Побѣдитель», «Та третья», «Татарская неволя», «На одну карту», «Ангель», «Сахемъ», «Поселянка», «Вой быковъ», «Вѣловѣжская пуща», «Поездка въ Аены»; цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Тайны Одессы. Романъ въ 3-хъ ч. П. Л. Гроссуль-Толстого. 397 стр.; цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 30 к.

Повѣсти и рассказы Н. Ф. Кудинова. 410 стр.; ц. 1 р. съ перес.

Водопадъ Нивачъ. Большая картина, печатанная масляными красками, съ оригинала художника В. Г. Казанцева; цѣна съ перес. 2 р.

Крушеніе Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 г. Большая историческая картина, отпечатанная въ 22 краски, извѣстнаго художника Н. Н. Каразина; цѣна съ пересылкою 1 р. 50 к.

Альбомъ «Типы Россіи» восемь рисунковъ художницы Е. П. Саломкиной-Судковской; цѣна 1 р. съ перес.

Альбомъ фототипій съ картинъ изъ русскихъ художниковъ. Альбомъ состоитъ изъ 20 фототипій, отпечатанныхъ въ худ. завед. фототипа Импер. Академ. Худ. В. П. Штейна; цѣна 1 р. съ перес.

Художественная Россія. Общеизвестное подробное описаніе нашего отечества по отдѣльнымъ городамъ и областямъ, охватывающее всѣ стороны русской жизни. Новгородъ и его природа. Тверь и верховья Волги. Псковъ и древній рубежъ русской земли. Производство кружевъ въ Россіи. Астрахань и Каспійское побережье. Въ 4 д. листа. 400 стр. текста и 166 рис.; цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 70 к.

Экспедиція въ Китай 1874—75 гг. генеральнаго штаба подполковника Ю. А.

Сосновскаго. Томъ I-ый. (Болѣе не издано). Съ картою. 894 стр.; ц. 1 руб. 75 коп., съ перес. 2 р. 25 к.

Исторія происхожденія неба, земли и трехъ царствъ природы: минеральнаго, растительнаго и животнаго, по откровенію Священнаго Писанія и по научнымъ изслѣдованіямъ. П. Н. Банкальскаго; 249 стр.; ц. 2 р., съ перес.

Страстная седмица въ жизни Спасителя. Последніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. С. Набольскаго. 120 стр.; цѣна 1 р. съ перес.

Житіе преподобнаго Θεодосія Печерскаго; ц. 10 к., съ перес. 20 к.

Житіе преподобнаго Антонія и преподобнаго Варлаама Печерскихъ; ц. 10 к., съ перес. 20 к.

Сочиненія Герберта Спенсера:

Основныя начала (познаваемое). Переводъ Л. Алексѣева. 375 стр.; цѣна 2 р. 50 к., съ перес.

Начала социологіи (Обрядовыя учрежденія). 392 стр.; ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Описательная социологія. Англія. Съ таблицами. 340 стр.; ц. 3 р. съ перес.

О философскомъ ученіи гр. Л. Н. Толстого, по XIII тому его сочиненій. Критич. этюды В. Юзефовича. Изд. 2-а. 163 стр.; цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

Врожденіе. Критич. очерки Макса Нордау. Перев. В. Генкена; 450 стр. ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Праздныя мысли лѣнтяя. «О лѣни, тщеславіи, любви, нуждѣ, памяти, объ одеждѣ, ѣдѣ, питъи и успѣхѣ». Джеромъ-Джерома, перев. съ 64-го англ. изд. Никъ Кина. 112 стр.; цѣна 50 к., съ перес. 65 к.

Душа и тѣло. Проф. Алекс. Бона. 2-е изд. 215 стр.; ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Діагностика внутреннихъ болѣзней, согласно новѣйшимъ методамъ изслѣдованія О. Фирорда, профессора Гейскаго универс. 576 стр., съ 156 рис. въ текстѣ; цѣна 2 р., съ перес.

Игры древнихъ. Описаніе, происхожденіе и отношеніе ихъ къ религіи, исторіи, искусствамъ и нравамъ. А. Бенке-де-Фуньера; съ рис. 246 стр.; цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

Біографіи греческихъ и римскихъ классиковъ, съ указаніемъ на содержаніе важнѣйшихъ ихъ произведеній. Сост. В. Крыжановскій. Съ 9-ю литогр. рис. и 2-ми группами бюстовъ. 200 стр. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

При требованіи различныхъ мелкихъ сочиненій не менѣе какъ на 1 рубль за пересылку не принимается.

2014079831